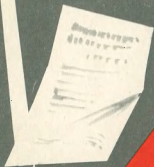

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВСКИЙ

судьбы
СЛЕДОПЫТЫ

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВСКИЙ

Феюта и другие
СЛЕДОПЫТЫ

П О В Е С Т И

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1980

Соколовский А. А.

С 59   **Неутомимые следопыты.**— М.: Моск. рабочий, 1980.— 336 с., илл.

Александр Соколовский — автор многих книг для детей («Новичок», «Первый особого назначения», «Таежная речка Акшинка», «Городок за рекой», «Храбрая Катя» и др.).

В книгу «Неутомимые следопыты» включены две повести, которые объединены главными персонажами. В повести «Дом на улице Овражной» рассказывается о поисках следопытами революционерки, участницы баррикадных боев на Пресне в 1905 году.

«Сокровище Волчьего лога» повествует о Великой Отечественной войне, о героической борьбе народных мстителей — партизан. Неутомимые следопыты в своих интересных поисках и открытиях воссоздают историю партизанского отряда, его боевых действий.

С 70803-070
М172(03)-80 166-80. 4702010200

Р2

Дан на улице
Образной

Идущий вперед — достигнет цели

Ступени крыльца скрипели, и я старался ставить ногу осторожнее: с носка на пятку. Но доски скрипели и от Женькиных шагов, а он не обращал на это ровно никакого внимания.

— Стучи,— приказал Женька, оглядев дверь и не найдя кнопки звонка.

Нам долго не отпирали. А может быть, мне просто показалось, что долго. Где-то далеко-далеко слышался приглушенный гул московских улиц. А здесь было тихо, как в дремучем лесу. Даже не верилось, что мы находимся в самом центре оживленного Краснопресненского района, что рядом широкие шумные городские магистрали, по которым ходят трамваи, ездят троллейбусы, мчатся грузовики, проносятся, шурша шинами, легковые автомобили — «Волги», «Москвичи»...

Наконец за дверью послышалось торопливое шарканье домашних туфель, и сердитый женский голос спросил:

— Кто? Кто там?

— Откройте, мы по делу,— неуклюжим басом отозвался Женька.

Звякнула цепочка, стукнула щеколда. Нас огля-

дели сквозь щелку. Затем цепочка снова зазвенела, и дверь отворилась. На пороге, запахивая одной рукой полу цветастого халата, а другой придерживая у горла воротник, стояла пожилая женщина и ежилась от холода.

— Давайте живее! — потребовала она вдруг, а что «давайте» — непонятно. — Ну, скорее, скорее. Видите сами, не июнь месяц...

То, что на дворе не июнь, а январь мы с Женькой знали очень хорошо. Во-первых, у нас были зимние каникулы, а во-вторых, мне то и дело приходилось растирать варежкой почти обмороженные уши. Но за кого она нас приняла, ни я, ни Женька не могли взять в толк.

— Ну, что вы уставились? Хотите, чтобы я в сосульку превратилась? Долго мне еще дожидаться?

— Нам узнать надо... — первым спохватился я. — Мы хотели спросить...

Чуть отстранив меня, Женька выступил вперед и решительно спросил:

— Вы в этом доме давно живете?

— Давно, давно, — еще более нетерпеливо и пуще ежась, объявила незнакомка. — На агитпункте знают.

— А с какого года вы тут живете?

Женщина рассердилась.

— Что вы мне голову морочите? Говорите скорее, какое у вас дело? Вы из агитпункта?..

— Нет, мы из Дома пионеров, — растерянно пробормотал я, уже понимая, что нас принимают за кого-то совсем другого.

— Отку-у-уда?

Женька толкнул меня локтем. Мы еще раньше уговорились, если он толкнет, значит, я должен молчать и не вмешиваться.

— Понимаете, — принялся поспешно объяснять

он, — мы из исторического кружка... Изучаем историю этой самой улицы... Овражной...

— Тут до восемнадцатого века овраги были... — совсем некстати вставил я.

— В восемнадцатом веке я здесь не жила, — резко ответила женщина и захлопнула перед нами дверь.

С минуту мы стояли молча и слушали, как стучается о дверную ручку запорная цепочка. Потом Женька набросился на меня:

— И во все-то ты лезешь не вовремя! Просили тебя? Высунулся со своими оврагами!..

Вострецов махнул рукой и сбежал с крыльца. Я молча поплелся за ним. Настроение у меня было совсем никудышное.

— Ничего, Серега, — сказал он, и я увидел закадычного моего друга, Женьку Вострецова, живого, восторженного, с жарко горящими глазами. — Ничего! Главное — помни, Серега, нашу поговорку: идущий вперед — достигнет цели...

Это была любимая Женькина поговорка. Он постоянно повторял ее, если у него что-нибудь не ладилось. И, удивительное дело, я и сам не раз замечал, что стоит произнести эти волшебные слова, как тотчас же прибавляется сил, появляется уверенность. Так и кажется, будто бы все получится как надо.

Внезапно Вострецов ухватил меня за руку и потащил за собой через мостовую.

— Здесь! — сказал мой товарищ. — Здесь будет наблюдательный пункт.

Он снова потянул меня за руку, и я уселся на запорошенную снегом скамеечку, дом, где мы только что были, отлично виднелся из тупичка.

Честно признаться, я уже жалел, что связался с Женькой. Третий день приходилось стучаться или звонить в незнакомые квартиры и нарываться на

всякие неприятности. К тому же мне не верилось, что из нашей затеи выйдет какой-нибудь толк.

Перед самыми школьными каникулами Иван Николаевич, руководитель исторического кружка в Доме пионеров, на одном из занятий объявил, что отныне нам предстоит изучать историю нашего Краснопресненского района. Он разбил кружок на несколько групп. Одна должна заниматься древнейшим периодом района, другая — предреволюционным временем, а третья — сегодняшним днем.

Несколько членов нашего кружка — коротышка Валя Леонтьев, девочка с пышными косами Зина Грунько, сухопарый и долговязый, вечно брезгливо поджимающий губы, словно он чем-то постоянно недоволен, Лева Огурецкий и еще двое девочек записались в группу, изучающую наше, советское время. Мне же древняя история нравится больше современной... То есть, конечно, сейчас творятся грандиозные дела, однако ведь для того, чтобы разобраться в этом, недостаточно знать теперешнее время, нужно заглянуть и в доисторическую эпоху.

Кто из вас знает, например, как раньше называлась Краснопресненская улица? А-а, ну то-то же! Большая Пресня. И в XII—XV веках она была частью дороги, ведущей из Новгорода в Москву через городок Волоколамск. А почему город Волоколамск носит такое название? Да потому, что здесь была переправа через речку Ламу. За нею и начиналась дорога на Москву. Но пусть те, кто этого не знает, не подумает, будто я хвастаюсь. Просто мне приходилось читать очень много книжек по древней истории.

Я и в исторический кружок Дома пионеров пришел не просто так, а основательно подготовленным. Я, например, знал, что Шмитовский проезд когда-то, в старину, назывался Смитовским, потому что на этой улице стояла фабрика Смита, виднейшего в Мо-

скве заводчика. А о Николае Павловиче Шмите я тоже слышал давно от моего отца. Он помогал восставшим рабочим Пресни чем только мог — и деньгами, и оружием... Жандармы арестовали его и замучили в Бутырской тюрьме. Помню, мы с Женькой долго в суровом молчании стояли перед фотографией, на которой Николай Павлович был изображен рядом с двумя тюремщиками...

Мантулинская улица раньше называлась Студенским переулком. Студень там готовили, что ли? А Большевицкая, та, на которой высится здание музея «Красная Пресня», — Большим Предтеченским переулком. На ней до сих пор стоит церковь Иоанна Предтечи... Впрочем, я, вероятно, увлекся. Если перечислять название всех улиц в районе, а потом сопоставить их прежнее название с теперешним, не хватит и толстенной книжищи.

И надо же было вмешаться в дело Женьке Вострецову. Он объявил, что двадцатый век куда интереснее доисторической эпохи.

— Да я бы со скуки помер, если бы жил в то время! Ты представляешь, пригласили бы тебя на новогодний... папоротник, что ли... или хвощ!.. Вместо лампочек — головешки!.. Дед Мороз — в мамонтовой шкуре... И подарок — вместо мандаринов и конфет кусок жареного ихтиозавра!.. Или каменный топор!..

— Да кто тебе сказал, что я собираюсь заниматься изучением древнейших времен?

— А то каких же?

— Ну, конечно, не самых давних...

Примирил нас все тот же Иван Николаевич. Однажды он пришел к нам в кружок и торжественно положил перед нами какую-то загадочную бумагу.

— Это первый лист судебного дела, — сказал он.

Мне отчетливо было видно изображение двугла-

вого орла, символа царского самодержавия. Внизу под ним я увидел печатные буквы «Московская Судебная палата по уголовному департаменту».

— Давайте разбираться вместе,— произнес Иван Николаевич.— Видите цифру здесь наверху?

— Одна тысяча девятьсот семь,— вслух прочитал Валя Леонтьев.

— Правильно. А что же это был за год?

— Это было время столыпинской реакции,— горячо объявил Женька Вострецов.

Ну, конечно, он был прав. После вооруженного восстания в Москве в 1905 году, когда царские войска подавили поднявшихся на борьбу измученных нелегкой, беспросветной жизнью рабочих, премьер-министр Столыпин издал закон, по которому бунтовщиков, то есть революционеров, стали преследовать еще сильнее. Их сажали в тюрьмы, угоняли на каторгу, везли в ссылку... Многих в ту пору казнили...

Какая-то странная это была фотокопия. Один уголок у листка был оторван, другой с противоположного конца обожжен. По всему листку были разбросаны рукою какого-то судебного писаря хитрые завитушки. Обвиняемой была женщина двадцати двух лет. Звали ее Ольгой. Дальше кусок листка был сожжен: по копии проходила ясно отпечатавшаяся бахрама.

Следующая строчка начиналась с половины фразы: «...ющей мѣстожи...» — и опять обгорелая бахрама. Внизу, слева, оторванный уголок, и снова строчка, начинающаяся с половины слова: «...ражной».

— Дело в том,— объяснил Иван Николаевич,— что в феврале семнадцатого года архив, где хранятся судебные документы, горел. Отсюда такой вид у этого листка.

Женька сидел с пылающим лицом.

— Она жила на Овражной улице,— охрипшим от волнения голосом объявил он.

— Правильно,— подтвердил Иван Николаевич.

Дальше в загадочной бумаге было еще несколько оборванных строчек. Нам удалось разобрать лишь слово «сословія». Ни фамилии, ни отчества этой Ольги в бумаге не оказалось. Зато очень явственно была проставлена мера наказания, к которой эту несчастную приговорили — пятнадцать лет каторжных работ. Видно, судебному писарю доставляло особенное удовольствие указывать сроки наказания.

— Надо фамилию узнать,— в наступившей тишине снова произнес Вострецов.

— Не только фамилию,— возразил Иван Николаевич.— Ведь ни номера дома, ни отчества этой женщины в документе нет. Вот работники Историко-революционного музея «Красная Пресня» и хотят обратиться к нашему кружку за помощью. Не скрою, дело это не из легких. Но постараться стоит.— Иван Николаевич смотрел теперь на нас с Женькой.— Я предлагаю поручить это дело Сергею Кулагину и Евгению Вострецову.

Вокруг нас зашумели ребята, а Иван Николаевич продолжал:

— Вот что, ребята. Надо узнать, что стало с этой женщиной после суда. Музей предполагает, что она выдержала испытание столыпинской каторгой, участвовала в Октябрьской революции, воевала на фронте в гражданскую войну... Но об этом после. Сейчас необходимо заняться поисками. Возможно, вам придется очень трудно. Но ведь у вас есть настоящие помощники, члены нашего кружка.— Он обвел всех присутствующих жестом.— Да и в музее есть знающие люди. Так вы уж, пожалуйста, не стесняйтесь, обращайтесь к ним. Я совершенно убежден: они вам не откажут, всегда придут на помощь...

Все это припомнилось мне, когда мы с Женькой сидели возле дома на улице Овражной, в тупичке на запорошенной снегом скамеечке, неизвестно чего и кого дожидаясь.

Дневник

До чего же я люблю нашу столицу! Особенно наш Краснопресненский район. Мне иногда говорят, что ничего, мол, хорошего в нем нет. Но я-то знаю, что район этот очень хороший. И прежде всего, конечно, потому, что в Москве я родился. Здесь совсем маленьким бегал бесчисленными проходными дворами, гонял по крышам сараев, играя с мальчишками в прятки... Здесь пошел в школу, в первый класс, гордясь новой формой, которую моя заботливая мама всю ночь подшивала, укорачивая брюки и курточку, делая их, как она сама говорила отцу, на вырост. Но, пожалуй, самое главное, что в школе тогда же, в самый первый день, я подружился с моим добрым товарищем и неизменным соседом по парте — Женькой Вострецовым...

Конечно, в каждом городе, в каждой, даже маленькой, деревеньке есть своя особенная прелесть. Но не за это я люблю Москву. Люблю я ее за какую-то необъяснимую теплоту, которую словно бы излучает каждый камешек ее мостовых, каждая тумба возле ворот. Как же она хороша... Особенно в летнюю пору... Да и зимою она тоже совсем неплоха. Я еще в дошкольном возрасте научился ездить на коньках да махать клюшкой, играя в хоккей...

Люблю наш огромный, шумный Краснопресненский универмаг, что возле заставы. Он занимает не только самое высокое здание на площади, но и ниж-

ние этажи в домах на Пресненском валу и на улице Красная Пресня.

На этой же улице, напротив станции метро «Краснопресненская», разместился зоопарк. Мы с Женькой не раз ходили туда, чтобы полюбоваться на разных диких животных и птиц. Мне нравились и разноцветные, беспрерывно галдящие попугаи, и задумчивые косули, пережевывающие траву, и могучие зубры, и лошади Пржевальского... А на новой территории, там, где крутой пирамидой возвышается террариум, вокруг него — открытые вольеры. Там помещаются хищники.

Раньше по нашей улице ходил трамвай. А до этого рельсы были проложены по улице Красная Пресня. Мне об этом рассказывал отец. Я-то сам уже не помню. Трамвай шел по Шмитовскому проезду, мимо Дворца культуры имени Ленина к Тестовскому поселку.

Как-то неприметно для меня улицу Красная Пресня расширили. Вероятно, я не обратил на это внимания, потому что каждое лето ездил в пионерские лагеря. А зимой мне и вовсе было не до того: начинались занятия в Доме пионеров.

Не раз приходилось мне пробегать, когда я направлялся к моему другу Женьке Вострецову, мимо неказистого одноэтажного домишки, стоящего не как все остальные здания на Большевицкой улице, а перпендикулярно к ней. Возле этого домика ноги мои как-то сами собой замедляли шаги: здесь с давних пор помещался Историко-революционный музей «Красная Пресня».

Впервые вся наша историческая группа, все двенадцать мальчишек и девчонок, явились в этот старый домик. Мы тогда только записались в исторический кружок. Нас туда привел руководитель этого

кружка Иван Николаевич. Была зима, и в декабре отмечалась годовщина первой русской революции.

Тогда, признаюсь честно, домишко этот не произвел на меня должного впечатления. Мне показалось, что он попросту тесноват для музея. В нескольких залах, которые и залами-то назвать было нельзя, осматривая экспонаты, прохаживались посетители.

Иван Николаевич предложил нам раздеться в гардеробной и, проведя нас по лестнице наверх, принялся вдохновенно рассказывать нам о подвиге броненосца «Потемкин», действуя своею тростью, как указкой. Потом он рассказывал нам о возникновении социал-демократической партии, а мы переходили следом за ним из одного зала в другой. «Лучше бы уж он рассказывал о древних мамонтах,— думал я,— или о доисторических носорогах, или хотя бы о саблезубых тиграх...»

Я с удивлением смотрел на Женьку, который буквально впился глазами в руководителя кружка. Я замечал, что некоторые взрослые посетители музея подходили к нам и останавливались в некотором отдалении, внимательно вслушиваясь в то, что говорил Иван Николаевич...

Затем возле одноэтажного домика построили высокий забор и что-то принялись за ним возводить. Нас с Женькой это мало беспокоило. Мы уже привыкли к тому, что по всей Москве воздвигают строительные леса. Мы тогда и не подозревали, что за этим забором строится новое здание музея «Красная Пресня».

Помню, как первый раз мы с Женькой робко вошли в просторные залы только что открывшегося здания этого музея. По сравнению с прежними они казались мне более просторными. И посетителей в нем гораздо больше, чем в старом зеленоватого цвета домишке. У стен под стеклом были расставлены

экспонаты. Висели портреты, фотокарточки и разные диаграммы...

В центре первого зала помещался широкий застекленный стол. На нем лежал фабричный гудок, возвестивший, как указывалось в справочной табличке, начало Декабрьского восстания и принадлежавший железнодорожным мастерским... И хотя все предметы мы уже видели в старом здании, они казались нам с Женькой новыми и еще ни разу не виданными: и оружие дружинников, участников баррикадных боев — бомбы, гранаты, шашки, очевидно отнятые у городских, — и остро отточенные напильники, применявшиеся защитниками как наконечники пик, и нагайки, которыми жандармы разгоняли бастующих рабочих, и кандалы — ими сковывали руки и ноги арестантам.

Но особое впечатление произвела на меня огромная книга с плотными да еще и застекленными страницами. В прежнем здании она мне как будто на глаза не попадалась. Листы у книги были такими толстыми, что переворачивать их одному было довольно-таки тяжело. Таких страниц было, наверное, с десятков. И на каждой — то фотокарточки, то списки оштрафованных и неблагонадежных рабочих...

На одном из листков имелся перечень заработков людей за месяц. Вот, например, сколько получал за работу тот, кто числился в бумагопрядильном цехе Прохоровской мануфактуры (теперь эта фабрика повсюду известна не только тем, что на ней поднялись восставшие рабочие в 1905 году, но еще и тем, что эта фабрика — одна из лучших в стране, вырабатывающая хлопчатобумажные ткани; она стоит на самом берегу Москвы-реки и называется «Трехгорная мануфактура» имени Дзержинского): мужчина зарабатывал 16 рублей в месяц; женщина-работница

и того меньше — 9 с половиною рублей. А ребяташкам, которые тогда не могли учиться, а тоже работали, платили и совсем крохи — 7 рублей в месяц. И ведь взрослым рабочим приходилось трудиться не так, как сейчас, по семи — восьми часов в сутки, а по двенадцати — четырнадцати часов...

Мы увидели в той беспощадной книге документальные фотографии ночлежных домов, где спали рабочие Прохоровской фабрики. Ячейки, похожие на гробы. Никаких одеял и простыней и в помине не было. Кое-где, правда, были подушки. Да и те без наволочек.

В другом зале Женька молчаливым кивком указал на одну из фотографий. На ней была изображена группа девушек-курсисток. Человек шесть. Мы долго рассматривали их открытые лица, еще совсем молоденькие... Ни одного некрасивого лица на снимке не было.

— Может быть, среди них есть та, кого мы ищем? — раздумчиво произнес Вострецов.

Я решил, что это шутка, и со вздохом подтвердил:

— Может быть, и так.

Хмурые и молчаливые возвращались мы в тот день из музея. Переулками вышли на улицу Заморенова. Начиналась вьюга. Мела колючая поземка, свиваясь в крутые жгуты.

— Понимаешь теперь, почему рабочие подняли восстание, — произнес Женька, поднимая воротник и загораживаясь от ветра. — Я бы и сам восстал на их месте...

— Все-таки хорошо, что мы живем не в то время.

Женька спросил:

— Ну так как завтра?

— А как завтра? — Пожал я плечами. — С утра на Овражную.

Мы уже успели обойти несколько домов на Овражной. Но, к нашему величайшему огорчению, ни в одной квартире не оказалось ни единого человека, кто бы мог рассказать нам что-нибудь об этой невесте куда исчезнувшей Ольге. Мне даже стало казаться, что ее никогда и на свете-то не было, что Иван Николаевич просто над нами подшутил. Впрочем, мысли свои я держал про себя.

А Женька ничуть не унывал. И я не раз слышал его девиз: «Идущий вперед — достигнет цели», и она как-то успокаивала меня. Он и не надеялся, что нам вот так сразу же повезет. Тем более, что иные дома на Овражной были построены совсем не в дореволюционное время, а в наше, советское. В некоторых было по пять, а то и по девять этажей... Разумеется, жильцы, переехавшие к нам в район из других мест, и понятия не имели о тех, кто жил здесь в 1905 году. Да мы и сами больше ориентировались на маленькие домишки в один или в два этажа, вроде того, где раньше размещался музей.

Но назавтра нас ожидало такое событие, о котором сейчас, спустя многие месяцы, я вспоминаю с неясной дрожью во всем теле.

Дело в том, что во время каникул занятия в Доме пионеров прекращались. Фраза, сказанная Иваном Николаевичем о том, что в архиве есть еще один документ, который может нас заинтересовать, прошла мимо нашего с Женькой внимания. А нам следовало бы о ней помнить.

На следующий день у нас в квартире зазвонил телефон. Мама взяла трубку, и я услышал ее спокойный голос: «Сейчас попрошу», и передала ее мне. Я думал, что сейчас услышу голос Вострецова, и уже приготовился приветствовать его громкими кли-

ками, но вместо Женькиного голоса услышал глуковатый баритон Ивана Николаевича:

— Сerezенька, я попрошу тебя сегодня быть у меня дома ровно в тринадцать ноль-ноль.

— Непременно буду,— произнес я, удивляясь, почему это он звонит мне и не ждет, когда мы соберемся после каникул на очередное занятие кружка.

Я положил трубку, совсем позабыв спросить, будет ли на этой экстренной встрече мой товарищ Женька Вострецов. Впрочем, Женьке ведь можно позвонить прямо сейчас же и все немедленно выяснить.

Вострецов подошел к телефону. Услышав мой голос, он сказал, что сам собирался мне позвонить и не знаю ли я, чего это нужно от нас Ивану Николаевичу. Я ответил, что мне ничего об этом неизвестно. Как бы там ни было, мы с ним уговорились встретиться в половине первого у касс метро «Краснопресненская».

Ехать было недалеко, до «Киевской». Там, в новом двенадцатизэтажном доме, жил со своею семьею Иван Николаевич. Мы поднялись на девятый этаж, и Женька нажал кнопку звонка.

— Раздевайтесь, ребятки,— встретил нас Иван Николаевич.

В кабинете, куда мы с Женькой вошли, стояло два стула. На столе мы увидели раскрытую общую тетрадь, исписанную мелким почерком. Записи были заметно выцветшими.

— У меня для вас сюрприз, ребята,— Иван Николаевич осторожно похлопал ладонью по тетради.— Я вам уже говорил, что имеются еще некоторые сведения о дальнейшей судьбе Ольги...

Он положил тетрадь перед нами так, чтобы нам удобнее было ее просматривать. Но строчки от волнения расплывались перед моими глазами, и лишь

одна, в которой говорилось о каких-то бандитах и кровопийцах, мелькала перед ними.

На первой странице стояла надпись: «И. И. Мещеряков, подпоручик».

— Этому человеку принадлежала тетрадка,— глуховатым голосом произнес Иван Николаевич.— Он был белогвардейским офицером и служил в армии Колчака. Позвольте, я покажу вам, откуда нужно читать.— Он ловко разгладил пожелтевшие от времени странички, испещренные «ерами» и «ятями».— Вот с этой строки.

«5 мая 1919 года»,— было выведено в левом верхнем углу страницы.

Конечно, после мы с Женькой прочитали и начало дневника. Прочитали о том, как этот самый И. И. Мещеряков удирал со своим братом, поручиком Георгием, из революционного Екатеринбурга,— так раньше назывался город Свердловск... Но в тот день Иван Николаевич куда-то спешил, и нам было не совсем по себе.

«Кажется мне сейчас,— было написано в дневнике,— будто бы все на земле посходили с ума. Сотни тысяч людей бросили все: дома, уютные, обжитые в продолжение многих лет уголки,— и мчатся прочь, подальше от хаоса, в котором исчезла, словно в кошмарном водовороте, наша прежняя жизнь с ее надеждами, чаяниями, привычками, милыми сердцу людьми... Надя! Наденька! Что же теперь будет со всеми нами? Ты не слышишь меня, не можешь мне ответить!.. Но всегда с тобою моя бессмертная, моя неизменная любовь. И всегда со мною моя ненависть к бандитам и кровопийцам, разлучившим нас!..

Я догадался, что так И. И. Мещеряков называет членов большевистской партии, рабочих, крестьян, солдат... Одним словом, весь бедный, измученный работою люд.

В начале ноября Мещеряковы добрались до Омска. В Сибири, за Уралом, в то время иностранные империалисты собирали армию, чтобы двинуться смертельным походом на запад, на Москву, на революционный Петроград... Правда, Мещеряков в своем дневнике почти ничего об этом не писал — просто я сам это знаю. А он больше горевал о своей разбитой юности, ругал Красную Армию да сочинял скучноватые стихи про луну, про туман и любовь. Четыре строчки я помню до сих пор:

Луна плывет в сиреновом тумане,
Качается, как лодка на волне,
И снова я с сердечной раной
В разлуке вспомнил о тебе...

Над каждым стихком стояли буквы «N. R.».

Потом стихи стали попадаться все реже. И большевиков И. Мещеряков больше не ругал. Видно, разгадал наконец, какие на самом деле звери его дружки — колчаковцы. Вот что он написал в своей тетрадке:

«Нет, никогда я не привыкну к тем порядкам, которые заведены у нас в армии! Может быть, это малодушие, трусость, никому не нужная гуманность?.. Подполковник Белецкий, начальник контрразведки нашей дивизии, потешается надо мной, называет сопляком и мальчишкой. Это за то, что я весь побелел от гнева, увидев, как два здоровенных унтера истязают седую старуху. Два ее сына служили в красных частях. Она кричала... О, как она кричала!.. До сих пор этот нечеловеческий крик боли и страдания стоит у меня в ушах.

Подполковник Белецкий уверяет меня, что простые люди, мол, ни малейшей боли не чувствуют, что их хоть режь на куски, все равно они остаются равнодушными ко всяким болям... А я слушал его и

думал о моей матери, оставшейся там, далеко, в Екатеринбурге...

Недавно у нас появился мой товарищ по училищу, тоже бывший юнкер, а теперь подпоручик, Валечка Косовицын. Он рассказал, что большевики не тронули ни одной семьи, из которой мужчины ушли в армию «сибирского правителя». Почему же мы режем, вешаем, убиваем, пытаем наших противников?.. Говорят, что красные офицеров и тех-то не всегда расстреливают. А солдат, захваченных в плен, как правило, оставляют в живых. Наши же ставят к стенке всех без разбора: и командиров, и рядовых солдат Красной Армии...

Что же происходит? Боже, вразуми раба твоего! Может быть, я чего-нибудь не понимаю...»

Потом в тетрадке все чаще стали попадаться такие размышления. Стихов с литерами «N. R.» больше не было. Зато мелькали названия деревень и других населенных пунктов, где после того, как там побывали белые, оставались трупы людей, сочувствующих красным, пепел, мелькали фамилии белых офицеров, покончивших с собой.

Однако все это мы прочитали уже после. А тогда, дома у Ивана Николаевича, мы пробежали всего несколько страничек, начав с той, где стояла дата: «5 мая 1919 года».

«С юга приходят малоутешительные вести. Красные заняли Бугуруслан, Сергиевск и Чистополь... Многие наши офицеры успокаивают себя тем, что у нас это временные поражения. Но мне кажется, что планы нового командующего большевистскими войсками на юге, некоего Фрунзе, гораздо глубже и дальновиднее, чем мы это себе представляем.

Все чаще задумываюсь я над навязчивой в последнее время мыслью: для чего все это? Для чего мы сожгли, разграбили и разрушили столько дере-

вень? Для чего наши карательные экспедиции расстреляли, повесили и замучили столько людей? Порою мне кажется, что весь мир обезумел и катится, катится куда-то вниз, в бездонную пропасть, все быстрее, быстрее, не в силах уже остановиться.

Когда я оглядываюсь на пройденный нами путь — от Явгельдина, Верхнеуральска, Оренбурга почти до самой Волги, — в мое сердце закрадывается ужас. Еще три месяца назад, в Омске, когда я и бедный, ныне павший бесславной смертью, брат мой Георгий были зачислены во второй уфимский корпус Западной армии генерала Ханжина, был убежден, что мы призваны действительно навести порядок в многострадальном нашем отечестве. Но день за днем это убеждение сменялось в душе моей другим: я перестал верить в это призвание. Мы больше похожи на шайку бандитов и грабителей, на общество мародеров и пьяниц, чем на доблестную армию освобождения русской земли от «красной заразы».

Часто я спрашиваю себя, боюсь ли я смерти. Пожалуй, нет. Но глупо погибнуть просто так, даже не зная, за что умираешь.

7 мая. После перегруппировки чаще стали поговаривать о предстоящем наступлении. Сегодня на рассвете наш батальон наконец занял позиции у реки Зай, южнее Бугульмы.

Наступление как будто назначено на послезавтра. Точно еще никто не знает. Из штаба пришел приказ Белецкому ни в коем случае не расстреливать пленных командиров. Командующему группой генералу Войцеховскому, очевидно, надо знать, какие контрмеры готовятся красными на нашем участке.

2 часа дня. Большевики, опередив нас, начали наступление на левом фланге 6-го полка. Туда брошено несколько эскадронов казаков. Красные отступили. Удалось захватить пленных. Я видел их, направля-

ясь в расположение 3-го батальона из штаба полка. Двоих мужчин и женщину конвойные вели в штаб, на допрос к Белецкому. Как раз в тот момент, когда они показались за поворотом дороги, я почему-то стал искать по карманам спички. Очевидно, это случилось от волнения.

Пленные поравнялись со мной. До чего же измученный у них вид! Все трое, видимо, ранены — еле передвигают ноги. Лицо женщины невольно приковало мой взгляд. Ее ясные глаза, обведенные синими кругами, взглянули на меня как-то странно. В них не было ненависти. Я увидел только немой укор. Конвоир толкнул ее прикладом. Совсем легонько, без особой злобы. Она качнулась вперед и пошла дальше. Другой конвойный, увидав, что я мну в руке папиросу, вытащил из кармана зажигалку и сказал, указывая на женщину концом штыка: «Важная птица. Большевичка... Комиссарша, что ли...»

Все время меня неотступно преследует взгляд этой женщины. И сейчас, когда я пишу эти строки при мигающем свете керосиновой лампы, ее сожалеющий взгляд, в котором застыл немой укор, так и стоит передо мной. Сколько ей лет? Двадцать три, как и мне? Тридцать?..

Когда вечером я по какому-то делу пришел в штаб, то сразу же наткнулся на помощника подполковника Белецкого капитана Астахова. Он сказал, что пленные молчат. За три часа пыток Белецкому, который сам устал как собака, не удалось выжать из них ни единого словечка.

Кажется, Астахов злорадствует. Он, конечно, так же, как и я, ненавидит Душегуба, как зовут у нас в дивизии Белецкого. А тот, вероятно, задыхается от злобы, от бессильной ненависти к пленным. С какой бы яростью он всадил в этих красных весь барабан из своего револьвера. Но приказ генерала Войцехов-

ского сдерживает его. И ведь не хватит его удар, мерзавца!

8 мая. Если бы Белецкий узнал, что произошло час назад, он бы повесил меня, ни секунды не раздумывая.

За полночь я вышел на улицу. Допоздна засиделся за составлением топографических карт. Ночь тихая. Сияют мелкие майские звезды. Я остановился, глядя на них с завистью. Какие они все-таки счастливые... Там не бывает никаких бурь, никаких катаклизмов, как на нашей несчастной планете!.. И снова передо мной вспыхнули будто звезды глаза той женщины, комиссарши. Они не молили о помощи. Они грозно и безмолвно твердили: «Смотри, запоминай, ты соучастник!»

Мне почудилось, что сейчас, еще несколько секунд, и я сойду с ума. Хотелось выхватить револьвер и пустить себе пулю в лоб. Но мне не хотелось умирать. «Трус!.. Трус!..» — в отчаянии твердил я. И вдруг будто бы что-то подтолкнуло меня. Какая-то невероятная сила повлекла на край села, к амбару, где были заперты те трое.

Часовой у амбара окликнул меня. Я вытащил из кармана первую попавшуюся бумажку. Впрочем, часовой, знавший меня в лицо, очевидно, решил, что у меня в руке пропуск от Душегуба. Но на всякий случай сказал: «Пускать не велено, ваше благородие».

Я намекнул, что у меня есть задание подслушать, о чем будут толковать между собою пленные. Он отошел в сторону. Я велел ему оставаться возле двери, а сам обошел постройку и приник к сырým от росы доскам. Сердце билось так, что я не слышал ничего, кроме этих частых ударов... Потом стал различать приглушенные голоса.

Первым заговорил мужчина.

— Мурыжат, гады...— И еще, спустя несколько секунд: — Лучше бы уж сразу в расход...

Потом раздался другой голос, низкий и хриплый:

— Петро, ноги-то у тебя как?

— Плохо,— раздалось в ответ.— Тот черный, с молотком, ка-ак ударит... Ни одной живой косточки нет...

Опять наступило молчание. Затем женский голос прозвучал чисто и твердо, а у меня от него дрогнуло сердце:

— Первое условие — не падать духом. Если сломлен дух, так и знайте — пропал человек... Осталось несколько часов... Верьте, наши выручат.

Отозвался тот, кто говорил вначале. Голос его прерывался. Очевидно Душегуб (черный, с молотком — это, конечно, он) истязал пленников больше других.

— Знаем, Оля. Несколько часов осталось... До гибели...

— Что ты, Ваня, не думай так! Выручат наши... Непременно подоспеют...

— Ясное дело,— подтвердил второй, с хриплым голосом.— Рано еще говорить о смерти. Еще и я к себе в Сосновку попаду... И ты, Оля, у себя дома побываешь, на Овражной...»

Мы с Женькой разом остолбенело взглянули друг на друга. Потом наши взгляды столкнулись на лице Ивана Николаевича. Он с удовлетворением покивал головой. А мы снова склонились над тетрадкой-дневником.

«Послышался смех. Да, эти люди, стоящие на краю могилы, были так сильны, так негибимо сильны, что могли еще даже шутить, несмотря на беспощадную боль!.. Дрожь охватила меня при мысли, что, может быть, сегодня на рассвете их, всех

троих, выведут к обрыву у реки, как выводили уже многих, и тупые равнодушные пули, просвистев, оборвут биение этих мужественных сердец. Мне нестерпимо захотелось сейчас же, не медля ни мгновения, ободрить их, уверить, что судьба у них может измениться к лучшему. Невероятно смелая мысль внезапно промелькнула в голове: спасти их, помочь бежать!..

От неловкого движения под моей ногой хрустнула ветка. Голоса в амбаре тотчас же умолкли. Я представил, как настороженно прислушиваются те трое за стеной сарая. И, почти не владея собой, прижавшись губами к сырым доскам, зашептал:

— Товарищи, друзья!.. Вы слышите меня?

Это непривычное, когда-то ненавистное слово сейчас прозвучало для меня неожиданной музыкой.

— Ты кто? — осторожно спросил из-за стены тот, кого Ольга называла Иваном.

Послышался предостерегающий голос женщины:

— Спокойнее, товарищи, это может быть провокация...

— Нет, нет, вовсе не провокация, — с отчаянием принялся уверять я. — Ведь я услышал, что завтра на рассвете вы ждете своих. Клянусь вам всем, что только есть у меня святого... матерью своей клянусь... Я вас не выдам. Только впредь говорите потише... Вас могут услышать и не такие честные уши, как мои.

— Ты наш? — спросил опять хриплый мужской голос. — Партизан?

— Нет, нет! Я служу в армии генерала Войцеховского. Но, верьте мне, я вас вызволю отсюда... Спасу...

Послышались шаги часового. Вероятно, прошло уже немало времени, а я этого и не заметил. Послед-

ний раз, прикинув губами к шершавым доскам, я поспешил шепнуть, обращаясь только к ней одной:

— Оля! Оля! (Как все-таки хорошо, что мне стало известно ее имя.) Вы слышите меня? Я вас спасу!.. Убью Белецкого!.. Перегрызу зубами горло каждому, кто причинит вам боль!..

— Я слышу,— негромко отозвалась она, и в ее голосе мне послышалось сдержанное волнение.— Но если вы действительно хотите нам помочь, постарайтесь сразу же, как только в селе появятся красноармейцы, направить их сюда... показать им, где нас держат... Поняли?

Я не успел ответить. Из-за угла сарая показался часовой. За ним неясными тенями шли еще двое. Я отступил за угол амбара и замер, нащупывая сбоку, в кобуре, холодную рукоятку револьвера. Если это пришли за пленными, чтобы вести их на казнь,— будь что будет... Я перебую конвойных, и, может быть, мне вместе с пленниками, вместе с нею удастся бежать...

— Хорошо тебе, Федотыч,— послышался сонный голос, принадлежавший кому-то из солдат.— Стой себе, покуривай да солнышка дожидайся. А нам, можа, будет команда реку переходить... Эх жисть служивая!.. Ну бывай.

Солдаты прошли. Очевидно, это был обычный патруль. Я вытер рукавом взмокший лоб. Часовой потоптался немного, наверное, удивляясь, куда это я запропастился, и шаги его стали удаляться. Я же поспешно повернул за угол амбара и, ступая неслышно, скрылся за деревьями.

Вернувшись к себе в избу, я почувствовал себя совершенно разбитым. Что делать? Что делать? Подвести подкоп под амбар? Рассказать обо всем капитану Астахову и вместе с ним устроить пленным побег? Успею ли я предупредить красных, если они по-

явятся в селе сегодня ночью?.. Не упаду ли, сраженный первой шальной пулей?..»

На этом месте строчки в тетради обрывались. Что произошло дальше с пленными, с Петром, Иваном и Ольгой, что случилось с автором дневника — И. И. Мещеряковым (даже имени и отчества его полностью нам с Женькой узнать не удалось), было неизвестно. А Иван Николаевич снова куда-то торопился. И тетрадь-дневник нужно было оставить у него дома. Женька было принялся поспешно листать странички, но руководитель кружка поднялся с места.

— Это все, что известно архиву.

— А разве больше ничего нет? — осведомился я.

— Ничего. Но дальше уже по истории тех лет известно: войска генерала Войцеховского 9 мая перешли в наступление южнее Бугульмы. Две дивизии красных — двадцать пятая и двадцать шестая — ответили на это наступление контрударами. Одиннадцатого мая части белых отступили за реку Ик. Вот что произошло тогда. А подпоручик Мещеряков, видимо, погиб в одном из этих сражений. А кстати, — внезапно встрепенувшись, всем телом повернулся к нам руководитель кружка. — Кто командовал двадцать пятой стрелковой дивизией?

Мне захотелось тут же спрятаться за спину Женьки Вострецова. А он, вовсе не обращая на меня внимания, удивленно ответил:

— Герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев.

Ну как же я мог об этом забыть? Ясное дело! Чапаев! А Иван Николаевич закрыл тетрадь и постучал согнутым пальцем по обложке:

— Вот в каких местах воевала та, кого мы ищем.

— А интересно, — с мечтательным видом произнес Женька, — сам-то Мещеряков Чапаева видел?

Руководитель кружка слегка пожал плечами.

— На этот вопрос мог бы ответить сам подпоручик Мещеряков... если бы остался жив.— И в его голосе я уловил саркастические нотки.— Но пока нас это интересовать не должно. Важно другое. Нам второй раз попадается имя Ольги и название улицы — Овражная.

— Так ее найти надо, Ольгу! — воскликнул я.

— Ну, ее-то вы, может быть, и не отыщете,— сказал Иван Николаевич.— Вы что же думаете, что за столько лет не наводили никаких справок? Ведь у нас под рукою музей «Красная Пресня». И там известно о ней, и в архиве... Но если мы с вами узнаем, в каком доме она жила, разыщем ее родственников, то все остальное прояснить будет уже не так трудно.

— И мы разыщем! — не задумываясь, воскликнул Женька.— Верно, Серега?

— Вот и я этого хочу,— кивнул с улыбкой Иван Николаевич.— Узнавайте. Но только с одним условием.— Он поднял длинный палец с необычайно продолговатым ногтем.— О докладе не забывайте ни на мгновение.

Бабушка Ксения

Когда мы вышли на улицу и направились к станции метро, Женька был возбужден до крайности и говорил не переставая.

— Ну, Серега, это тебе не мамонты или бронтозавры какие-нибудь!.. Еще один пунктик есть. А пока пройдем всю Овражную, их знаешь, сколько появится, этих пунктиков! — Он помолчал с секунду, почесывая переносицу, а потом принялся рассуждать: — Давай, знаешь, как сделаем? Разделим

улицу пополам. Ты пойдешь, скажем, там, где четные номера, а я по другой...

Но тут мы очутились под сводами станции «Киевская», я сунул двугривенный в щелку разменного аппарата и протянул Женьке пятак. Но свою мысль Вострецов развивал и когда мы сели в поезд, и когда вышли на станции «Краснопресненская». И потом, когда шли по улице Заморенова...

Распрощались мы с ним как всегда возле нашего подъезда и уговорились встретиться завтра утром и тотчас же пойти на Овражную. А с завтрашнего дня и начались наши приключения.

Я вышел из дома без пятнадцати девять. Женька появился минуты через две. Вид у него был донельзя озабоченный. Вместе мы пошли к троллейбусной остановке. Там собралось уже довольно много народу. Женька выбрал самого молодого из всех и обратился к нему:

— У вас нет спичечки?

Кудлатый парень без шапки с желтой сумкой на ремешке через плечо полез в карман брюк и достал зажигалку.

— А спичек нет?

Парень помотал головой. Но в это время подкатил троллейбус, и очередь медленно всосала нас в салон.

— Зачем тебе спичка понадобилась? — спросил я, когда мы уселись на мягкие подушки сиденья.

— Жребий бросить. Кому какая сторона улицы достанется.

— Да ведь можно и так договориться. Вот ты какую хочешь?

— А ты?

— Ну, скажем, четную, — я вспомнил, что на четной стороне стояли низенькие домишки в два-три этажа.

За разговором мы быстро доехали до нужной нам остановки.

Домом № 6 оказалось невысокое строение в три этажа. Женьке достался огромный дом-новостройка этажей в двенадцать.

— Ух ты,— произнес я, окидывая этот дом взглядом и придерживая шапку, чтобы не упала.— Вот так домик. Пока ты его весь облазишь, я, пожалуй, успею несколько таких, как мой, обойти.

— Иди, иди,— с неудовольствием сказал Женька.

Но меня вдруг охватила робость. Я неуклюже топтался на тротуаре перед подъездом, не решаясь войти. Как-то неловко было стучаться в чужую квартиру и спрашивать, не здесь ли в 1905 году жила женщина, которую звали Ольга, а фамилии мы не знаем. Да на меня посмотрят как на сумасшедшего. И сумею ли я объяснить, кто она такая.

Я оглянулся, ища поддержки у Женьки. Но он уже исчез. «Лучше я его тут, на тротуаре, подожду,— подумалось мне.— И мороз слабый сегодня... Градуса три или четыре...»

— Ну что стоишь? — внезапно услышал я Женькин голос.

Он, хитрец, оказывается, стоял в подъезде и следил за мной. Ему отлично была видна моя нерешительная фигура.

— Раздумываю, с чего начать,— бодрым голосом откликнулся я.— Вот сейчас и пойду.

Я набрался храбрости и толкнул дверь.

Ступенька, еще одна, третья, четвертая... Площадка.

Дверь в первую квартиру была усеяна кнопками звонков. Под каждой белела табличка с надписью. Я принялся читать фамилии: «Николаю и Кириллу Громобоевым...», «Звонить только Альбине Бойко...», «Зезегов Иван Гаврилович...», «Цыпленочки-

ну», «Семенчуку 1 раз, Кубышкиной 2 раза». И крепко приклеенная квадратная бумажка с грозной надписью: «Волкову стучать».

Я читал и перечитывал эти имена и фамилии и размышлял: какую же кнопку нажать? Для чего так много звонков? Наконец я стал присматриваться к фамилии Цыпленочкина. Фамилия была ласковая, добрая. Я так и представил себе старичка, пухленького, лысого, с мягкими руками. Я еще немного потоптался перед дверью и нерешительно ткнул пальцем в кнопку на двери.

Не отпирали долго. Я еще раз надавил кнопку и долго не отпускал. И вдруг совершенно неожиданно дверь распахнулась. Передо мной стоял громадного роста небритый человек в помятых брюках, подтяжках, надетых поверх ночной рубахи, в шлепанцах на босу ногу. Лицо у него было заспанное и злое.

— Чего надо? — хрипло спросил он.

Растерянно и испуганно я глядел на него снизу вверх. Неужели это и есть Цыпленочкин?..

— Ну, чего тебе тут надо? — заорал жилец. — С работы придешь, так и тут выспаться не дают!.. Шляются шаромыжники всякие!..

Я шарахнулся в сторону и кубарем скатился со ступенек в парадное. Мне вослед грохотал сиплый бас:

— Драть тебя некому! От горшка два вершка, а туда же!..

Пулей вылетел я на улицу и едва не сшиб с ног Женьку. Он, оказывается, стоял в подъезде, неслышно подкравшись, и тайком проверял, как я справляюсь с первым самостоятельным заданием.

— Так, понятно, — зловеще прошипел Женька. — Ясно, как ты ищешь...

— Да ведь я, Жень, хотел уже спросить... А он как заорет...

— Заoret! И зачем я только с тобой связался! Ничего не умеешь. Пойдем, я тебе покажу, как надо.

Все еще продолжая ворчать, Женька стал подниматься по уже знакомой мне лестнице. Он храбро нажал кнопку первого же попавшегося звонка.

— Кто там? — спросили за дверью.

— Откройте, пожалуйста. Мы по делу.

Дверь отворилась, и низенькая старушка в аккуратном переднике и ситцевом платке появилась перед нами. Она оглядела нас с хитроватым прищуром, наморщив остренький нос, и вдруг чему-то страшно обрадовалась.

— Заходите, заходите, голубчики вы мои! Смотрите-ка, и выходного дня не пожалели. Ну, молодцы... Вот уж молодцы!

Ни я, ни Женька никак не ожидали такого удивительного приема. А старушка, стаскивая с нас в прихожей шапки и помогая раздеться возле вешалки в коридоре, все твердила, приговаривая радостно и удивленно:

— А ведь не ошибся Иван-то Николаевич. Сказал, что вы зайдете. И правда зашли. Золотые вы мои...

Я просто не верил ушам. Неужели руководитель нашего исторического кружка уже успел побывать здесь и предупредить старушку о нашем особом задании? А она, подталкивая нас вперед по тесному узкому коридорчику, сплошь заставленному сундуками и корзинками, говорила не переставая:

— Вот они, мои комнатки. По нынешним-то временам не богатые хоромы... Но для меня и Павлика этого хватит, даже с избытком.

Она открыла дверь, и мы очутились в комнате, где был такой беспорядок, словно здесь с час назад произошло небывалое по силе землетрясение.

Ошарашенные, стояли мы с Женькой в дверях и смотрели на весь этот беспорядок. А старушка безо всякого промедления нагроутила нас разными делами: Женьке сунула в руки веник, а мне велела повесить занавески на окна.

Притомившись от всех этих забот, она вдруг стала посреди комнаты, потирая ладонями поясницу. Женька принялся остервенело подметать пол. Он поднял такую пылцу, что мне волей-неволей пришлось лезть под самый потолок и браться за занавески.

Внезапно она всплеснула руками:

— Совсем из головы вон! Плитку-то электрическую надо починить. Иван Николаевич говорил, что среди вас есть знатоки электричества. Павлик-то мне до ухода в армию всегда ее чинил.— Она оглядела меня и Женьку. Он, очевидно, понравился ей больше, потому что она позвала его с собой.

Распахнулась еще одна дверь, и я увидел вторую комнату, где была такая же неразбериха. Женька ушел со старушкой туда, но она не притворила дверь, и я, стоя на стремянке, хорошо видел, как Вострецов возится с плиткой.

Повесив занавески, я взялся за веник. Тем временем Женька вернулся в комнату несколько побледневший, с всклокоченными волосами. Он сообщил мне, что старушку зовут бабушка Ксения или Ксения Феоктистовна.

— По-моему, Серега, нас принимают за каких-то других ребят...

— Ну да! А как же Иван Николаевич?..

Вернувшись, Ксения Феоктистовна попросила нас продолжать уборку квартиры, а сама побежала на кухню готовить еду. Есть, честно-то говоря, мне хотелось до чрезвычайности. Тем более, что мы про-

возились уже до часу. Правда, за работой время летит как-то незаметно.

Когда все было готово,— пол блестел, будто его только что вымыли, а на окнах висели занавески,— старушка вошла в комнату, торжественно неся на вытянутых руках большую кастрюлю с борщом. У меня при виде ее даже слюнки потекли.

— Поешьте-ка моего борща,— говорила между тем старушка, наливая нам в тарелки дымящуюся пахучую и густую жижу.

Борщ, и правда, оказался такой вкусный, что я в один присест очистил целую тарелку. Да и Женька уписывал его за обе щеки. А ведь говорил, что ему совсем не хочется есть. После борща бабушка Ксения принесла из кухни сковородку с котлетами и макаронами.

Наконец с обедом было покончено. Часы захрипели, словно набирая воздух в простуженные легкие, и устало пробили три раза.

— Ну, спасибо вам, дорогие вы мои,— бодро произнесла старушка.— Приходите в гости, когда Павлик мой из армии вернется. А Иван Николаевич возвратится из колхоза, скажу ему, какие у него шефы распрекрасные...

— Какие шефы?! — в один голос воскликнули мы.

— Известно какие. Тимуровцы. Он ведь говорил, когда уезжал: придут, мол, тимуровцы из восьмидесят шестой школы, мои шефы...

— Мы не из восьмидесят шестой вовсе! — откликнулся Вострецов.

— Ах ты, господи! — всплеснула руками старушка.— Значит, и ваша школа над нами шефство взяла!..

— Мы над вашим домом шефства не брали,— произнес Женька.— Мы зашли по совсем другому

делу. Нам Иван Николаевич иное задание дал. Мы должны разыскать дом, где жила одна женщина, участница баррикадных боев в девятьсот пятом году...

— В девятьсот пятом? — с недоверием переспросила старушка. — Так вы не из восемьдесят шестой школы?.. А как фамилия того, вашего Иван Николаевича?

— Вознесенский, — хором откликнулись мы.

— А моего Иван Николаевича Корнеев фамилия.

Но Женька не сдавался.

— А вы в этом доме давно живете?

— Только что приехали, милоч. А раньше-то мы в Хабаровске жили... А здесь... Я вам сейчас покажу человека, который, не знаю как до революции, но здесь уж, почитай, годков тридцать живет.

Она повела нас по тому же тесному и темноватому коридору мимо кухни, где уже галдели хозяйки, мимо сундуков и висящих корыт, непрерывно говоря:

— Громобоевы, отец и сын. Хорошие, надо сказать, люди. Отец-то уже пенсионер. А сыночек еще совсем молодой, годков сорок будет...

Осторожно постучавшись в одну из дверей, она стала дожидаться.

— Войдите, — раздался из-за нее звучный баритон.

Мы очутились в просторной комнате с двумя окошками. Высокий старик с поредевшими седыми волосами поднялся нам навстречу с низенькой кушетки. Он, видно, отдыхал после обеда. Сложенная газета лежала на ней.

— Не беспокоили вас, Андрей Ферапонтович? — заговорила старушка тоненьким голоском.

— Заходите, коль пришли.

Старик посверливал нас с Женькой острыми,

словно буравчики, глазами. Бабушка Ксения обернулась к Вострецову.

— Вот ты, рыженький, скажи...

Мой товарищ стал объяснять, что мы ищем женщину, участницу баррикадных боев на Пресне в тысяча девятьсот пятом году, и спросил:

— Скажите, вы не знаете, у вас в доме не жила такая женщина двадцати двух лет... Ее звали Ольга...

Андрей Ферапонтович призадумался.

— Ольга... Ольга... — Он потирал себе лоб пальцами в старческих пигментных пятнах. — Да, была Ольга... Дай бог память... Николаевна. А может быть, Никифоровна... Да, точно, Никифоровна. И фамилия у нее какая-то чудная была: не то Серая, не то Белая... Только ей в девятьсот пятом уже немало лет было.

— А вы не помните, — волнуясь, продолжал допытываться Женька, — она в девятьсот седьмом еще судилась... И ее приговорили к пятнадцати годам каторжных работ...

— К пятнадцати годам! — удивился Андрей Ферапонтович. — Да я ее до самой смерти помню. И никогда она под судом не была. Мне-то тогда всего-навсего годков шесть было. А баррикада стояла в конце улицы. Когда стрельба началась, мать нас всех спрятала вот в этой самой комнате и занавески закрыла... А эта самая Ольга Никифоровна богомольной была женщиной. Если какой-нибудь престольный праздник, рождество там, пасха или петров день, с рассветом уходила в церковь...

— А может быть, она не в церковь ходила, а на какие-нибудь собрания подпольные?

— Какой там! — Андрей Ферапонтович махнул рукой. — Она с собой еще соседку брала, тетку Ма-

нефу. Ну, доложу я вам, это была такая злыдня, что не приведи господь...

— Значит, не та,— упавшим голосом, со вздохом произнес Вострецов.

— Да вы, ребятки, не огорчайтесь,— утешил нас хозяин комнаты.— Еще отыщете свою героиню.

Когда мы распрощались с Андреем Ферапонтовичем, бабушка Ксения тоже принялась нас утешать:

— Да найдете вы эту вашу Ольгу.

Меня же разбирало зло на Женьку. Я буквально закипал от негодования. И как только мы очутились на лестнице, дал волю своему гневу. Я высказал ему все свои соображения. Я сказал, что если мы станем всюду лазить на стремянки да вытряхивать занавески, то и за десять лет не сумеем разыскать эту Ольгу.

Женька слушал меня молча, а потом сказал:

— А ты хоть на одно мгновение представь, что те ребята из восемьдесят шестой школы не пришли. Что, мы с тобой не помогли бы бабушке Ксении? Пойдем-ка лучше в следующую квартиру, благо она нас обедом накормила.

Нелегкое дело

Но нам не везло ни на второй, ни на третий день, хотя мы обошли уже восемь домов, из которых два было девятиэтажных.

Угловой дом был в три этажа. Но ни в одной квартире не нашлось ни одного человека, которому было что-нибудь известно об этой женщине, участнице баррикадных боев на Пресне. Одни в ответ на наши расспросы пожимали плечами, другие просто удивлялись: как такое — пропал человек и найти

его невозможно. А иные попросту косились на нас с подозрением: не смеемся ли мы и не затеваем ли какую-нибудь проказу.

Конечно, попадались и такие жильцы, которые выслушивали нас со вниманием и всеми силами хотели помочь, и мы с Женькой видели, что история пропавшей без вести героини интересует их всерьез.

Руководитель кружка нам сказал, что копия первого листа судебного дела хранится в Историко-революционном музее «Красная Пресня». Нам его выдали безо всякой расписки. С дневником же белогвардейского офицера дело оказалось посложнее. Иван Николаевич объяснил, что сейчас машинистка занята перепечатыванием каких-то бумаг и не может скопировать необходимые нам странички. Но мы были рады и тому, что с первой бумагой не было никакой волокиты.

На пятый день безуспешных наших поисков, часов в пять, уставшие и голодные, мы сошли с троллейбуса на остановке и понуро двинулись к моему дому. Внезапно из-за поворота выскочил Лешка Вревкин из нашего класса. Пальто у него было распахнуто, вероятно, чтобы все полубовались его новеньким фотоаппаратом «Смена». Увидав нас, Лешка тотчас же принялся болтать по своей обычной привычке:

— А я в зоопарке был... Снимал зверей.— Он хлопал ладонью по футляру.— Пленка сто восемьдесят единиц... Особо чувствительная. У меня даже экспонометр есть...— И он вытащил из кармана какую-то мудреную плоскую картонку с надписями и цифрами.

Женька и так недолюбливал Лешку за болтливость и манеру вечно чем-нибудь хвастать.

— Ступай, ступай своей дорогой,— сурово сказал он.— У нас и своя работа есть... Тебе не понять...

— Это почему же? — недоумевал Лешка. — Может быть, все-таки пойму? Не такой уж я идиот.

— А какой? — все так же насмешливо спросил Вострецов.

— Да ну вас! — Веревкин махнул рукой и гордо пошел дальше по улице Заморенова.

Мне показалось, что Вострецов был слишком уж груб с Лешкой, и я, упрекнув его, сказал:

— Для чего ты так?

— Пусть не хвастает. Подумаешь, фотоаппарат у него... «Смена». Мы и сами — юная смена. И дело делаем, а не по зоопаркам шлendraем.

Мы снова распрощались напротив моего дома. А на завтра с утра опять поехали на Овражную улицу.

С час, должно быть, мы сидели возле деревянного дома, неизвестно кого и чего дожидаясь. Я здорово замерз, и наконец мне стало совсем невмоготу. В этот момент на крыльцо дома, за которым мы с таким вниманием наблюдали, взбежала девчонка в серенькой меховой шубке и синей шапочке. Она потопала ногами в меховых сапожках и сунула руку в карман, должно быть за ключом.

— Быстрее, Серега, за мной! — крикнул Женька, как угорелый срываясь со скамеечки.

Он первым очутился на крыльце. Девчонка уже успела вставить ключ в замочную скважину. Услышав грохот наших заледенелых башмаков, она в испуге обернулась и, даже не пытаясь вытащить ключ, застрявший в скважине, прижалась спиной к двери.

— Вы что?.. Чего вам надо?.. Мама-а!..

— Ты погоди, не ори... — задыхаясь, закричал Женька. — Мы тебя не тронем...

Но девчонка ничего не хотела слушать. Она вопила как оглашенная и барабанила в дверь ногами, а

глаза у нее были такие, словно мы собираемся ее растерзать.

Внезапно я почувствовал такой крепкий толчок, что шапка слетела у меня с головы и я сам полетел с крыльца носом в снег. А когда, побарахтавшись, наконец выбрался из сугроба и отфыркался, то увидел над собою плечистого парня в очках и коротком полушубке.

— Не имеете права драться! — обиженно крикнул Женька. Он поднимал со снега судебную бумагу.

— Давай, давай, крой отсюда! — пригрозил парень. — А то и не так еще влетит.

— Мы по важному историческому делу!.. — возмущался Женька. — А вы деретесь!..

Девчонка осторожно тронула парня за рукав.

— Они не обижали, Володя. Это я, наверно, сама перепугалась. Мсжет, они не из Васькиной компании...

— Погоди, Света, — произнес парень. Он сошел на две ступеньки пониже и спросил: — Так по какому вы, говорите, делу?

— По такому... — Женька шмыгал от обиды носом. — Мы тут, около дома, может, два часа сидим ждем... А вы деретесь...

— Ладно, не хнычь, — примирительно произнес Володя, спускаясь еще ниже и загораживая нам с Женькой дорогу. — Бывают ведь ошибки. Тут, на нашей улице, такие бедовые ребята живут... Особенно один — Васька Русаков.

— Я и не хнычу. Только обидно мне... Прежде, чем драться, спросить нужно.

— Заладил одно: драться да драться. Понятно ведь, нечаянно вышло. Ну-ка давайте заходите в дом и рассказывайте. Дай-ка нам, Света, веник. Мы снег отряхнем.

За дверь в прихожей было полутемно.

— Раздевайтесь,— хлопотала между тем Светлана; ей, очевидно, было неловко за свою оплошность.— Вот сюда вешайте... Проходите в эту дверь...

В комнате, где мы очутились, было очень тепло. В углу, у окна, стоял письменный стол, заваленный книгами и тетрадями.

— Это папин кабинет,— объяснила Света.— Днем папа на заводе, и здесь занимается Володя.— И добавила с уважением: — У него скоро сессия.

Я не знал, что такое сессия. И названия у книг были непонятные: «Соппротивление материалов», «Организация производства...» Девчонка бегала по комнате, убирая со стульев книги.

— Садитесь. Сейчас Володя придет. Только умоется.

Мы не успели сесть, как быстрой, энергичной походкой вошел Володя, потирая покрасневшие руки.

— Ну, пескари,— весело сказал он, сдвигая книги с кровати и усаживаясь на ней,— докладывайте, какие у вас важные дела?

Женька достал из кармана многострадальную нашу бумагу, где только не побывавшую, а теперь еще вываливавшуюся в снегу, и протянул Володе. Он повертел ее и так и эдак и с недоумением произнес:

— Это что же за ребус такой?

В который раз приходилось Женьке объяснять, что нам нужно. Однако на этот раз долго растолковывать не пришлось.

— Занятная история,— произнес Володя.— Так вы, значит, собрались разыскать эту женщину? Здорово! — Он еще раз перечитал бумагу, потом поднялся с кровати и прошелся по кабинету.— Да-а, нелегкое у вас дело.

— Сами знаем, что нелегкое,— вздохнув, согласился я.

А Женька сказал:

— Нам бы только найти хоть одного человечка... Хотя бы единственного, кто бы знал эту Ольгу.

— Вот это-то и трудно. Шутка ли, сколько лет прошло. Верно, Света?

Девочка опять молча кивнула.

— Ведь этой женщины, может быть, и в живых-то нет,— продолжал Володя.— Даже наверняка нет.— Он тряхнул головой так, что его белокурые волосы упали на лоб.— Впрочем, одно скажу — поиски вам необходимо продолжать.— Он помолчал, задумавшись.— Если я вас правильно понял, вы хотите знать, кто в этом доме жил до революции. К сожалению, я этого не знаю, и мама не знает, и отец...

— А я знаю,— совершенно неожиданно для нас раздался голос от окна.

Мы с Женькой разом повернулись. Светлана стояла там с пылающими щеками.

— Я знаю, кто здесь жил до революции. Дедушка Виталий Купрейкин.

— Точно! — воскликнул Володя.— Ну как же я мог об этом забыть! Виталий Васильевич Купрейкин! Он вам обо всем расскажет... Он бывший красногвардеец. Служил в Первой конной армии у Семёна Михайловича Буденного.— Володя остановился посреди комнаты, а потом стремительным шагом направился к столу и отпер ящик.

Там среди самых разнообразных бумаг лежала записная книжка, видимо, принадлежавшая отцу Володи. С этой книжкой он вышел в коридор, где висел телефонный аппарат, и торопливо стал набирать номер.

— Мария Ивановна? Это с вами Володя говорит. Узнаете? Как вы живете?

Он долго молчал, очевидно, старушка Мария Ивановна объясняла юноше, как они с Виталием Васильевичем Купрейкиным живут. Володя терпеливо слушал. А мы с Женькой подались вперед в нетерпении. Наконец незнакомая нам старушка, видно, закончила свою речь, и Володя смог задать ей новый вопрос:

— А как Виталий Васильевич? Не болеет? Ну, это случается в его возрасте. Ведь ему, считайте, уже восемь десятков... Ах, даже восемьдесят один! Преклонный возраст. И то, что он чувствует себя молодцом, конечно, ваша заслуга. А он сейчас дома? Нету? А где же, если не секрет? Ах в санатории... Да так, дела, дела... Экзамены на носу... А как же! Конечно, готовлюсь... Мария Ивановна, может быть, вы можете сказать... Кто у нас в доме жил в 1905 году?

Снова наступило продолжительное и тягостное для нас с Женькой молчание. Видимо, Мария Ивановна объясняла что-то Володе.

— Вот что, братцы,— произнес Володя, вернувшись.— Мария Ивановна и сама толком ничего не знает. Рассказать об этом может только сам Виталий Васильевич. Они сейчас живут на Кутузовском проспекте... Да я сейчас вам адрес напишу.

Он вырвал из блокнота листок и написал на нем адрес и телефон.

— Вот возьмите. Только Купрейкину нужно звонить не раньше четырнадцатого. Он сейчас находится в санатории.

К выходу нас провожала Светланка. Она все еще чувствовала себя виноватой и объясняла, что никогда бы не испугалась нас, если бы по ошибке не приняла за приятелей Васьки Русакова, грозы Овражной улицы, Петьку Чурбакова и Кольку Поскакалова.

— Да вы их, наверно, знаете,— убежденно сказала девочка.

Но мы с Женькой оба одновременно пожали плечами. Ведь мы понятия не имели, что на Овражной живут ребята, которых следует опасаться.

Светланка вышла следом за нами на крыльцо. Она стояла и рукою махала нам вслед.

— Приходите обязательно!..

— Придем,— пообещал Женька, сбегая с крыльца.

Снова мы очутились на улице. Все так же она уходила вдаль, прямая, с облетевшими еще осенью деревцами, словно воткнутыми в наваленные сугробы. Но теперь, когда я узнал о существовании Русакова, она сразу же показалась мне чужой и неудобной. Чудилось, будто из каждой подворотни могут выскочить мальчишки, которых даже сам рослый и бесстрашный Володя называл бедовыми. Ой как же туго тогда придется нам с Женькой!..

— Жень,— произнес я, плохо скрывая страх.— А что, если Васькины ребята на нас нападут?

— Ну и что же? Мы возьмем да и расскажем им, для чего ходим и кого ищем.

— Они тебя и слушать не станут... Надают по шее...

— Эх ты, трус! — с презрением произнес Вострецов.— Ваську испугался. Подумаешь!..

Он повернулся и зашагал по тротуару не оборачиваясь. А я смотрел ему вслед. Конечно, страшно, очень даже, было встретиться с Васькой и его компанией, но еще хуже было слышать от Женьки такие обидные слова.

— Постой, Жень! — крикнул я.— Подожди!..

Он остановился.

— Чего тебе?

— Ладно, Женька, не обращай внимания. Я с то-

бой буду. Искать, так уж вместе. Сам ведь говоришь — идущий вперед — достигнет цели...

— Верно, Серега. Что же Васька не человек, что ли? Не поймет, какое у нас важнейшее задание?

Мы зашагали дальше вдвоем.

— Жень, а что такое сессия?

— Это у студентов экзамены так называются. У нас сосед, Игорь, тоже в институте учится. Так у них там каждую зиму и каждое лето экзамены.

— Два раза? — не поверил я. — А сопротивление материалов что такое?

— Это я не знаю, — признался Вострецов. — Нужно будет спросить у Игоря.

Неужели нашли?

Что такое сопротивление материалов, я вечером узнал у отца. Он объяснил, что есть такая наука о прочности разных строительных конструкций, деталей машин, самолетов и прочего.

— Вот возьмем, например, мост, — говорил отец. — Чтобы его поставить, нужно тоже знать эту науку. Материалы изнашиваются в процессе работы. И чтобы продлить их службу, нужно как раз и изучать сопротивление материалов.

Когда я уже лег, отец неслышно подошел ко мне и доверительно спросил:

— А где это ты целыми днями гоняешь, нельзя ли узнать?

— Задание у нас с Женькой есть. От исторического кружка. Пап, а почему называется сопротивление материалов? Ведь в той науке про расчеты только.

— Не только про расчеты, Сергей. Чем больше

материал испытывает нагрузки, тем больше он этой нагрузке сопротивляется, не хочет уступить и разрушиться. Конечно, каждый материал сопротивляется по-разному. Дерево, например, меньше выдержать может, чем железо. А железо меньше, чем сталь...

Снилась мне в ту ночь какая-то путаная неразбериха. То громадные мосты, по которым с грохотом и свистом мчались курьерские поезда, то самолеты, взмывающие в высокое синее небо. А утром приснилось, будто Женька стоит надо мной и говорит: «Пойдем, Серега, к подполковнику Белецкому. Я его самолично взял в плен, и он сейчас нам скажет, где у него спрятаны красноармейцы».

Потом Женька внезапно куда-то исчез, словно растворился в воздухе. А вместо него появилась высоченная стена. И я сам стою возле нее в разорванной красноармейской гимнастерке и гордо смотрю в глаза белым. А они уже подняли винтовки, целятся в меня... Но я смотрю на них так, что они отворачивают глаза от моего жгучего взгляда и отводят черные дула винтовок...

Но вот где-то за стеной дробно стучат копыта лошадей. И прямо через высоченную стену летят на головы белым горячие кони, развеваются рыжие гривы, сверкают так, что больно глазам, острые кавалерийские пашки... И на переднем коне в кожанке и курчавой кубанке мчится девчонка. Лихо врезается она в кучу бегущих белогвардейцев, улыбается мне, машет рукой... И я вижу, что она точь-в-точь похожа на Светланку. Такие же, как у нее, синие глаза и русые волосы. Такие же — острыми уголками — брови и косая морщинка над переносицей... А рядом с ней, откуда ни возмись, Женька. Соскочил с лошади — и ко мне. Толкает, теребит, рад, видно, что подросел на подмогу...

Когда я открыл глаза, надо мною стояла мама,

улыбаясь, будто сегодня какой-нибудь праздник. В окно светило ослепительно яркое солнце.

— Вставай, Сереженька,— ласково говорила она,— вон как крепко спишь. Даже брыкаться стал. Десятый час уже. Да и дружок твой давно под окнами свистит.

Я вскочил и босиком кинулся к окну. Женька стоял на тротуаре напротив и делал мне знаки. Я показал ему жестом, чтобы он не стоял на морозе, а шел бы в дом. Впрочем, мама заставила меня идти в ванную мыться.

Когда я вышел из ванной чистый и причесанный, Женька зашипел, как продырявленный мяч:

— Ну и соня! Договорились к девяти. Я его жду, жду, а он себе спит будто мертвый.

— Завтракать будешь, Женечка? — спросила мама.

— Нет, Анна Павловна, спасибо. Я уже поел,— проговорил мой приятель, многозначительно глядя на меня.

Наконец мы с Женькой очутились на улице. Солнце сияло в небе, как начищенный медный колокол. Когда мы спешили к троллейбусной остановке, мне казалось, что весь город до края наполнен веселым солнечным звоном.

— Жень,— вспомнил я вдруг.— А отец мне вчера рассказал, что такое сопротивление материалов. Это наука такая. Прочность изучает. Из какого материала что строить нужно, как рассчитывать.

В этот момент подошел троллейбус, и мы вошли в него.

— Так,— сказал Женька, когда мы вышли на нужной остановке.— Вчера в двенадцатый заходили. Может, сегодня до двадцатого успеем.

Мы подошли к дому, весь низ которого занимал продовольственный магазин. Меня это порадовало:

хорошо, что магазин, — все-таки одним этажом меньше.

На двери первой же квартиры, куда по уговору позвонил я, висело несколько ящиков для писем и газет. Почти тотчас же за дверью послышались шаркающие шаги, а затем в дверях показалась высокая прямая старуха со строгим лицом. В одной руке она держала половник, от которого валил пар.

— Вам кого? — спросила она сурово.

Мне сделалось неловко от ее колючего взгляда.

— Вы извините, — заторопился Женька. — Мы только на минутку.

— А все-таки кого вам надо? — все так же строго настаивала старуха, загораживая дверь и не пропуская нас в квартиру.

— Вы не знаете, — прямо-таки взхлеб затрепал Вострецов, — тут у вас на Овражной женщина одна жила... Ольга ее зовут... — Он поспешно начал расстегивать пуговицы пальтишка, чтобы вытащить лист судебного дела.

— Ольга? Какая такая Ольга? — удивленно произнесла старушка, и вдруг лицо ее посветлело. — Так вам, наверное, Ольгу Александровну надо? Пономареву! Как же не знать! Ее все знают. Она у нас человек заслуженный. Депутат Моссовета...

Я не верил своим ушам. Неужели нашли!

— А где... где она живет? — запинаясь от волнения, спросил Женька.

— Да в доме двадцать один, квартира сорок шесть. Наискосок от нас... Ну как же мне не знать Ольгу Александровну!..

Кубарем скатились мы с лестницы. Перегнав меня во дворе, Вострецов крикнул на бегу:

— Не отставай, Серега!

Мы бросились через улицу, едва не угодив под колеса отчаянно загудевшей машины, и помчались

по тротуару. Семнадцатый... девятнадцатый... Вот он!.. Двадцать первый!..

— Здесь, Сережка!

Женька остановился и, отдышавшись, оглядел меня придирчиво и деловито.

— Галстук поправь. Ну-ка дай я сам. И пуговица оторвана. Вот растяпа.

На пальто у меня и впрямь не хватало пуговицы. Я с огорчением покрутил торчавшие в петле ниточки. И вдруг что-то белое, круглое промелькнуло в воздухе. От сильного удара по уху у меня перед глазами запрыгали разноцветные мячики, как будто мне в лицо швырнули горсть гороха. В тот же миг с головы Вострецова слетела шапка. Схватившись за ухо, я испуганно оглянулся, и тотчас же снова крепкий снежок залепил мне правый глаз.

Я взвыл от боли. Но другой-то глаз у меня все-таки глядел. И я увидел над соседним забором двух мальчишек, взобравшихся, должно быть, на высокий сугроб. Один был длинный, с ехидным лицом; у другого же лицо зеленоватого, нездорового цвета было сонное и угрюмое. Потом рядом с этими появился еще и третий...

— А ну, Коля! — завопил долговязый. — Давай еще залп!..

Это был, конечно, Васька Русаков, предводитель хулиганской компании. А Коля, разумеется, — Колька Посакалов... Третьего я не знал. Мне только показалось, что лицо у него какое-то невыразительное. Возможно, это был тот самый Петька Чурбаков, о котором нам рассказывала Светлана. Впрочем, мне сейчас было не до рассуждений. В нас опять полетели снежки. Одним чуть не попало мне по носу, другой угодил Женьке по щеке...

Я не стал дожидаться нового залпа и, убежденный, что Вострецов побежит за мною, пустился на-

утек. Я совершенно позабыл про наш с Женькой уговор все объяснить неистовому Ваське Русакову про Ольгу Александровну, до встречи с которой, возможно, оставалось несколько минут... Я не слышал, как Вострецов кричит во всю мочь:

— Куда, Серега? Стой!

В ушах моих все еще слышался свирепый свист кого-то из мальчишек и насмешливые голоса, один из которых принадлежал Ваське Русакову:

— Стой, Серега!.. Мы тебе еще влечим!..

Я мчался, не оглядываясь, а голова гудела то ли от ударов снежками, то ли от нестерпимого ужаса перед злодеями-ребятами.

Не знаю, сколько раз я упал на бегу, сколько раз вскакивал и снова пускался наутек... Опомился я, только добежав до троллейбусной остановки. Остановился, тяжело дыша. И тут же, отдышавшись, вдруг вспомнил: Женька! Что теперь будет? Мне представилось, как Вострецов подойдет ко мне, как презрительно глянет мне в лицо, как, может быть, с негодованием плюнет на мостовую...

И вот он показался из-за угла. Выбежал, огляделся, решительно сунул руки в карманы и, наклонив голову, двинулся прямо ко мне.

— Струсил? — процедил он сквозь зубы.

— Да что ты, Женька! Я ведь думал, что ты за мной бежишь.

— Так ты, выходит, думал, что я тоже трус?..

— Ну не трус... а я просто... испугался...

Вот когда Женька с негодованием сплюнул на мостовую. Мне даже сделалось как-то легче от этого плевка. Наверное, вид у меня был очень уж виноватый и жалкий, потому что он, внезапно смягчаясь, произнес:

— Ладно уж, на первый раз прощается.

— Я, Жень, ни за что бы не побежал, — торопли-

во, захлебываясь, принялся убеждать его я. — Мне только показалось, что ты тоже побежал...

— Ну смотри, — пригрозил Вострецов, — если снова удерешь, я с тобой больше ни за что водиться не буду. Понял?

— Понял, — невесело согласился я. — А если они все-таки нам нададут?

— Тогда драться будем! — решительно объявил Женька.

Мы опять зашагали по тротуару. Признаюсь, я чувствовал себя довольно погано. Драться мне ни с кем не хотелось. Длинным, очень длинным и страшным показался мне на этот раз наш путь. Поминутно я озираясь по сторонам: не крадутся ли за нами следом эти дружки. Но никого не было видно.

Мы вошли в подъезд, и мне почудилось, будто мы окунулись в теплую ванну, до того сделалось спокойно. Вот сейчас мы поднимемся в светлой кабине лифта на нужный нам этаж и увидим ее... Ту, которую давно ищем. Ради нее мы обошли столько домов. Ради нее я падал носом в сугроб и заработал сегодня здоровенный синяк под глазом...

Лифт, дернувшись, остановился. Не знаю отчего, но у меня вдруг отчаянно застучало сердце. Женька позвонил у двери. Послышались легкие молодые шаги. На пороге стояла стройная женщина со смуглым лицом и темными вьющимися волосами. Черные живые глаза оглядывали нас с внимательным любопытством.

— Вы ко мне, ребята? — спросила она.

— Нет, — отозвался Женька. — Нам учительницу надо... Ольгу Александровну...

— Пономареву, — подсказал я.

— Ага, Пономареву... Она дома?

— Дома, дома, — улыбнулась женщина. — Проходите. Ольга Александровна Пономарева это я.

Динарий Юлия Цезаря

Каникулы подходили к концу. В книжном магазине «Красная Пресня», что возле заставы, в канцелярском отделе с утра выстраивалась небольшая галдящая очередь из школьников за тетрадками. Маму уже два раза приглашали на какие-то родительские собрания.

Все чаще дома почему-то стали попадаться под руку учебники — то задачник по алгебре, то «Физика», то «Грамматика»... Громадная елка, которая накануне Нового года засверкала в витрине Краснопресненского универмага, почти совсем осыпалась. Сияющие на ее ветвях разноцветные золотые и серебряные шары потускнели и потеряли свой заманчивый блеск.

Да, каникулы подходили к концу. Но не видно было конца нашим с Женькой поискам. Ольга Александровна Пономарева, конечно, оказалась совсем не той Ольгой, которую мы искали. Зато она очень здорово нам помогла. Оказалось, что она, действительно, помнила наизусть всех жильцов во всех домах на Овражной. Ведь Пономарева, и верно, была депутатом, правда, не Московского Совета, а районного Совета народных депутатов. Ей часто приходилось иметь дело со своими избирателями.

— Запишите фамилии пенсионеров — коренных жителей нашей улицы, — посоветовала нам она. — Вам будет гораздо легче искать.

За три дня до воскресенья мы решили обойти первых коренных жителей Овражной улицы по списку Ольги Александровны, а в воскресенье позвонить по телефону Виталию Васильевичу Купрейкину на Кутузовский проспект, возможно, он к тому времени уже возвратится из санатория.

В пятницу мы с Женькой торопливо шагали к троллейбусной остановке. На перекрестке нас кто-то окликнул. Разом обернувшись, мы увидели Ивана Николаевича.

— Ну, искатели, как успехи? — поздоровавшись, спросил он.

— Ищем, — тяжело вздохнув, сказал Женька.

— А что же так грустно? Надоело, что ли?

— Ну что вы, Иван Николаевич!.. — голос у моего приятеля зазвучал несколько бодрее. — Нам тут учительница одна помогла. Она всех жильцов на Овражной помнит. Нам, знаете, сейчас как легко стало!..

— Какая же учительница?

— Пономарева!.. Ольга Александровна! — в один голос, словно сговорившись, гаркнули мы.

— Как же, как же, знаю такую. Превосходная женщина. Ну а доклад как? Готовитесь?

Мы оба разинули рты. С нашими поисками мы совершенно забыли о докладе.

— Ай-яй-яй, — осуждающе покачал головой Иван Николаевич. — Ведь договорились же...

— Да мы все подготовим, — торопливо принялся убеждать Женька. — И альбом еще сделаем...

— Какой альбом?

— О революционном прошлом нашего района.

— А ведь это отличная мысль, Вострецов! — воскликнул руководитель исторического кружка. — Ну, вот, и троллейбус ваш подошел. Желаю удачи во всех ваших начинаниях.

Всю дорогу до Овражной улицы мы с Женькой горячо обсуждали, каким должен быть тот альбом, который так неожиданно придумал мой неугомонный товарищ. Я настаивал, чтобы на его обложке развевалось алое знамя, символ революционных схваток у нас в районе. Женька не возражал. Но ко-

гда мы принялись обсуждать, как будет называться альбом, водитель объявил нашу остановку.

Первым у нас в списке значился какой-то Леонид Алексеевич Вольский. Против его фамилии стояла цифра «26». Это означало, что он живет в двадцать шестом доме. Ольга Александровна сказала, что не раз бывала у него дома. «Забавный старичок,— промолвила она с доброй улыбкой.— Он вам непременно должен понравиться». Но чем — не объяснила.

Вот и дом старинной постройки. Быстро отыскав дверь со множеством звонков, под одним из которых виднелась фамилия «Л. А. Вольский», Женька нажал кнопку.

— Сей-час, сей-час,— нараспев раздалось за дверью.— И-ду, и-ду...

Щелкнул замок, дверь распахнулась.

— Нам к Леониду Алексеевичу,— смело сказал Женька.

— Милости прошу,— отступив чуть в сторону и сделав приглашающий жест, объявил хозяин квартиры.

Вероятно, Вольский еще не причесывался, потому что седые пышные волосы топорщились у него во все стороны.

— Прощу располагаться,— произнес он, когда мы разделись и вошли в просторную комнату, казавшуюся тесноватой из-за обилия мебели.— И честно скажу: сгораю от любопытства узнать, чему я обязан посещением столь симпатичных юношей.

— Вы, наверно, артист,— не подумав, выпалил я.

— Увы, мой юный друг, все мы артисты в этой запутанной трагикомедии, называемой жизнью,— отозвался он, усаживаясь в старинное кресло.— Итак, осмелюсь спросить, чему обязан вашим столь ранним визитом?

Пока Женька объяснял, для чего мы пришли, я

смог оглядеться получше. Все стены до самого потолка были увешаны картинами в золоченых и коричневых рамах. На них большей частью изображались ветхие лачуги и развалины. В углу, рядом с окном, стоял широкий письменный стол. На нем, распластав крылья, возвышалась большая деревянная птица на подставке. «Эге,— подумал я.— Так вот почему Ольга Александровна говорила о забавности Вольского».

Затем внимание мое привлекла груда монет. Чтобы лучше их разглядеть, я даже привстал с места, что, разумеется, не укрылось от острого взора Леонида Алексеевича.

— Что вас такое там заинтересовало, мой юный друг?

Я смутился и спросил, для чего на столе так много денег.

— Да ведь я нумизмат,— произнес Вольский.— Вот тут ваш товарищ произнес целую речь, и довольно горячую, о революционном прошлом нашей улицы. Ах вы, юные историки и исследователи времен и народов.— В его голосе я уловил нотки скрытой теплоты.— Да, и я тоже был молод. И я стремился создать свою Героическую симфонию или написать «Макбета», построить Эйфелеву башню и изобрести электрическую лампочку... Но миру неугодно было сделать меня своим избранником. Все мы лишь песчинки в космосе. Из ничего появились и в ничто уйдем.

Хотя мне было и не все понятно из того, что он говорил, но высказывался он очень красиво.

— Вещи! — поднимаясь во весь рост, воскликнул Леонид Алексеевич.— Вещи, вот что бессмертно. Что знали бы мы о египетском фараоне Хеопсе, если бы он не воздвиг свою знаменитую пирамиду? Кому был бы известен Фултон, если бы он не создал паро-

вого двигателя? Только вещи, переходя от поколения к поколению, оставляют память в людских сердцах.

Он говорил громко и торжественно, шевеля большими своими усами, насупив лохматые брови, поднимая вверх тонкий, словно школьная указка, длинный указательный палец.

— Ну-ка подойдите сюда, — подозвал он нас с Женькой. — Вы увидите, что такое настоящая историческая ценность.

Уставший от его необычайных речей, я вместе с Женькой подошел к столу. И тут, взглянув на груды мелочи, я увидел, что это не обычные пятаки или гривенники, а какие-то совсем незнакомые мне монеты.

Одни были с ноготь величиной, совсем крохотные, другие побольше. Некоторые аккуратно лежали в коробочках на красном сафьяне.

— Всю жизнь, с самого детства, я собираю монеты, — произнес Леонид Алексеевич, бережно придвигая к себе одну из коробочек. — Такой коллекции нет, пожалуй, ни у кого в Москве. И вот недавно мне удалось достать... — Он взглянул на нас так таинственно, будто собирался преподнести сюрприз. — Мне удалось достать...

Словно фокусник, он ловким движением раскрыл коробку, и я увидел на шелковой белой подушечке темный кружок величиною с двугривенный. Приглядевшись, на этом кружочке можно было рассмотреть изображение какого-то старика, сидящего на табуретке и опирающегося рукой на палку. На другой руке, вытянутой вперед, у него сидела птица.

— Знаете ли вы, что это такое? — торжественно спросил Леонид Алексеевич.

— Ясно что, — удивился Женька. — Монета.

— Да, да, — с непонятной мне грустью произнес

чудаковатый хозяин.— Для вас это просто монета. А для меня — свидетельница величайших в мире событий, кровавых битв, хитроумных интриг... Она прожила на свете две тысячи триста лет! Да знаете ли вы, что это подлинная тетрадрахма Александра Македонского?

Историю Древней Греции мы учили в школе еще в прошлом году, в пятом классе.

— Смотрите,— с оживлением говорил Леонид Алексеевич, осторожно переворачивая монету пинцетом с одной стороны на другую.— Видите, здесь выбит профиль? До сих пор считалось, что это изображение головы Геракла, мифического героя Древней Греции. Но я убежден, что лицу Геракла неизвестный ювелир придал черты самого Александра!.. Ну что вы скажете? Интересное открытие?

Увлечшись, Леонид Алексеевич принялся показывать нам одну за другой монеты: динарий Юлия Цезаря, выпущенный в сорок четвертом году до нашей эры; громадную древнеримскую монету асс, такую тяжелую, что носить в кармане было, наверное, не очень-то удобно; малюсенький римский сестерций, рядом с великаном ассом казавшийся карликом,— на нем была изображена голова древнеримской богини Ромы... И о каждой монете Вольский рассказывал увлеченно, поглаживая их пальцами, сдувая с них пылинки. Наконец он притомился и, отойдя от стола, тяжело опустился в кресло.

— Вот, мои юные друзья,— устало произнес он,— какая у меня коллекция. И разве стоит тратить силы на бесполезные поиски какой-то там воительницы?.. Что значит людская суeta по сравнению с молчаливым величием этих древних реликвий?

— А мы и не тратим на бесполезные поиски,— хмуро отозвался Вострецов.— Может, про ту, как вы говорите, воительницу, подробно узнать, так ее про-

филь тоже на монете нужно чеканить...— Он помолчал и добавил неуверенно: — Вы бы лучше вспомнили, а? Ведь она на одной улице с вами жила... Ольгой ее звали...

— Нет, друг мой,— прикрыв веки, утомленно покачал головой Леонид Алексеевич.— Не помню. Да и вообще не верю, чтобы на нашей улице мог жить хоть один человек, чье имя представляло бы хоть какой-нибудь интерес для истории.

— Как же не мог? Вы просто не знаете, а говорите. Вы, наверное, и в Историко-революционный музей «Красная Пресня» никогда не ходили!..

От возмущения Женька покраснелся и стал махать руками, шмыгать носом. Я изо всех сил толкал его под стулом ногой. Но тут старый хозяин комнаты внезапно поднял руку.

— Постой, постой. В каком году, ты сказал, ее судили?

— В девятьсот седьмом.

— Девятьсот седьмой... девятьсот седьмой...— Вольский потер лоб пальцами, словно силясь что-то припомнить.— Мне тогда было десять лет... Я учился в третьем классе гимназии... Ба! — он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.— Маленькая Докторша!

— Докторша? — в недоумении переспросили мы.— Какая докторша?

— Ну, конечно! Маленькая Докторша. Так мы ее называли.

Битва на Овражной

Сколько прошло времени? Час, два... Может быть, больше? Мы сидели, боясь пропустить хоть слово из того, что рассказывал нам Леонид Алексеевич. Он

теперь не казался мне чужаком. Все, что он рассказывал, было просто и понятно, как хорошая книга, от которой нельзя оторваться...

Я отлично представлял себе то время... Неспокойная была осень. Вокруг носятся тревожные слухи. Слова «бунт», «восстание», «стачка» на все лады повторяли и полицейский чиновник, который приносил Лёнину отцу — чиновнику судебной палаты — папки с делами, и бородатый, звероватого вида дворник Куприян, и кухарка Ариша. Социалисты готовили нападение на самого царя, твердили они.

Как-то дворник Куприян, злобно ворча, принес в дом лист бумаги с оторванными углами. Он снял его с ворот дома, где жили Вольские. В том листке было сказано, что рабочие с оружием в руках должны защищать свои права, на которые посягают царь и его министры. А еще в нем говорилось, что царские генералы гонят на войну с Японией тысячи рабочих и крестьянских сыновей и что гибнут они из-за глупости этих самых генералов и что богачи — хозяева заводов и фабрик — еще больше наживаются и богатеют на военных заказах...

Когда Куприян ушел, отец вслух, хотя и негромко, прочитал весь листок матери, а увидав, что Лёня стоит и внимательно слушает, прогнал его из столовой.

С каждым днем, — да что там! — с каждым часом в районе становилось все беспокойнее. Говорили, будто на красильной фабрике рабочие поломали станки, но виновных не нашли... Всюду — в Брестских железнодорожных мастерских, на табачной фабрике «Дукат», на заводе Грачева — сами собой возникали митинги, забастовки... Но особенно часто вспыхивали они на самой большой в районе фабрике — Прохоровской мануфактуре...

Однажды утром Леню не пустили в гимназию, хотя день был и не воскресный, да и праздника никакого не предвиделось. Ариша, охая и суетясь, снимала со стен иконы и для чего-то выставляла их на подоконники так, чтобы было видно с улицы. Отец вернулся со службы еще до полудня, расстроенный, словно бы не в себе.

В полдень за окнами послышалось нестройное пение. Леня тайком приоткрыл занавеску и увидел толпу людей. Они пели и несли в руках иконы и портреты царя. Но вот они поравнялись с бакалейной лавкой, где, сколько Леня помнил себя, торговал маленький близорукий Самуил Шнейдер. Несколько человек из толпы бросились к дверям. Лене почему-то сделалось страшно. Сначала он подумал, что это разбойники собираются ограбить лавку старого Шнейдера. Но тотчас же заметил среди людей, толпившихся у лавки, дворника Куприяна.

Люди ревели и ломились в помещение. Леня увидел, как Куприян поднял с мостовой булыжник и швырнул его лавочнику в окно. Брызнули со звоном стекла...

Внезапно дверь распахнулась, и сам старый Шнейдер, бледный, с трясущимися губами, появился на пороге. Его сбили с ног. Он что-то кричал, путая еврейские и русские слова. Леня тоже закричал, но только от страха, и кинулся в столовую, к матери.

Неожиданно на улице загрохотали короткие револьверные выстрелы. Потом все стихло.

Вечером Ариша, убежав куда-то на полчаса, вернулась и сообщила новости. В тот памятный полдень толпа разбежалась, побросав на землю портреты его величества государя императора, потому что с мебельной фабрики Шмита спешили сюда рабочие папулы. Они заступились за Шнейдера.

С этого дня Леня стал бояться дворника Куприяна, а когда тот ругал политических и студентов-смутьянов, не верил ни одному его слову.

Вскоре, выходя из гимназии после занятий, Леня повстречал своего одноклассника Степу Кукушкина. Степы в тот день на занятиях не было, и все решили, что он заболел. Но Кукушкин объявил, что и не думал болеть, а бегал смотреть митинг на фабрике, где делают сахар.

Мальчики вдвоем побежали к Даниловскому сахарорафинадному заводу в Студеницкий переулоч. Еще издали они увидели в воротах множество людей. Ворота, всегда крепко-накрепко запертые, сейчас были распахнуты настежь. Рабочие, в замызганных фартуках, в картузах, стояли молча, сосредоточенные и хмурые, обступив человека в черном пальто и широкополой шляпе.

Незнакомец что-то говорил, стоя на куче ящиков посреди двора. Чтобы лучше видеть и слышать, мальчики взобрались на забор. Человек в шляпе говорил с необычайной страстностью, что черносотенцам-погромщикам надо дать жесточайший отпор. Он сказал, что уже во многих городах рабочие организовали комитеты общественной обороны, милицию и дружины.

Потом на ящиках, являвшихся, видимо, импровизированной трибуной, появилась худенькая, совсем еще молодая девушка в синей шубке и белой меховой шапочке. Голос у нее был звонкий, и мальчишки, сидя на не очень-то удобном заборе, сплошь утыканном бутылочными осколками, хорошо все слышали.

Она говорила, что рабочие не должны терпеть, когда хозяева увольняют их, штрафуют и стараются украсть у них каждую копейку. Этому нужно положить решительный конец. Пусть администрация

Прохоровской мануфактуры примет уволенных недавно рабочих, пусть увеличит поденную плату, отведет помещение для больницы...

В толпе слышались голоса, восклицавшие: «Правильно!.. Верно говорит!» А девушка рассказывала, что на многих заводах — она сама была там — хозяева пошли на уступки рабочим. Только нужно выступать всем сообща, вместе, пусть хозяева поймут, что рабочие до конца будут бороться за свои права.

Внезапно Леня услышал разноголосые полицейские свистки. По улице к воротам фабрики бежали городовые. За ними показались конные жандармы с кисточками над круглыми шапками.

Размахивая нагайками, жандармы врезались в толпу рабочих. Ребята кубарем скатились с забора, причем Кукушкин поранил себе ногу об острую стекляшку, и задворками побежали по домам...

Однажды вечером в двери дома, где жили Вольские, раздался торопливый нервный стук. Отворив, Леня увидел Аришу, которая морщилась, видно, от боли и негромко стонала. А рядом с ней, поддерживая ее под локоть, стояла та самая девушка, что выступала перед рабочими на митинге.

Оказалось, что Ариша, возвращаясь домой от сестры, поскользнулась на улице и упала. Девушка помогла ей добраться до дома. Вместе с Аришей прошла на кухню, велела Лене принести из аптечки бинты, согрела воду... Она командовала так, словно была у себя дома. Маму она совсем загоняла. Усадила Аришу на табурет, разула и принялась растирать ей ногу. Причем делала она это так профессионально, что Леня только диву давался.

После этого девушка уложила Аришу на койку, оглядела стены и, видимо, осталась довольна тем, как живет ее пациентка. Лениной маме она сказала,

что Арише необходимо недельку полежать, причем тоном, не допускающим никаких возражений.

Наступил декабрь. Но тревога не рассеялась. А в одно пасмурное утро Леня услышал за окнами странные звуки: будто бы кто-то хлопал доскою часто-часто по листу фанеры. Вскочив с постели, Леня босиком подбежал к окошку. Ему плохо было видно, но он увидел, что его родная Овражная на перекрестке перегорожена кучей каких-то бочек, ящиков, сорванных с петель дверей и железных кроватей. Надо всем этим развевался красный флаг на сером древке. Изредка среди этой груды возникало легкое белое облачко, и тогда раздавался звук, похожий на удар доской по фанере. Леня догадался, что это винтовочные выстрелы...

Вскоре он разглядел и людей, которые прятались за мешками и ящиками. Они стреляли в сторону площади, а тех, в кого они целились, не было видно.

Неожиданно среди этих притаившихся фигур Леня заметил знакомую синюю шубку и белую меховую шапочку. Он сразу же узнал Маленькую Докторшу. У нее в руке был револьвер, из которого она время от времени посылала пули туда же, куда стреляли и остальные.

Слышались выстрелы и со стороны площади. Иной раз от какого-нибудь ящика в сторону отлетала щепка. Леня понимал, что в ящик попадала пуля. Вдруг — Леня это явственно увидел — один из защитников баррикады как-то странно дернулся, выпрямился во весь рост, выронил винтовку, и ноги его будто подкосились... Тотчас же девушка в синей шубке и белой шапочке наклонилась над ним, приподняла его голову, и Леня с ужасом увидел, что по лицу его бежит тоненькая темная струйка. Потом она схватила винтовку, которую выронил этот, очевидно, смертельно раненный человек, и

стала стрелять, крепко прижимая приклад к плечу.

Но больше Лене Вольскому ничего увидеть не удалось. В комнату вбежала мама с совершенно белым, словно бы сильно напудренным лицом, схватила сына за плечи и потащила в столовую, а оттуда, полуодетого, черным ходом вывела во двор...

— Два дня просидел я в подвале флигеля у соседки — прачки Нюры, старой, очень жалостливой женщины, — рассказывал Леонид Алексеевич. — Даже там, в подвале, было слышно, как стреляют на улице. А потом глухой темной вьюжной ночью меня вывели из подвала. Спросонок я даже не разобрал, кто именно меня вел. Вероятно, отец... А проснулся уже далеко от Овражной — кажется, на Пречистенке. После я узнал, что правительственные войска все-таки разогнали защитников баррикады... — Он помолчал, прикрыл глаза ладонью и проговорил нараспев, словно читал стихи: — В крови родился наш беспутный век...

— А Докторша эта? — нетерпеливо спросил Женька.

— Ее я больше не видел. Но помню, то ли полгода, то ли год спустя отец как-то, вернувшись со службы, за чаем сказал матери: «Знаешь, по делу бунтовщиков будут судить двадцать восемь человек, и среди них одна женщина, почти совсем еще девочка, курсистка... Кстати, жительница нашей улицы...» Мне тогда представилось, что он имеет в виду нашу знакомую — Маленькую Докторшу.

— Ясно, это она! — вырвалось у Женьки. — А как ее фамилия, не помните?

— Ну, откуда же? — развел руками Леонид Алексеевич. — Впрочем, она как будто бы называла свое имя...

— Да имя мы и так знаем, — разочарованно протянул Женька. — Ольга... Нам бы фамилию узнать...

— Ольга? — переспросил Вольский. — Почему Ольга? Она назвалась, по-моему, Людмилой.

— Людмила? — вскричал пораженный Женька.

— Ну, конечно. Мама еще спросила, как ее величать. И она сказала: «Людмилой». — Леонид Алексеевич опять закрыл глаза и наклонил голову. Мне почудилось, что он до крайности утомлен.

— Надо было нам его монеты смотреть! — сердито ворчал Женька, когда мы снова очутились на улице. — Рассказывал бы сразу про баррикады, и дело с концом. Подумаешь, коллекция у него, да еще самая большая в Москве.

— Хвастает, наверно, — поддакнул я.

— Может, и не хвастает. Только нам с тобой не сестерции нужны и не драхмы разные.

— Тетрадрахмы, — поправил я.

— Ну все равно, пускай будут тетрадрахмы. Сдал бы их лучше в музей. Все бы тогда посмотрели. А то сидит, трясется над ними, как паук какой-нибудь.

— Женька, — произнес я, — а что такое нумизмат?

— Не знаю. Вроде монахи такие были в средние века. Пытали всех и убивали.

— Какие монахи? Ты перепутал. То иезуиты!

— Верно, иезуиты. Ладно, Серега! — повеселев, вдруг сказал Женька. — Дальше искать надо. Не все же тут нумизматы. Может, и нормальные люди есть. Ну-ка кто следующий?

Он развернул бумагу — список пенсионеров. Мы оба наклонились, разбирая мои каракули. Внезапно чья-то тень упала на листок. Я поднял голову и обомлел: прямо перед собой я увидел ядовито ухмыляющуюся физиономию Васьки Русакова. Дернувшись назад, чтобы дать стрекача, я на кого-то наткнулся. Там, позади, стоял, засунув руки в карманы корот-

кой курточкой, Колька Посакалов. Рядом с ним я увидел скалящего зубы Петьку Чурбакова.

— Ну-ка давайте бумагу, мы тоже почитаем,— подмигнув ему, сказал Коля, и вырвал ее из Женкиных рук.— Люблю про шпиёнов.

— Это не про шпионов,— принялся объяснять Женька.— Это список пенсионеров...

— Але, плохо слышу! — издевался, приложив ладонь к уху, Посакалов.— Про пионеров?..

— Нам задание дали в кружке...— запинаясь, пояснил я.— Мы героиню одну ищем... На баррикадах она здесь сражалась в девятьсот пятом году...

— Фью, героиню! — присвистнул Васька.— А мы что же, за героев разве не сойдем?

— Да будет с ними разговаривать,— нетерпеливо перебил Русакова Петька Чурбаков.— Дадим им, чтобы по нашей улице больше не ходили.

— Вы лучше не деритесь! — попятившись, вдруг закричал Женька.— Вы... послушайте лучше!..

Но тут я почувствовал оглушающий удар по затылку. Кто-то подставил мне ножку, кто-то толкнул так, что я полетел на мостовую. Рывком за шиворот меня снова поставили на ноги, и я опять упал от крепкого удара в грудь. На Женьку наседали сразу двое — сам Васька и Колька Посакалов. Я слышал, как он, отбиваясь, отчаянно кричал:

— Двое на одного, да?.. Двое на одного?.. Нумизматы проклятые!..

— А, ты еще обзывать? — завизжал Посакалов.

Наверно, изловчившись, Женька здорово стукнул Ваську Русакова, потому что он охнул и заорал.

Очутившись на свободе, я очень быстро на четвереньках пополз к тротуару, всхлипывая от боли и обиды, подхватил свою шапку, которая свалилась у

меня с головы еще в начале драки, вскочил на ноги и бросился бежать не оглядываясь.

— Сережка, сюда!.. — донесся до меня отчаянный Женькин вопль.

Но я мчался во всю прыть, налетая на прохожих, ничего не видя перед собой, забыв обо всем на свете.

Неужели дружбе конец?

Мать отворила мне дверь и в ужасе отшатнулась. Я покорно приготовился к взбучке. Но мама молча схватила меня за руку и потащила в ванную. Там она принялась умывать меня. Затем она подняла мою голову так, чтобы я мог увидеть себя в зеркале.

— Хорош?

Что я мог ей ответить? Из зеркала на меня глядел мальчишка, несчастный и жалкий, с расцарапанной щекой. Под глазом красовался громадный синяк с фиолетовым отливом — я даже не помнил, когда и кто мне его посадил. Но хуже всего было то, что я покинул Женьку, и как раз в тот момент, когда он звал меня на помощь.

Мама что-то еще говорила, но я не слышал ее голоса. Тупо я глядел перед собою и с тоской представлял, что теперь будет. В том, что Женька на этот раз не простит моей трусости, я не сомневался.

Мама вскоре отошла от гнева. Она ласково обняла меня за плечи, поцеловала в макушку. Ни словом не напоминая мне о случившемся, позвала за стол обедать...

Медленно тянулось время. А мысли, одна другой страшнее, одна другой невыносимее, одолевали меня ежесекундно. Стемнело. И с сумерками стало еще

тоскливее. Я включил телевизор. Передавали какой-то концерт. Мощный бас выводил:

Ты-ы взойди, моя-а заря,
по-оследняя-а заря-а!
Наста-ало вре-мя мое-о-о!..

Это была ария из оперы «Иван Сусанин». «Иван Сусанин!.. И он, зная, что идет на верную смерть, не струсил, не предал своих людей, свою родину. А завел врагов в дремучий лес, откуда они не могли уже выбраться. А я? Испугался какого-то Васьки и позорно удрал. И Женька остался один...» Я с силой выключил телевизор.

Совсем стемнело. За окнами закачался фонарь. Наконец в прихожей хлопнула дверь. Это вернулся с работы отец. Обычно я встречал его, помогал снять пальто. Но сегодня мне не хотелось, чтобы он меня видел с заплаканными глазами.

Он вошел и, увидав на моем лице синяки и царапины, спросил:

— Знаки препирания? А ну рассказывай, что случилось?

Но я не смог ничего рассказать. От его ласкового голоса, от мучительных раздумий целого дня вся горечь и весь стыд, что накопились у меня в сердце, вдруг подступили к глазам неудержимыми слезами, защипали в носу, сдавили горло...

— Ну что ты, что ты? — поглаживая меня по голове, успокаивая и утешая, говорил отец. — Зачем же реветь? Ведь уже совсем не больно... А если компресс из свинцовой примочки, то и вовсе пройдет.

Нет, он не понимал, мой умный, мой смелый отец, что я плачу совсем не от боли и что не помогут мне никакие компрессы и примочки.

Мать все-таки настояла на своем: всю субботу и все воскресенье я просидел дома, уткнувшись в те-

левизор и глядя подряд все передачи — от «В мире животных» до «Спокойной ночи, малыши». Я вздрагивал от каждого звонка и мчался к дверям — открывать. Но оказывалось, что это пришел вовсе не Женька, а то почтальон приносил газету, то точильщик спрашивал, не нужно ли поточить ножи-ножницы...

Утром в понедельник я проснулся очень рано. Наверно, меня разбудила все та же смутная тревога, которая не покидала все предыдущие дни: как-то мы сегодня встретимся с Женькой?

Возле школы нагнал меня Олежка Островков.

— Какая приятная встреча! Сам Кулагин! Салют-привет!..

Я очень обрадовался, увидев его, — мне не хотелось входить в класс одному.

Хотя было еще рано и до первого звонка оставалось минут пятнадцать, вся школа уже гудела от голосов, громкого топота и суетни. В коридоре около нашего класса толпились ребята. Тамара Гусева, староста, за что-то распекала Гешку Гаврилова. Он уныло шмыгал носом, уставясь глазами в пол. Он, пожалуй, один был сегодня такой невеселый. У остальных ребят лица раскраснелись, как после бани.

— Кулагин пришел! Здорово, Кулагин!

— И Островков здесь!..

— Ты, Сережка, что такой кислый? — хлопнул меня по плечу здоровяк Борька Кобылин. — Небось все каникулы проспал. Что-то тебя на катке не было видно?

Костя Веселовский, председатель совета нашего отряда, деловито подошел, помахивая какой-то бумажкой. За страсть вечно командовать мы в классе прозвали его Комиссаром.

— В хоккейную команду запишешься? Гаврилов

уже записался, и Кобылин тоже. Мне Никита поручил команду собрать.

Я рассеянно кивнул. Женьки среди ребят не было.

Я сел за свою парту, третью от учительского стола. Мое место было с краю, а Женька сидел у стены. Но почему же его так долго нет? Что с ним случилось? Не заболел ли после драки с Васькиными ребятами? Может быть, его так поколотили, что он лежит теперь дома и не в силах подняться?..

Едва только я подумал об этом, как в дверях показался Женька. Его встретили звонкими возгласами. Совсем не так, как встречали Островкова или меня. Но я не кричал. Только сердце забилося вдруг часто-часто, как будто меня должны вызвать к доске, а я не приготовил урока.

Вот сейчас, думаю я, он подойдет и скажет, как говорил обычно: «Ну-ка пропусти меня на мое место, расселся, как три толстяка». Но Вострецов окинул взглядом ребят, причем взор его промелькнул поверх моей головы, и у меня сразу же упало сердце. А он подошел к Гешке Гаврилову и произнес:

— С тобой никто не сидит?

— Никто, никто,— обрадованно закивал Гешка, поспешно отодвигаясь на край скамейки.

— Тогда я с тобой сяду.

Признаюсь, в эти минуты я просто ненавидел Гешку. Эта ненависть перемешалась в душе моей с горечью обиды, с болью и удивлением. Женька! Мой лучший друг!.. Неужели так вот и кончилась наша дружба?.. Но в то же время вместе с ненавистью и обидой закипала во мне упрямая гордость. «Пусть,— со злостью думаю я.— Пусть не хочет сидеть со мной... Пускай не хочет дружить... И не надо. Обойдусь как-нибудь и без него». Но в то же время я сознавал, что никогда мне не оправдаться перед Женькой и что дружбе нашей пришел конец.

Сопротивление материалов

Прошла неделя. Женька ни разу за это время ко мне не подошел и не сказал ни словечка. Меня будто бы и в классе не было. А если нам случалось на перемене столкнуться нечаянно в коридоре, он просто обходил меня, словно я не человек, а какой-нибудь неодушевленный столб. Однажды я все-таки не вытерпел и окликнул его, сделав вид, будто мне до зарезу нужен красный карандаш. Но в ответ мой бывший друг даже на меня не взглянул. Он только процедил сквозь зубы:

— С трусами и предателями не разговариваю.

После этого случая я твердо решил ни за что больше и ни по какому поводу или без повода к нему не обращаться. Не хочет дружить — напрашиваться не стану.

К концу первой недели у меня в школе дел накопилось столько, что я не знал, как с ними справиться. Домашние задания, дежурства, подготовка к сбору, посвященному Юрию Гагарину... В хоккейную команду я записался еще в первый день после каникул, и мы частенько тренировались за школой на маленьком катке.

В воскресенье мама послала меня в магазин за подсолнечным маслом. Я быстро оделся, захватил сетку с бутылкой, выскочил на улицу и возле самого дома столкнулся с Лешкой Веревкиным. Пальто у него, как и в прошлый раз, было нараспашку, и из-под него виднелся фотоаппарат.

— Иду в зоопарк, — деловито сообщил он. — Хочешь со мной?

— Леш, а Леш! — упрашивал я. — Ты подожди немножечко. Я только сбегая, масло куплю... А там вместе с тобою — куда хочешь!

— И я с тобой в магазин пойду.

Очередь в магазине была небольшая. Да если бы и была громадная, я все равно бы купил масло.

До зоопарка от нашего дома было идти всего ничего. Мы купили детские входные билеты и, миновав замерзший прудик, где летом плавают утки и лебеди, прошли напрямик к тем клеткам, где содержатся бизоны и яки.

— Давай, Сережка, я для начала сфотографирую тебя,— с важностью произнес Лешка, расстегивая футляр,— на фоне оленя...— И он принялся командовать: — Встань вон туда... Там будет хорошее освещение...

Я послушно отошел левее и встал, как приказывал Веревкин, щурясь от солнечных лучей.

— Правее... Встань правее!

Я отошел на шаг вправо.

— Не видно оленя.

— Так я же не виноват, что он все время переходит с места на место.

— Ну и ты переходи.

— Так снимка же не получится!

Наконец Веревкин щелкнул «Сменой» и удовлетворенно перевел пленку на следующий кадр.

Потом мы сняли яка, бизона, лошадь Пржевальского, а затем перешли к хищникам. Из помещения, где они находились, на меня пахло вонью, хоть беги, зажав нос пятерней. Хорошо еще, что у хищников мы оставались недолго.

Слоновник был закрыт. Обезьянник тоже. В птичник мы решили не ходить.

— Давай лучше снимать медведя.

Мы перешли на новую территорию.

Медведи, особенно белые, чувствовали себя, как у себя дома, на Северном полюсе. Их несколько не смущал мороз, холод... Они, видно, радовались, что их не мучает неслыханная жара, к которой они со-

всем не привыкли. Бурые медведи казались более понурыми. Возможно, оттого, что зимою они привыкли впадать в спячку...

— Жаль, тигра нет,— вздохнул Веревкин.— Был бы мировой кадр. А если бы тебя еще к нему в клетку посадить...— Лешка даже головой покрутил от удовольствия, видно, представив себе этот самый мировой кадр.— Прямо хоть в стенгазету.

— Конечно,— пожившись, возразил я.— А сверху надпись: «Шестой класс «А» с прискорбием извещает о безвременной кончине ученика Кулагина Сергея...» И вокруг черная каемка.

— Ты ничего не понимаешь. Бывают же и комбинированные съемки. Можно снять так, будто бы ты вообще взорвался. Или с крыши упал... А на самом деле ты жив и здоров, ничего с тобой не случилось. Так в кино снимают...

С этого воскресенья стали мы с Лешкой Веревкиным друзьями не друзьями, а так, приятелями. Конечно, с Женькой Веревкина даже и сравнивать было нельзя. Женька никогда ничем не хвастался. А Веревкин любил приврать. Но зато у Вострецова не было фотоаппарата, а у Лешки он был. Правда, в среду утром, встретив меня возле школы, Веревкин признался с огорчением, что из его снимков в зоопарке ничего не вышло, потому что пленка оказалась засвеченной. Но тут же он уверил меня, что в следующий раз непременно все получится.

Мы часто стали встречаться с Веревкиным. То он заходил ко мне, то я к нему.

Как-то раз, когда мы с Лешкой собирали из конструктора у него дома модель шагающего экскаватора, почтальон принес заказное письмо.

— Это от дяди Бори! — обрадованно воскликнул Веревкин, совершенно забыв об экскаваторе.— Из

Хабаровска. У меня дядя, мамин брат, профессиональный военный,— оживленно рассказывал Лешка, вертя в руках конверт, глядя сквозь него на свет и даже нюхая.— Вот хорошо, если бы он приехал... Он веселый, все время шутит.

Потом Лешка стал рассказывать, что его дядя Боря в Отечественную войну командовал полком.

— Он и в гражданскую еще воевал. Партизаном был на Дальнем Востоке. Помнишь, песня такая есть:

И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Конечно, я знал и помнил наизусть эту хорошую песню.

— Вот дядя Боря станцию эту, Волочаевку, брал в гражданскую войну.

Хабаровск... Хабаровск... Мне показалось, что я совсем недавно где-то слышал об этом городе. Кто-то в нем жил из моих знакомых. Но когда и где — никак не мог вспомнить.

Когда я вечером возвращался домой, то почувствовал, как кто-то взял меня за рукав. Вздвогнув, я обернулся. Я думал, это кто-нибудь из Васькиной ватаги. Но увидел улыбающегося Володю, Светланиного брата.

— Что, не узнал? — весело спросил он. — Ну как, зажили боевые раны?

Я не совсем понял, о каких ранах он спрашивает: о тех, которые я получил от Васькиных приятелей или о каких-нибудь еще. А Володя продолжал спрашивать:

— Ну как, нашли вашу героиню? А к Купрейкину ездили? Я, между прочим, ребятам в институте

рассказал про ваши поиски. У нас там тоже любители истории нашлись...

Не знаю почему, но мне вдруг стало как-то неловко признаваться, что мы с Женькой поссорились и если он ищет эту неведомую нам героиню, то уже один, без меня. И я пробормотал что-то не слишком понятное и вразумительное.

— Смотрите, не отказывайтесь от этого дела, — не заметив моего замешательства, продолжал Володя. — Я почему-то убежден, что вы найдете.

«Да, — с унынием подумал я. — Женька, может быть, и найдет, а я... Наверное, ее портрет появится скоро в Историко-революционном музее «Красная Пресня». Вспомнит ли тогда мой бывший друг, что поиски мы начинали вместе. Наверное, вспомнит, но уж, конечно, никому не скажет, что первые дома на Овражной улице мы обходили с ним вдвоем, что вместе мерзли на заснеженной скамеечке, вместе целый день провозились дома у бабушки Ксении, прибирая квартиру за каких-то неведомых нам тимуровцев...»

Стоп! Ксения Феоктистовна! Бабушка Ксения!.. Это она говорила, что приехала в Москву из далекого Хабаровска! Так вот почему мне вспомнилось название этого города!

— Не забудьте свое обещание, — говорил между тем Володя. — Когда отыщете вашу героиню или хоть какие-нибудь известия о ней появятся, непременно зайдите оба и расскажите.

— Зайдем, — кивнул я невесело. — Может, Женя один зайдет, без меня.

— А лучше бы вместе. Дружба теперь у вас еще крепче станет. Уж ты мне поверь. Если вместе делаешь с кем-нибудь хорошее дело, то дружба с этим человеком становится крепче стали.

Он простился со мной и широко зашагал к трол-

лейбусной остановке. Я посмотрел ему вслед и грустно побрел своей дорогой. Невесело и тяжело стало вдруг у меня на душе. «Крепче стали»!.. Нет, что-то не стала она крепче, наша с Женькой дружба. От одного случая вот так враз взяла и рассыпалась,

Удивительная встреча

Видно, Лешка, бегая все время в расстегнутом пальто, успел здорово закалиться. Он не кашлял и не чихал. А вот я, хоть застегивался на все пуговицы, заболел. Я лежал дома, глотал какие-то горькие таблетки, запивая их шипящим нарзаном, смотрел телевизор и даже со скуки пытался рисовать.

Пока я болел, ко мне раза два забежал Лешка. В четверг он примчался, запыхавшись, и объявил, что завтра, в пятницу, навестить меня явится целая делегация от нашего класса, поскольку я уже выздоравливаю и меня можно навещать.

— Это я придумал провести тебя, — не удержался все-таки, чтобы не похвастать, Вережкин. — Цени, какой я тебе друг!

— А Женька Вострецов? — вырвалось у меня.

— Что Вострецов? А-а, нет, не придет. Ему Комиссар сказал, чтобы он со всеми пошел, а он только головой замотал. А в самом деле, Сережка, из-за чего вы поругались? Такие были друзья и вдруг...

— Так, поссорились и все, — сказал я, сделав вид, будто меня вдруг одолел кашель.

Лешка не соврал. Делегация действительно явилась ко мне часа в четыре. Пришли и Костя Веселовский, и Тамара Гусева, и Борис Кобылин, и весельчак Олежка Островков. Примчался и Лешка Вережкин со своим фотоаппаратом.

— Надо запечатлеть трогательную сцену у постели тяжелобольного,— объявил он. Потом деловито огляделся вокруг и сказал, что кровать нужно передвинуть подальше от стены. Он вытащил из кармана какую-то удивительную лампу, длинную, с медной шапочкой на цоколе.— Придется вернуть. При естественном освещении ничего не получится. Добавим пятьсот ватт для яркости.

— У тебя что при свете, что без него все равно ничего не получится,— поддразнил Лешку Олежка Островков.

— А вот увидишь! Вот увидишь! — яростно завопил Лешка.

Они заспорили. А я слушал их и все ждал: вдруг сейчас откроется дверь и войдет Женька. Войдет и скажет запросто: «И я к тебе, Серега. Хорошо поступил?» Мне даже почудилось, что войди он сейчас, я от счастья даже выпрыгнул бы из постели и заскакал по комнате от счастья.

Лешка трясущимися пальцами ввернул в патрон свою необычайную лампу, и она вспыхнула таким ослепительным светом, что у меня да и у мамы, которая в ту минуту появилась в дверях, закрылись глаза.

Веревкин очень обрадовался, увидев ее. Он усадил маму возле моей постели, ребят заставил сесть вокруг и сделать вид, будто бы мы оживленно разговариваем. Только ни в коем случае не разговаривать, чтобы лица не получились уродливыми. Он пересаживал ребят и так и эдак и наконец защелкал своим фотоаппаратом.

От его манипуляций мама совсем позабыла, для чего пришла. И только несколько минут спустя вспомнила, что вошла в мою комнату, чтобы пригласить всех пить чай.

Я остался у себя один. И снова горькие мысли о Женьке не давали мне покоя.

Ребята вернулись минут через двадцать. Они посидели у меня часа два, не переставая рассказывать о новостях у нас в классе. Впрочем, говорил один наш председатель совета отряда Комиссар. Совет отряда запланировал на 20 февраля большой концерт самодеятельности в честь Дня Советской Армии; состоялась хоккейная встреча с учениками соседней школы, и мы выиграли со счетом 7:5; Нина Васильевна, наш классный руководитель, преподающая у нас русский язык и литературу, предложила организовать в классе уголок самообслуживания, чтобы, если у кого оторвется пуговица или окажутся нечищенными ботинки, можно было бы пришить и почистить.

Когда часы пробили шесть и возвратился с работы мой отец, все почему-то заторопились уходить. Будто бы ребятам стало неловко перед папой.

— Ты поскорее поправляйся,— сказал на прощание Комиссар.— А то после, знаешь, как догонять трудно.

В постели я провалялся еще дня три, и в школу помчался с таким чувством, будто бы не был там целый год. Я давно уже заметил, что болеть приятно только первые два-три дня. Лежишь себе в постели, почитываешь книжки и думаешь: «А наши-то там сейчас корпят над диктантами, трясутся, что их к доске вызовут...» Но проходит день-другой, и так захочется в школу, что хоть вскакивай прямо с температурой и беги на занятия.

Встретили меня в классе так, словно я был самым долгожданным гостем. Каждому хотелось со мной поздороваться. Каждому? Нет, Женька даже и не взглянул на меня. Зато Лешка Веревкин вертелся вокруг волчком. Он сказал, что специально не стал

проявлять ту пленку, на которой фотографировал ребят и маму возле моей постели, потому что хочет проявить ее вместе со мной.

Комиссар сообщил, что составляет список участников концерта самодеятельности, и спросил, какой номер оставить для меня. Но я с огорчением сказал, что совершенно ничего не умею.

— Вот так так,— озабоченно произнес Костя,— а записываются все. Ну ладно,— решил он.— Я тебя тоже включу. А там хоть пианино будешь передвигать.

Олежка Островков оглядел меня со всех сторон придирчивым взглядом, и тотчас же лицо его осветилось: он заметил, что у меня не начищены башмаки. Уголок бытового самообслуживания уже начал функционировать, а Олежка в тот день был дежурным по классу. Пришлось брать в небольшом настенном шкафчике сапожную щетку и надраивать до блеска башмаки.

И все-таки, несмотря ни на что, я чувствовал себя в этот день именинником. Даже учителя, выслушав рапорт Олежки Островкова и узнав о том, что я в классе, оживленно кивали мне головами:

— А, Кулагин. Выздоровел? С возвращением.

Но прошел день, миновал другой, и все пошло по-прежнему. Никто уже не обращал на меня внимания, и опять я стал таким же обыкновенным учеником, как и все другие.

Дня через три после моего возвращения в класс, в четверг, прямо с хоккейной тренировки, разгоряченный и веселый, возвращался я домой. Вприпрыжку взбежал, не дожидаясь лифта, к себе на этаж, и едва отпер дверь, как из комнаты отца вышла мне навстречу мама.

— Пожалуйста, не шуми. Отец плохо себя чувствует.

Все веселье разом улетучилось.

— Когда он заболел?

— Днем. Прямо с работы пришел. Сказал, что ему не по себе. А сейчас уже температура тридцать восемь и две.

На цыпочках вошел я в комнату отца. Он лежал на диване, устало прикрыв глаза.

— Сергей? — негромко позвал он. — Видишь, вот схватила меня нелегкая...

— Ты бы много не разговаривал, — негромко произнесла мама. — А то еще больше температура подскочит.

— Да ей уже, пожалуй, больше некуда подскакивать, — по привычке пошутил отец, но я видел и понимал, что ему совсем не до шуток.

Мама куда-то вышла. Должно быть, на кухню. Отец подождал, когда за нею закроется дверь, и, приподнявшись на локте, произнес с досадой:

— Болеть-то мне, Сереженька, сейчас совсем ни к чему. Мы теперь новые ванны для электролитов конструируем. Между прочим, вот тут-то и пригодится нам наука о сопротивлении материалов. — Он помолчал немного, снова устало прикрыв веки, а потом опять приподнялся. — Слушай, Сергей. У меня тут в столе остались важные схемы и расчеты. Чтобы не задерживать дело, съездил бы ты на завод, отвез их в конструкторское бюро...

— Конечно, — с готовностью вскочив, воскликнул я. — Давай отвезу. Я знаю, где это. От проходной налево, в управлении.

— Правильно. Только сперва пообедай. Спросишь в управлении инженера Чижова. Да я тебе записку дам...

До станции «Электрозаводская» я доехал хоть и с пересадкой, но быстро. В проходной завода меня оставил усатый вахтер.

— К кому надо? Пропуск есть?

— Я к инженеру Чижову... Отец вот меня просил... передать для него чертежи.

— Эге,— прищурился вахтер, он был в форменной фуражке.— Да ты не инженера ли Кулагина сынок?

Я кивнул.

— Оно и видно. Точь-в-точь вылитый отец. Ну проходи.

В конструкторском бюро было светло и тихо. Сквозь огромные окна пробивались ранние февральские сумерки. А здесь лампы дневного света заливали огромную комнату, тесно уставленную чертежными досками, над которыми трудились люди.

— Тебе, мальчик, кого нужно? — поинтересовалась девушка в сиреновой косынке.

— Мне инженера Чижова.

— Чижова? Пройди вон туда, в конец. Он у окна сидит.

В конце комнаты, возле окна, за столом сидел и что-то подсчитывал на маленькой счетной машинке человек лет сорока.

— У меня записка... Вот, от моего отца...— Я положил перед ним чертежи и повернулся, чтобы уйти восвояси.

Он взглянул и покачал головой.

— Это нужно к Чижову.

— А... я думал, это вы Чижев.

— Подожди немного. Он сейчас придет.

Он кивнул на свободный стул. Я присел на него, стал ждать и смотреть, как работник конструкторского бюро крутит ручку счетной машинки, сверяясь с записями в большой книге.

В соседней комнате пронзительно затрещал телефон, так, что я вздрогнул. Скрипнула дверь, и женский голос позвал:

— Товарищ Мещеряков, вас отец просит.

В первую минуту мне показалось, что я просто ослышался. Но тот, кто крутил ручку счетной машинки, резво сорвался с места и рванулся в соседнюю комнату.

Я сидел, остолбенев от неожиданности, с вытаращенными глазами и разинутым ртом. Мещеряков?.. Неужели тот самый? Да нет, быть того не может... Наверно, однофамилец. Такой молодой! И вдруг в голове промелькнуло: «Отец!.. У него же может быть отец!..» Вмиг перед глазами промелькнули пожелтевшие странички дневника, седые волосы Ивана Николаевича... Загадочные буквы «N. R.»...

Я совершенно забыл об инженере Чижове. А он как раз вернулся, долговязый, с редкими волосами, зачесанными с затылка на макушку. Он молча пробежал глазами записку отца и кивнул мне головой, разрешая идти своим путем. Однако я остался, дожидаясь Мещерякова. Мне почему-то казалось, что его отец или родственник имеет какое-то отношение к дневнику белогвардейского офицера.

Возвратился Мещеряков. Он уселся за стол, подвинув стул так, чтобы удобнее было сидеть. А я все еще не мог прийти в себя. Больше того, я не решался начать такой нужный для меня и Женьки разговор. В конце концов я решил подождать Мещерякова на улице.

Я выскользнул из конструкторского бюро и, не считая ступенек, помчался вниз. Было холодно. Но я не ощущал мороза. Даже если бы сейчас было градусов пятьдесят ниже нуля, я все равно не заметил бы этого. Я в нетерпении мерял шагами тротуар перед проходной завода да изредка поглядывал на часы, висевшие у входа. Я знал, что работа заканчивается в четыре, и я ждал, когда покажется так сейчас необходимый мне человек...

И вот первые служащие показались из узкой двери. Я весь напрягся, сосредоточился. Передо мною чередой проходили люди, словно показывая себя. Однако Мещерякова не было видно. И я вздохнул свободней, когда он наконец появился в проходной.

Я крался за ним, как какой-нибудь сыщик. Я видел, как он вошел в продовольственный магазин... Я терпеливо дожидался, когда он выйдет, и снова двинулся за ним. Потом он вошел в двери станции метрополитена, и я последовал за ним. Если бы мне нужно было проехать всю Москву до самого Бибирева или Борисова, я все равно не сдался бы.

К счастью, ехать пришлось недолго: до станции «Курская». Там Мещеряков вышел, поднялся по эскалатору вверх, нырнул в пешеходный тоннель и вышел на улице Чкалова. Видимо, он торопился. «Пора!..» — решил я и прибавил шагу.

— Скажите, вашего отца зовут не Иваном Ивановичем?

Он даже отшатнулся от неожиданности.

— Что такое?.. Вовсе нет, Игнатий Игоревич... — Потом, опомнившись, спросил: — А для чего тебе это нужно?

— Вы понимаете, — зачастил я. — Мы с Женькой... Это мой товарищ... Нашли дневник бывшего офицера... И вот я подумал, что подпоручик И. И. Мещеряков имеет к вам какое-то отношение. Если нет, то вы уж извините... — Мне вдруг сделалось мучительно стыдно. «Ну, вот... И почему мне втемяшилось в голову, что это как раз тот Мещеряков и есть...» Захотелось тут же бежать прочь. Но Мещеряков остановил меня, тронув за плечо.

— Постой, погоди... Ты говоришь, дневник белого офицера. Да, мой отец воевал в гражданскую войну в белых частях. Он этого и не скрывает.

— А в армии Колчака он когда-нибудь слу-

жил? — с дрожью в голосе, еще не веря в свою удачу, спросил я.

Вместо ответа Мещеряков втолкнул меня в подъезд огромного дома. Потом в дверь лифта, нажал дрожащим пальцем кнопку, и мы медленно стали подниматься вверх. «Вот сейчас, еще несколько секунд, и я увижу того, кто последним видел нашу героиню, участницу баррикадных боев на Пресне...»

Мещеряков повернул в замке ключ, дверь распахнулась, и мы очутились в узком коридоре. Навстречу нам вышел седой согбенный старичок в теплой фуфайке и тапочках. Он с удивлением, прищурясь, смотрел на меня. Потом спросил сына:

— Кого это ты привел к нам, Николай?

— Папа,— взволнованно сказал Мещеряков-младший.— Этот мальчик нашел твой дневник...

Первый раз я видел, каким серым, даже зеленоватым вдруг стало лицо старого человека.

— Мой дневник? — шепотом, с хрипотцой произнес Игнатий Игоревич.

Старший Мещеряков пригласил нас в небольшую уютную комнатку, и все мы расселись на широких стульях с высокими спинками.

В голове моей внезапно возникли строчки из стихотворения, которое в юности писал подпоручик:

Луна плывет в сиреновом тумане,
Качается, как лодка на волне,
И снова я с сердечной рабой
В разлуке вспомнил о тебе...

Я как-то невольно прочитал эти стихи вслух и вдруг увидел на глазах у Игнатия Игоревича слезы.

— Боже мой!.. Боже мой! — шептал старик, еле шевеля губами.— Мой дневник... мой старый дневник...— Затем он будто бы пришел в себя, и на его

лицо вновь возвратился румянец.— Так где же ты, голубчик, обнаружил мой дневник?

Смешно было бы начинать весь рассказ сначала об историческом кружке в Доме пионеров, о том, что я с моим товарищем, правда, теперь бывшим, занимался поисками отважной революционерки... Мне припомнилось, как Вострецов смело разговаривал с жильцами на улице Овражной. Может быть, и мне попробовать действовать так же? И я принялся объяснять Игнатию Игоревичу, поминутно обращая свой взгляд к его сыну, Николаю Игнатьевичу, обо всех наших с Женькой делах.

Мещеряков слушал, не отрывая от меня взгляда своих маленьких, в сеточке старческих морщинок глаз. Несколько раз его веки устало опускались, и я, думая, будто бы он до крайности утомился, прерывал свое повествование и умолкал, вопросительно оглядываясь на Николая. Но тот кивком показывал мне, что я могу продолжать, и я снова принимался рассказывать.

Листочки из дневника стояли перед моими глазами, словно бы я читал их только вчера. И неожиданно для самого себя я стал повторять наизусть целые куски:

— «...Первое условие — не падать духом! Если сломлен дух, так и знайте — пропал человек... Осталось несколько часов... Верьте, наши выручат...»

Игнатий Игоревич слушал, не размыкая век, что-то беззвучно шепча про себя. А я строку за строкой, почти в точности, как было написано, повторял ему его же собственные строчки.

— «... Что делать? Что делать? Подвести подкоп под амбар? Рассказать все капитану Астахову и вместе с ним устроить пленным побег? Успею ли я предупредить красных, если они появятся в селе сегодня ночью? Не упаду ли, сраженный первой шальной пу-

лей?» — Я остановился и перевел дух. — А дальше в тетрадке ничего не было, — в растерянности произнес я. Затем, помолчав, спросил: — А что же было дальше, Игнатий Игоревич?

— Что было дальше? — задумчиво произнес Мещеряков и словно во сне пробормотал, будто говоря с самим собой: — Ольга... Ольга!.. Если бы ты только знал! — внезапно он подался вперед всем телом и заговорил торопливо, сбивчиво: — Ты думаешь, я ее не искал? Думаешь, не узнавал?.. Я изъездил десятки городов, в которых есть улицы с названием Овражная... Я расспрашивал, писал письма... Да разве найдешь? — Он тяжело вздохнул. — Война... Она разбросала людей по тысячам разных городов и сел... Потом голод, разруха... А я даже фамилии ее не знал. Да и теперь не знаю.

Игнатий Игоревич умолк и долго оставался молчалив и угрюм. Потом он опомнился и медленно, часто умолкая, заговорил снова:

— В ту ночь мне так и не пришлось больше взяться за мой дневник. Вероятно, часовой у амбара что-то заподозрил и доложил о моем странном появлении там начальнику караула... Около трех часов ночи у двери раздалась какая-то странная возня. Я только поспешно спрятал тетрадь в щель между стеной и половицей. И хорошо сделал. Дверь распахнулась, и на пороге появился подполковник Белецкий. Душегуб. В руке он держал револьвер. Денщик его, ворвавшийся следом за ним, тотчас же подскочил к кровати. Там висела вся моя амуниция: портупея, кобура... Ловко расстегнув кобуру, вытащил револьвер... Я даже опомниться не успел. Душегуб же подступил ко мне, грозя револьвером, и заревел, тыча дулом в грудь: «Ты что делал у амбара, мерзавец? Отвечай, какой ты показывал пропуск?..» Кровь бросилась мне тогда в лицо. Сейчас не могу вспомнить те слова,

которые я наговорил негодяю. Но кажется, высказал все, что думал о нем... Потом опомнился, да было уже поздно. Белецкий поднес к моему носу кулак и сказал медленно так, с присвистом: «Наконец-то я тебя раскусил, большевистское охвостье!» Больше ни слова. Но я уже понял — мне не уйти от его мести.

Уснуть в ту ночь я не мог. Лучше бы сразу пустить себе пулю в лоб. Но из чего? Ведь денщик Белецкого вытащил из моей кобуры револьвер... Затем, немного успокоившись, я стал рассуждать несколько трезвее. Я выглянул в окно. У крыльца заметил темную, как бы размытую в тумане фигуру часового с винтовкой... Значит, не выйти. Белецкий все-таки поймал меня в западню...

Сколько времени прошло, не знаю. Кажется, начало светать. Внезапно на улице послышался цокот многих копыт... Проскакали всадники. Затрещали выстрелы... Я выбил стекло и через окно выскочил на улицу.

Все село проснулось. Метались люди, испуганно ржали кони. Из окон, из дверей выскакивали солдаты в одном нижнем белье. Прямо перед собой я увидел оскаленную морду лошади. На ней сидел человек в фуражке. Я различил на фуражке пятиконечную звездочку. Но сказать я так ничего и не успел... Мне не удалось рассказать, где сидят пленные красноармейцы. Свистнула шашка. Страшный удар в плечо...

Игнатий Игоревич откинулся на спинку стула и опять надолго умолк. Я вновь вопросительно взглянул на Николая Игнатьевича. Он покачал головой, и я понял, что нужно уходить. Я осторожно съехал со стула, стараясь, чтобы он не скрипел. Но Игнатий Игоревич заговорил снова:

— Больше я ничего не помню... Очнулся уже в лазарете. Судили меня в военном трибунале. Я рассказал судьям о себе все без утайки. И про пленных

рассказал... Наверно, судьи мои видели и понимали, что я раскаиваюсь искренне. Потому-то и сохранили мне жизнь. Больше в армию, я, конечно, не вернулся. Уехал в Екатеринбург, к матери, поступил на работу в канцелярию... Мать вскоре скончалась. И тогда я начал ездить из города в город, искать, узнавать... Потом попал в Москву...

Было видно, что Мещерякову-старшему нелегко даются его воспоминания о тех далеких годах. Понимал это и сын его Николай Игнатьевич.

— Успокойся, отец,— заговорил он, вставая и обнимая Игнатия Игоревича.— Что ворошить прошлое. Его уже не вернешь.

Мне тоже захотелось утешить старика.

— А Ольгу вашу мы с Женькой непременно отыщем. Нам уже известно, что она сражалась на баррикадах в девятьсот пятом году... Знаем и то, что ее судили... А Вострецов, он, знаете, какой упорный!..

Лешкины фотокарточки

Выйдя от Мещеряковых, я вошел в станцию метрополитена «Курская». «Ну и удивится Женька,— радовался я, спускаясь по эскалатору вниз.— Вот, поди, вытаращит глаза!..» Но прежде всего нужно с ним помириться. А как это сделать, я не знал.

На улице Заморонова было ветрено. Я с удовольствием чувствовал, как упрямый ветер подталкивает меня в спину. И вдруг меня словно обухом по головехватило: да я же не спросил у Игнатия Игоревича, видел он Василия Ивановича Чапаева или нет... Затем к этому вопросу прибавилось и еще несколько. Что это за инициалы «N. R.», которой Мещеряков постоянно посвящал стихотворения? И ведь надо же —

даже телефона не записал. Уж Женька бы не сплеховал... Хотя сейчас беги обратно и спрашивай.

Придя домой в расстроенных чувствах, я все-таки не забыл спросить у мамы, как себя чувствует отец. Она ответила, что недавно был врач. И отец только что уснул.

— А где это тебя так долго носило?

— Так, был у одного человека...

Не ладилось у меня что-то в этот день с уроками. Я с усилием корпел над правилами правописания частицы «не» с глаголами, но буквы расплывались перед глазами. Взялся за географию, однако вместо Тигра и Сырдарьи видел перед собою скачущих лошадей и подполковника Белецкого — Душегуба — с револьвером в руке. Наконец усталый и разбитый, махнув на все рукой, я поужинал и лег спать.

Должно быть, от волнений, которые мне пришлось пережить накануне, я наутро чуть не проспал и едва не опоздал в школу. Но, снимая в раздевалке пальто, я решил, что сообщу Женьке потрясающую новость, чуточку помучив и подразнив его.

Женька в школу уже пришел и рылся в портфеле, вынимая ручку, тетрадку и учебники. Подойдя к нему и хитро прищуриваясь, я сказал:

— А у кого я вчера был...

Женька не отозвался и еще ниже склонился над портфелем.

— Сказать, а?

— Иди ты от меня подальше! — со злостью вдруг сузив глаза, прошипел Вострецов и добавил: — Претель!..

Будто плетью по лицу полоснуло меня это слово. А я-то несли к нему с такой радостной вестью! Я-то мечтал, как подойду и скажу ему, что разговаривал с самим, — понимает ли он? — с самим Ме-ще-ря-ковым!..

— Ну хорошо же,— задохнулся я,— пожалеешь еще...

И круто повернувшись, зашагал к своей парте.

Прозвенел звонок. Дежурные развесили на доске цветастые плакаты с изображением ядовито-зеленого кочана капусты, кочерыжки... Вошла, будто вплыла, дородная преподавательница ботаники Анна Ивановна. Начался урок.

Глухо и невнятно доносился до меня неуверенный, точно всегда немного испуганный, голосок Симы Соловейчик, отвечавшей у доски. Я не слушал ее. Я весь кипел от негодования. «Хорошо же,— думал я, уставившись в парту.— Пусть же ты так ничего и не узнаешь... Один, без тебя буду искать Ольгу!.. Один пойду на Овражную... Никакой Васька Русаков меня не испугает... Идущий вперед — достигнет цели!.. И не думай, что это только твоя поговорка. И я достигну!.. Обязательно, непременно!..»

Мне почудилось, будто меня сзади кто-то окликнул. Потом еще раз. Мишка Маслов, сидевший позади, больно ткнул мне в плечо кончиком ручки:

— Ты что, не слышишь? Вызывают...

Занятый своими думами, я, действительно, не слышал, что Анна Ивановна несколько раз подряд нетерпеливо повторила мою фамилию.

— Что с тобою, Кулагин? — строго спросила она. — В каких облаках ты витаешь? Продолжи рассказ Симы.

Продолжить рассказ? Если бы я знал, на чем хоть она остановилась! Я стоял, глупо выпучив глаза, разглядывая капустный кочан, нарисованный на плакате.

— Мы ждем тебя, Кулагин.

— Это... это капуста,— шмыгнув носом, произнес я.

— Во-первых, выйди к доске, чтобы тебя все в классе видели.

Пришлось выйти к столу, за которым сидела Анна Ивановна. Мимоходом я услышал, как Лешка Веревкин прошептал слово «кочерыжка».

— Так из чего же образуется капустный кочан?— продолжала расспрашивать Анна Ивановна.

— Из кочерыжки...— брякнул я.

По партам пронесся невнятный шелест. Ох, как же знаком был мне этот противный безнадежный шепоток! Словно ветер, проносился он по классу, когда отвечавший у доски путался и говорил глупости. И так же хорошо я знал, что этот ветерок всегда бывает предвестником неистовой бури.

— Понятно, Кулагин,— хмуро отозвалась преподавательница ботаники.— Капустный кочан образуется из кочерыжки, а яблоки на яблоне, по-видимому, из веток... Садись, Кулагин, и дай мне свой дневник.

Опустив голову, ни на кого не глядя, я брел к своей парте. В моем дневнике появилась первая в нынешнем году двойка. Сел не поднимая головы. Горько задумался. И почему это так бывает, что все несчастья сразу сыплются на одного человека, словно из рога изобилия? И с Женькой поссорился, и отец заболел... И вот еще на мою беду двойка...

День у меня был вконец испорчен. Возвращаясь из школы домой после пятого урока, я решил ничем не показывать маме и отцу, что получил плохую отметку. Я старался дома разговаривать как можно веселее и беспечнее. Но разве можно скрыть от мамы хоть малейшую неудачу. Я принялся было рассказывать, как вчера был у Мещерякова, но мама, пристально взглянув на меня, произнесла:

— Признавайся, Сергей, двойку сегодня получил?

— Получил,— уныло признался я и тотчас же, чтобы оправдаться, принялся рассказывать, что меня подвел Лешка Веревкин, которого мама почему-то так любит, что просто от него без ума.

— Ну а плохую отметку ты все-таки исправь,— сказала мама.— Ну-ка дай мне дневник.

— Обязательно исправлю, мам,— пообещал я, расстегивая портфель и доставая злополучный дневник.

Отец в этот день чувствовал себя гораздо лучше: то ли помогли таблетки этазола, которые ему прописал доктор, то ли так все прошло само собой, но только температура у него снизилась до нормальной, но, самое интересное, что у него внезапно появился зверский аппетит.

А в классе у нас полным ходом шла подготовка к праздничному концерту. Мне она доставила множество хлопот. Дело в том, что Комиссар решил непременно охватить подготовкой весь класс. А если нашему председателю что-нибудь втемяшится в голову, то — хочешь не хочешь — этого никакими силами из нее не выбьешь.

Перед уроком географии Лешка Веревкин подошел ко мне и шепотом сказал, что он сегодня свободен и можно пойти к нему проявлять фотопленку, ту самую, на которую он снимал наших ребят, явившихся ко мне с делегацией от класса. Мне и самому любопытно было узнать, что же получилось из его снимков.

Мы решили, что после уроков я отправлюсь к себе домой пообедать, а после с учебниками и тетрадками побегу к нему и мы совместим приятное, как выразился Веревкин, с полезным, то есть будем готовить домашние задания, а заодно проявим фотопленки.

Придя домой, я в ванной комнате вымыл руки с

мылом, а через час, помахивая портфелем, стремглав мчался к дому, где жили Веревкины.

Оказалось, что Лешка давно уже меня дожидается. В ванной комнате у него все уже было приготовлено: и бачок, и бутылки с проявителем и закрепителем... Ну, вода-то, само собой, была тоже. На доске, где лежало мыло и мочалка, стоял красный фонарь.

Проявлять оказалось совсем нетрудно. Дома никого из взрослых не было, поэтому мы могли действовать совершенно свободно. Лешка проворно вставил в бачок фотопленку и разрешил мне поворачивать черную пластмассовую ручку. А он тем временем тут же устанавливал громадный, на тонкой ножке, с огромной головой увеличитель.

Минут через двадцать, промыв пленку прямо в бачке под струей воды, мы повесили ее сушиться, прищепив кончик специальным зажимом. Лешка просмотрел на свет несколько мокрых кадров и радостно сообщил, что снимки вышли мировые.

— Ну а мы пока, чтобы не терять времени, займемся домашними заданиями.

Мы занимались до тех пор, пока у меня не затрещала голова. Лешка будто бы и не замечал ничего. Потом он с недоумением отметил, что я сделался какой-то бледный.

— Будешь бледным, если все время домашние задания готовить,— угрюмо вымолвил я.— Лешка, может быть, наши пленки уже высохли?

— Пойдем посмотрим.

Мы зашли в ванную, и оказалось, что пленка наша успела высохнуть.

— Можно печатать! — торжественно произнес Веревкин, наливая в черные пластмассовые ванночки проявитель, закрепитель и зажигая красный фонарь.— Садись вот на эту табуретку.— Вид у него

при этих словах был такой, как у фокусников в цирке перед тем, как показать какой-нибудь необычайный трюк.— Выключай свет,— командовал он, вставляя пленку в специальный паз, сделанный в увеличителе.— Дверь плотнее закрой...

После этого он включил в увеличителе лампу. Я боялся дышать, когда мой новый товарищ размеренно считал:

— Р-раз... два... три... — он досчитал до шести и, громко выкрикнув: — Все!.. — выключил в увеличителе лампу.

— Ну, теперь смотри, Сергей! — торжественно промолвил Вережкин.

Я взял еще мокрую бумагу, но ничего на ней не смог разобрать. То, что возле моей кровати сидели ребята, еще можно было понять. Но отчего все они оказались за какой-то частой косой сеткой, было неясно. Потом я изумился еще больше: на голове Борьки Кобылина красовались громадные ветвистые рога.

— Лешка! — закричал я.— Гляди-ка, отчего это у Кобылина рога на голове выросли?

Вережкин тоже взглянул на снимок и вдруг побледнел.

— Вот так всегда бывает,— воскликнул он, всплеснув горестно руками.— На одну пленку два раза снял. Это, Сергей, та самая пленка, на которую мы первый раз снимали, в зоопарке.

Меня разбирал смех. Вот сидит наш Комиссар — Костя Веселовский, и не разобрать: то ли он белого медведя обнял, то ли медведь его лапами обхватил. А вот Олежка Островков! Только отчего у него две головы? Да вторая-то моя!.. А староста класса Тамара Гусева очутилась в клетке. И к ее шее будто бы пришито туловище тигра. Ну и покажет она Лешке, если увидит такую карикатуру!

Даваясь от хохота, я перебирал карточки. А Вережкин рассматривал их мрачно, огорченно повторяя:

— И как я мог ошибиться? Как мог? А еще хотел отослать их дяде Боре... Показать, как снимаю!..

Мне стало жаль Лешку. Я решил его успокоить и сказал, что поснимать в зоопарке можно ведь и еще разок. А насчет делегации — тут уж Вережкину придется ждать, пока я снова заболēju.

Домой в тот день я возвращался веселый, напевая какую-то песенку, размахивая портфелем. Меня потешало не только то, что Лешка провалился со своими фотографическими снимками, но еще больше то, что мы вызубрили урок по ботанике, а значит, я смогу сдержать слово, данное маме, — исправить свою злополучную двойку.

Примирение

На следующее утро Лешка пришел в класс мрачный.

— Испортился аппарат, — огорченно произнес он, ни на кого не глядя. — В нем счетчик сломался. Я его разбирать стал. Почти уже нашел, в чем дело... А он обратно не собирается...

Кое-кто из ребят начал внимательно к нему прислушиваться. Особенно Комиссар. Вережкин пообещал ему сделать снимки для стенной газеты.

— Нужно в починку отдавать, в мастерскую, — продолжал между тем Вережкин. — Вот ведь не везет!

— Та-а-ак! — зловеще протянул Костя. — А где же твое обещание?

Но в этот момент протрещал звонок, в класс вошла молоденькая худощавая математичка, и Комис-

сар отложил серьезный разговор до следующей перемены.

До концерта оставалось три дня, когда Костя Веселовский подошел ко мне перед началом занятий и сказал:

— Придумал, что ты будешь делать.

— А что?

— Вести программу. Объявлять номера.

— Номера? Да я в жизни никогда не объявлял!..

— Мало ли что, — холодно произнес Комиссар. — Я вот, например, петь и совсем не умею. А как сказала нам в лагере пионервожатая: «Веселовский запевает!» — так запел, не хуже, чем в Большом театре.

Весь день бродил я за нашим Комиссаром и уверял его, что ничего у меня не получится. Но разве ему что докажешь! Уперся — ни в какую.

— Это не только мое поручение. Это приказ Веры Федоровны, нашей старшей вожатой. Значит, должен выполнять. А вместо того чтобы отвиливать, лучше бы изучал образцы...

— Какие еще образцы?

— Ясно какие! — хитро прищурил глаза Комиссар. — Тарапуньку и Штепселя... Или Мирову и Ноцкого...

Но когда же мне изучать образцы, когда до концерта времени вовсе не осталось.

— Костенька, — вкрадчиво пролепетал я. — Ведь Тарапунька и Штепсель — их же двое. Можно я Лешку Веревкина возьму в помощники? У него все равно аппарат испортился.

— Бери, конечно!

А Лешка хорош. Как услышал, что нам вдвоем надо объявлять номера, сразу начал выкручиваться. Но потом согласился. Стали мы с ним вдвоем обсуждать, как нам вести программу.

— Давай так,— сказал Веревкин, когда я вспомнил про Тарапуньку и Штепселя.— Лучше не как эти всем известные конференсье, а как Николай Озеров и Владимир Маслаченко: полконцерта ты будешь вести, а полконцерта я.

— Ну, Лешка, это, по-моему, просто скучно будет. Ведь это концерт, а не хоккейный матч.

— Мало ли что скучно. Нам ведь никто задания не давал, чтобы все с хохоту померли. Главное, объявлять нужно погромче, вот так.— Тут Веревкин подпрыгнул, выпучил глаза и заорал оглушительным голосом: — Выступает выдающийся акробат нашего класса Борис Кобылин!

— Вот здорово! — обрадовался я.— У тебя, Лешка, очень хорошо получается. Лучше, знаешь, ты один объявляй, а я тебе из-за занавеса стану подсказывать.

— Вот еще! — возразил Веревкин.— Во-первых, не ты у меня помощник, а я у тебя. И потом подсказываю я лучше. Помнишь, как я на ботанике тебе подсказывал?

— Еще бы не помнить. Ведь это из-за твоей сказки Анна Ивановна мне двойку поставила.

— А ты бы учил получше, вот и не было бы двойки.

— Ладно уж,— миролюбиво сказал я.— Не время сейчас спорить. Знаешь что,— внезапно осенило меня,— давай вместе.

— Хором?

— Зачем хором? Просто один номер ты, другой я.

Мы с полчаса спорили, охрипли от крика, утомились и в конце концов решили: будь что будет.

Концерт подготовили длиннющий. Впрочем, возможно, это только мне так показалось, потому что мне нужно было объявлять номера. Пригласили всех

школьников. Даже малышей. Комиссар сообщил по секрету, что Вера Федоровна приготовила такой сюрприз, что все ахнут.

И вот наступил день концерта. С утра меня пробирал озноб. Не то, чтобы я боялся, как бы чего-нибудь не случилось, а просто чувствовал себя не в своей тарелке. Зато Веревкин был в преотличном настроении и даже хорохорился:

— Ничего не бойся, Сережка. Все будет в полном порядке. Главное, помни: объявляй погромче. Иди пока, тренируйся.

Я побрел за сцену. Там стоял шум и крик. Кто пел, кто танцевал... Борька Кобылин выжимал на коврике стойку. Второе звено в полном составе последний раз повторяло свои пирамиды. В углу Олежка Островков — он должен был показывать фокусы — ругал сумрачного Гешку Гаврилова:

— Совсем ты ослеп, Гешка! Не видишь, что ли? Сел прямо на мою волшебную коробку. Ну что я теперь без нее делать буду?

Я набрал в грудь побольше воздуха, да как гаркнул что было сил:

— Выступает выдающийся ученик нашего класса!..

Борька Кобылин как стоял на руках, так и брякнулся на пол. Второе звено в полном составе вдруг все рассыпалось на отдельные части. У Олежки Островкова попадали из рук все его коробки. Весь красный от негодования Комиссар подлетел ко мне.

— Ты что тут разорался? Тебя только не хватало. Гляди — всех напугал!..

Хотел было я ему объяснить, что это репетиция, а у меня из горла какой-то писк вырывается: пропал голос.

— Иди на сцену! — кричит Костя. — Сейчас будем начинать!

Побрел я на сцену ни жив ни мертв. А навстречу мне Лешка идет, белый как сахар.

— Ой, Сережка, придется тебе одному вести концерт. У меня гляди-ка что случилось.

Поворачивается ко мне спиной, а у него на штанах здоровенная дыра.

— Ты нарочно,— засипел я,— нарочно штаны порвал. Ну и делай, что хочешь. У меня, слышишь, голос пропал совсем от твоей тренировки.

— Это ты сам нарочно потерял голос! — заорал Веревкин.— Разве я виноват, что там, за сценой, со всех сторон гвозди понатыканы! Как же я выйду на сцену такой... такой рваный?

Вдруг он уставился на меня, вытаращив глаза. Пальцы скрючил. У меня от ужаса по спине побежали мурашки. А Лешка еще как прыгнет да ка-ак зарычит... Кинулся я от него в сторону.

— Лешка,— сиплю.— Ты что это? С ума, что ли, сошел?.. А кто же объявлять будет?..

Веревкин остановился и принялся сосредоточенно скрести у себя в затылке.

— Здорово у тебя горло прихватило. Да ладно, не бойся. Это я так просто, попугать тебя хотел. Я слышал, от испуга голос иногда возвращается.

— Балда ты, Лешка,— разозлился я.— От испуга люди только заикаться начинают. Не хватает еще, чтобы я заикаться стал.

— Что же делать? — в отчаянии произнес Веревкин.

— Знаешь что! — вдруг осенило меня.— Тебе же к публике спиной поворачиваться не нужно. Выйди себе на сцену, объяви номер, а потом вот так и попятся, и попятся...

Я показал ему, как надо пятиться, и больно ударился спиной о какой-то угол. Смотрю — это ребята

стол на сцену тащат. Комиссар бежит впереди всех и размахивает красной скатертью.

— Эгей, артисты! Опять тут под ногами вертитесь! А ну, помогите лучше стол поставить. К нам гость приехал — участник Отечественной войны! Орденов — жуть сколько!.. Вы сперва его объявите, а после уже концерт начнется.

«Ну, — думаю, — пропал концерт! Если на сцене будет сидеть гость, то Лешке уж не повернуться ни в какую сторону». Я подошел к Косте и решительно засипел:

— Костя, говори, что делать! У меня, видишь, голос пропал. А Веревкин порвал штаны...

Мне показалось, что глаза у нашего Комиссара сейчас выскочат из орбит.

— Что-о-о? Да вы что это, сговорились? — Он с минуту подумал, а потом закричал: — Эй, Островков, позови Симу! Надо Веревкину штаны зашивать. Пусть иголку с нитками тащит!..

Лешка покраснел.

— Это зачем же девчонку? Я не хочу, чтобы Соловейчик... Пусть из мальчишек кто-нибудь зашивает.

— А давайте я зашью, — вызвался Островков. — У меня, знаете, какая ловкость рук! Не зря же я фокусник!

— Ладно, зашивай ты, — решил Комиссар. — А ты, Веревкин, снимай брюки. Завернись пока в скатерть. — Потом он обернулся к Кобылину. — Слушай, Борька, у тебя деньги есть?

— Есть вот полтинник.

— Сбегай к тете Наде в буфет, попроси у нее сырых яиц. Сейчас мы тебе, Кулагин, вернем твой голос.

Борька вразвалочку побежал в буфет, Островков в класс, за нитками, а Лешка, сняв брюки, закутал-

ся в скатерть, словно римский император в тогу.

Вскоре вернулся Олежка и притащил иголку, в которую была вдета длинная белая нитка.

— Как же белыми? — испугался Веревкин. — Брюки-то у меня черные.

— Скажи спасибо, что хоть белые нашлись, — ворчливо отозвался Островков. — Черные девчонки на «Казачок» извели.

Он устроился на краешке стола и стал ловко орудовать иголкой. Прибежал Кобылин с пакетом в руке.

— Вот. На все деньги купил. Пять штук. Только сырых нету. Одни крутые...

— Вот уж не знаю, помогут ли крутые, — с сомнением произнес Костя.

— Пускай ест, — с угрозой сказал Кобылин. — Все равно хуже не будет. И не пропадать же полтиннику.

— Да как же я их съем? — испугался я. — Ты бы, Борька, хоть соли захватил!..

— А я и захватил, — зловеще произнес Кобылин, поднося к моему носу здоровенный свой кулачище. — Вот тебе соль... А вот это хлеб. А ну ешь без разговоров!..

Никогда прежде не приходилось мне съедать сразу пять вареных яиц, да еще без соли. Первые три штуки я кое-как одолел, а четвертое стало застревать у меня в горле. Да как они полезут, если почти все участники концерта столпились вокруг и наперебой помогают:

— Еще съешь... И еще одно!.. Может быть, лучше станет.

— Ну-ка попробуй, появился голос?

Я пробовал, но из горла вместе с желтковыми крошками по-прежнему вылетало только противное сипение.

— Давай, давай,— подгонял Комиссар.— Начинать пора.

Я давился, кашлял, мотал головой и, когда одолел пятое яйцо, то не смог не только объявлять номера, но даже встать с места.

— Вот за это спасибо... Накормили.

— А у меня все в порядке,— бодро отозвался Островков,— Вот она какая, ловкость рук! На, Лешка, носи на здоровье.

Веревкин дернул к себе брюки, и тут затрещало на коленке у Олежки: он второпях пришил Лешкины брюки к своим.

А за занавесом раздавались аплодисменты. И нетерпеливые ребячьи голоса требовали начинать концерт. Мы же стояли, онемев от неожиданности. И тут то ли от страха, что концерт сорвется, то ли, действительно, от этих самых крутых яиц, но ко мне вернулся голос, и я заорал так, что у самого что-то брякнуло в ушах:

— Борька! Кубылин!.. Тебе-то для чего брюки?

— А что же я, без штанов, что ли, буду ходить?

— Да ведь ты же в трусиках выступаешь! Дай на время свои брюки Веревкину!..

— Как же он в них уместится?

Но Костя, к которому уже возвратилась его обычная находчивость, тотчас же меня поддержал:

— Верно придумал, Кулагин! Он их снизу подвернет, и все будет как в аптеке...

— А как же я? — захныкал Островков.

— Да зачем тебе брюки? Ты же фокусник! Факир! Мы тебе сейчас найдем что-нибудь вроде скатерти... Завернешься в нее, как в индийское сари... А ну все со сцены! Начинаем!..

Лешка выбежал из-за кулис и, прыгая на одной

ноге, подворачивая Борькины брюки, где только можно, спросил меня недоверчиво:

— А ты, может, Сережка, соврал? Может, и не пропадал у тебя голос? Вон ты как заорал-то!..

Но я не успел ответить. Комиссар за сценой хлопнул в ладоши, кто-то дернул за веревку, занавес разъехался, и мы с Лешкой, очутившись перед залом, полным беснующихся зрителей-ребят, хором объявили, что наш концерт начинается.

Спорить, кому первому представлять героя Отечественной войны, участника битвы под Москвой, воевавшего в прославленной Панфиловской дивизии, артиллериста Павла Семеновича Скворцова, нам с Лешкой не пришлось, потому что его представил сам председатель совета дружины старшеклассник Никита.

Мы увидели, как с одного из задних рядов поднялся седой коренастый человек с множеством боевых орденов и медалей под лацканом пиджака. Пока он шел по проходу между рядами, они мерно позвякивали в такт его шагам. Этого звука не могли заглушить даже неистовые аплодисменты школьников, которые поднимались, когда Павел Семенович Скворцов проходил рядом с ними.

По ступенькам он поднялся на сцену, и зал немногу угомонился. Я не заметил, как все участники нашего концерта вместе с самой Верой Федоровной и Никитой столпились за кулисами, чтобы лучше слышать героя битвы под Москвой.

А он вдохновенно принялся рассказывать о том, как героически сражался в частях 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, отражая атаки фашистских танков, с тупым упорством лезущих на наши траншеи. Гитлеровцам хотелось во что бы то ни стало взять нашу прекрасную столицу и сровнять ее с землей так, будто ее и на свете-то не было...

Я думал: разве для того бились на баррикадах защитники Пресни, разве для того побеждали они в боях за революцию, для того ли они сражались с белогвардейцами в тяжкие годы гражданской войны, чтобы нашу совсем недавно освободившуюся страну победили гитлеровские орды?.. Нет, вовсе не для того бились и сражались они в жестоких боях и битвах!..

С пылающим лицом я обернулся и сразу увидел тут же на сцене Женьку Вострецова. Он смотрел на меня, и в глазах его я не увидел прежней ненависти. Я заметил совсем иное выражение его лица, похожее на дружеское чувство...

Между тем бывший артиллерист закончил свой рассказ. И вновь раздались аплодисменты, такие дружные, такие горячие, каких я в своей жизни еще ни разу не слышал.

Но тут откуда ни возьмись появился неугомонный наш Комиссар. Он заторопил нас с концертом, а героя плотным кольцом обступили девчонки-третьеклассницы, затараторили, перебивая одна другую. Я только и смог разобрать, что у них в классе есть мальчик-фотограф, и они хотят, чтобы Павел Семенович с их классом сфотографировался.

Мне так хотелось поговорить с Женей. Будто бы я с ним тысячу лет уже не разговаривал. А вместо этого пришлось объявлять номера.

Кое-как я вышел на сцену и не помню уж, что и как говорил. Больше всего мне хотелось поведать Женьке о моем свидании с Мещеряковыми. Но Женька заговорил первым.

Оказывается, после нашей злополучной драки с Васькой и его дружками он как-то созвонился с Купрейкиным — тот уже к этому времени возвратился из санатория — и отправился к нему на Кутузовский проспект.

— Ну, приехал я к нему, поднялся на лифте... Дверь мне сам он и отворил. Седенький такой старичок, в фуфайке. Он, правда, Ольгу тоже никогда не встречал, но сказал, что по соседству с ними жил хороший человек, участник первой русской революции Захар Тихонович Коростелев. Он потом уехал из Москвы в город Нижний Новгород — это теперешний Горький... Адрес его у Виталия Васильевича есть, и он, как только появится свободное время, напишет ему письмо и обо всем узнает...

Пока он рассказывал, я постепенно пришел в себя. Меня так и подмывало рассказать Женьке о том, как я повстречался с Мещеряковыми, что мы с ним ошиблись, думая, будто его зовут Иваном Ивановичем, — ведь есть и другие имена, начинающиеся с буквы «И»: Игнат, Илья, Ипат, Иона... Игорь в конце концов...

Наконец Вострецов умолк, и тогда заговорил я.

— Помнишь, Женька, я тебе прошлый раз хотел рассказать, кого повидал. Так вот! Ты даже себе представить не можешь... Самого Мещерякова!

И, насладившись Женькиным растерянным видом, продолжил:

— Того самого, ну, который дневник писал...

— Что-о? — Женька схватил меня за плечо и так его стиснул, что я едва не завопил от боли. — Ко... когда ты его видел?

Но мне хотелось так много поведать Женьке, что все слова будто бы куда-то провалились. Я не знал, с чего начать. К тому же постоянные Женькины вопросы — «где», да «когда», да «каким образом» — буквально выскребли из моей бедной, утомленной после тяжелого концерта головы все необходимые слова.

Альбом

В школу, как и прежде, мы шли вдвоем. В раздевалке Комиссар, увидев нас, удовлетворенно сказал:

— Наконец-то! Помирились. А я уж думал, что до конца учебного года так в ссоре и останетесь.

Только один Лешка на меня дулся. За весь вчерашний день я ни разу к нему не зашел и даже не позвонил по телефону. К тому же Женька снова пересел на свое старое место, за мою парту. Я чувствовал, что Веревкин прав, тая на меня обиду.

После первого урока я подошел к нему и примирительно сказал:

— Ты, Лешка, не огорчайся. Нашел за что. Мы теперь все втроем дружить будем.

— Правда? — обрадовался Веревкин. — А то я уж думал, что ты со мной раздружиться хочешь.

На ботанике Анна Ивановна вызвала меня к доске. Но теперь я сразу услышал свою фамилию и, порывисто схватив с парты дневник, пошел отвечать.

— Расскажи нам, Кулагин, что ты знаешь о моркови, — произнесла Анна Ивановна и что-то пометила в классном журнале.

— Морковь — это очень распространенное овощное растение, — торопливо затараторил я. — Растение это двулетнее... В первый год морковь образует корнеплод... а на второй у нее появляется цветоносный стебель...

Анна Ивановна кивала головой. Это был неплохой признак. Она всегда вот так молча кивала, если ученик отвечал без ошибки. Она не отпускала меня долго. Но в дневнике у меня появилась первая по ботанике четверка.

Настроение по этому поводу было просто замеча-

тельное. А может быть, еще и потому, что я наконец-то помирился с Женькой. После пятого урока мы вдвоем шагали по улице Заморенова. Я начал вспоминать о том, как был в квартире у Мещеряковых.

— Надо бы снова к ним сходить,— нерешительно произнес я.

— Для чего?

— Ну как же! Ведь я не спросил у него, видел Игнатий Игоревич Чапаева или нет... И потом — кто же такая эта «N. R.»?..

— Понимаешь, Серега,— задумчиво проговорил Вострецов.— Ты уж и так расспросил его обо многом. А Чапаева... Ну какая нам разница. По-моему, незачем понапрасну напоминать человеку о его прошлом. А мы, Серега, лучше знаешь, что сделаем? Ведь Иван Николаевич несколько раз напоминал нам о докладе. А мы не только доклад! Мы еще и альбом успеем составить!..

Мне вдруг почудился на моем затылке чей-то пристальный взгляд. Я обернулся. Лешка Веревкин шел за нами следом. Его пальто было сейчас застегнуто на все пуговицы, а шапка сдвинута на лоб. Мне сделалось нестерпимо стыдно за свою забывчивость: ведь я обещал ему, что мы втроем будем теперь дружить.

— Женя,— тронул я Вострецова за рукав.— Пусть Веревкин с нами на Овражную пойдет.— И, приметив Женькин недоверчивый взгляд, принялся спешно развивать свою мысль.— Нам легче будет искать. Да и в кружке он пригодится со своим фотоаппаратом...

Вострецов подумал с минуту и кивнул:

— Пускай.

— Лешка,— позвал я.— Поди сюда, дело есть. Веревкин подбежал бодрой рысцой.

— Я здесь!

— Хочешь с нами вместе искать героиню 1905 года?

— Конечно! — Лешка даже задохнулся.

В субботу мы направились на Овражную улицу. С нами теперь шагал Лешка Веревкин. Правда, фотоаппарата у него не было: он отдал его в мастерскую чинить. Лешка был доволен, что мы его взяли с собой, и по старой своей привычке болтал без умолку.

— Ну и треплив же ты, Веревкин, — не дослушав, сердито сказал Женька. — Мелешь невесть что. Даже слушать противно.

Если бы эдакую фразу высказал я, Лешка непременно полез бы в бутылку. Но Женька — это совсем иное дело. Его Веревкин побаивался. Лешка насупился и тотчас же покорно умолк. Больше мы от него всю дорогу не слышали ни звука.

Мы торопились. Ведь времени у нас было совсем немного.

Впрочем, в этот день мы опять так ничего и не узнали. Только устали смертельно. Особенно я. Да и обошли-то всего ничего: несколько квартир. Причем в одну нас даже не пустили. Какая-то вредная старушонка разговаривала с нами, немного приоткрыв входную дверь, сквозь цепочку.

Зато в других домах нас встречали если не радушно, то с интересом. Если же в квартире оказывались ребяташки, они следовали вместе с нами, показывая дорогу к жильцам-пенсионерам. И оставались в комнате, пока мы не заканчивали наши расспросы. Они нам нисколько не мешали. Только на первый листок судебного дела смотрели с отчаянным любопытством.

Нашим альбомом мы решили заняться во вторник, а в среду все вместе должны пойти в Дом пио-

неров, на занятия кружка. Мы с Женькой хотели во что бы то ни стало записать Веревкина в нашу компанию. Ведь по Овражной улице он должен был ходить с полным основанием. Но дело было еще и в том, что во вторник в фотографической мастерской Лешке обещали починить его аппарат.

В мастерскую после уроков мы отправились снова все втроем. Увидев довольно длинную очередь, я испугался. Но оказалось, что это стоят те, кто фотоаппараты собирался сдавать в ремонт. А рядом с другим окошечком, над которым висела надпись «Выдача заказов», никого не было. Но окошко было закрыто.

Лешка смело постучал по раме. Но все равно за окошком никто не появился. Веревкин стукнул еще разок, и тогда в рамке, словно на портрете, показалось недовольное лицо пожилой женщины, будто бы она огорчена тем, что ее отвлекли от крайне важного дела.

— Что нужно? — неприветливо спросила она.

Вместо ответа Лешка протянул ей квитанцию. Женщина куда-то исчезла. Ее не было довольно долго. Еще несколько посетителей пристроилось к нам в хвост. Вскоре женщина появилась снова, все с таким же недовольным видом.

Получив фотоаппарат и очутившись на улице, Женька деловито спросил:

— Леш, а пленки у тебя есть?

— Есть, — с недоумением откликнулся Веревкин. — Только дома. А что?

— А то, что ты сейчас сходишь за ними и сюда принесешь. Нам для альбома фотокарточки нужно сделать...

— Так я сейчас! Я мигом!..

И мы еще опомниться не успели, как он вскочил в подъехавший троллейбус и был таков.

— Вот ведь приткий какой,— без злобы ругнул его Женька.— А мы куда зайдём в книжный магазин. Нам ведь нужно альбом присмотреть.

Мы долго выбирали в магазине «Красная Пресня» альбом для наших записей. И наконец остановились на одном, в красивой красной обложке, очень напоминающей революционное алое знамя,— под таким наверняка отстаивали баррикады их храбрецы-защитники... Затем остановились возле витрины в самом магазине, дожидаясь Лешку.

Веревкин появился примерно через полчаса. Мы видели, как он выскочил из троллейбуса и в недоумении закрутил головой, удивляясь, куда это мы запропастились.

— Давай, Серега, его разыграем, раз он задержался,— придумал Женька.— Не будем выходить. Пусть-ка он теперь нас поищет.

Лешка заметался по тротуару. Заглянул в подъезд, в подворотню... Мимо него шли, торопясь, прохожие, а он в панике носился вдоль тротуара.

— Ладно, не будем его больше мучить,— пожалел Веревкина Женька.— А то он ещё через улицу сиганет.

Когда мы чинно вышли из магазина, вид у Веревкина был донельзя растерянный. Даже шапка съехала набок. Он совершенно забыл про свой фотоаппарат, который болтался на ремешке и казался предметом совершенно никчемным. Он даже не сразу узнал нас. Когда Женька прошёл мимо, не глядя в его сторону, Веревкин несколько секунд стоял, совершенно обалделый. А потом вдруг как завопит:

— Женья! Сережа!.. Куда же вы подевались?! Я вас уже битый час ищу!..

— А-а, это ты? — с равнодушным видом отозвался Вострецов, помахивая альбомом.— А мы тебя уже и не ждали.

Только сейчас, кажется, до Лешки дошел смысл того, что он совершил.

— Мне же хотелось как побыстрее, — виновато забормотал он.

— В другой раз делай не побыстрее, а будь по-сообразительней, — наставительно заметил Женька. — Ну а теперь снимай.

— Что снимать? — Лешка завертел головой.

— Не понимаешь разве? Универмаг снимай, книжный магазин вон, доску Почета...

Веревкин торопливо защелкал аппаратом. А потом было еще много снимков. Мы фотографировали и зоопарк, и станцию метро «Краснопресненская», и высотный дом на площади Восстания.

На следующий день, в среду, мы собрались все втроем дома у Женьки. Женькина мать, худенькая, подвижная Антонина Григорьевна, усадила нас было за стол пить чай. Но нам всем было совсем не до чая: нам предстояло идти в Дом пионеров. Веревкин заметно волновался. А когда мы вошли в просторный шумный вестибюль знакомого нам здания, Лешка и вовсе оробел. Мы почти силой втащили его по лестнице в комнату занятий кружка.

Иван Николаевич был уже на месте. Он сидел один, перебирая какие-то бумаги, делая в них карандашом пометки. Когда мы вошли, он поднял седую голову и кивнул нам с приветливой улыбкой. Несколько дольше его пристальный взгляд задержался на Лешке.

— Вы, я вижу, новенького к нам привели, — произнес он, окидывая Веревкина острым взглядом. — Как же тебя зовут?

Но Лешка молчал, словно воды в рот набрал. За него ответил Женька.

— Веревкин, Иван Николаевич. Лешка... то есть Алексей.

— А он сам, что же, язык проглотил?

Лешка замотал головой и для пущей убедительности высунул язык:

— А вот и не проглотил.

— Вижу,— кивнул Иван Николаевич.— Скажи, пожалуйста, ну а историю ты любишь?

— Очень люблю,— с жаром отозвался Лешка.

— Иван Николаевич,— неожиданно перебил их разговор Женька.— Нельзя в музее некоторые копии получить... с фотографий, документов разных?.. Там интересные карточки есть.

— Почему же нельзя. Очень даже можно. А вам для чего это нужно? Уж не для альбома ли?

— Для него.

Иван Николаевич пообещал, что завтра же позвонит в музей и попросит его работников снять для нас копии.

В эту минуту входная дверь с легким скрипом отворилась, и показались Зина Грунько и Лева Огурецкий. Понемногу собрались и остальные члены кружка. Пора было начинать занятия.

Страничек в альбоме мы насчитали 26, плотных, глянцеви́тых, так и тянуло что-нибудь на них нарисовать. К нашей радости, Лешка Веревкин оказался совсем неплохим художником, хотя в классе никогда себя в этом деле не проявлял. И акварельные краски у него были, и кисточки... Он взялся нарисовать первую страницу — алое знамя, развевающееся над баррикадой.

Стоя у него за спиной, мы следили за его руками. Женька даже язык высунул, до того он волновался. Веревкин рисовал знамя. Изорванное, пробитое пулями, но все-таки победоносное и гордое...

— Веревкин,— удивленно произнес Женька,— ты же здорово рисуешь! А чего же ты у нас в классе об этом не говорил?

— Ну уж ты скажешь тоже — «здорово», — покраснев, отозвался Лешка, но чувствовалось, что похвала, исходящая от Женьки, ему приятна.

Вдоволь налюбовавшись Лешкиным рисунком, мы стали решать, кому писать заголовок. Наконец решили для проверки цветной тушью изобразить несколько букв. Лучший почерк оказался у Женьки. Особенно заглавные буквы — «П» и «В». Жаль, что в заголовке, коллективно придуманном нами: «История баррикадных боев на Овражной улице», — не оказалось ни одной буквы «П».

— А давайте так! — с жаром воскликнул я. — «История баррикадных боев» не на Овражной улице, а в «Краснопресненском районе».

С этим исправлением согласились все члены кружка.

Проездом в городе

Теперь каждый раз, едва выпадало свободное время, мы встречались у Лешки, Женьки или у меня — у кого дома было посвободнее. Иван Николаевич на другой же день съездил в Историко-революционный музей «Красная Пресня» и получил от старшего сотрудника разрешение на получение фотокопий с различных карточек и рукописных документов. Среди них была и так запомнившаяся нам фотография группы девушек-курсисток. Вообще там попадались даже такие, каких не было на стендах в музее.

Мама и папа теперь видели меня дома очень редко.

— И где тебя все время носит? — удивлялась мать. — Ведь ни секунды не посидишь дома.

— Что ты, мамочка,— отвечал я, целуя ее,— вот я сию. И не секундочку, а несколько минут...

Если честно говорить, мы даже на Овражную улицу теперь не ходили, занятые нашим альбомом. Я где-то в глубине души был убежден, что никакого дома мы там не найдем. Между тем альбом понемногу заполнялся материалами. Лешка, который все время старался показать себя перед Женькой с лучшей стороны, трудился изо всех сил,— делал замысловатые виньетки и сложные рисунки. Мне вообще казалось, будто он собрался разместить в альбоме все материалы, сколько их было. А их оказалось не так уж мало, включая фотокопии, записи, странички из дневника подпоручика Мещерякова...

— А что? — удивился Веревкин, когда я начал возражать против его выдумки.— Разве ты этого не хочешь?

И если бы не Женька, он так бы и поступил.

И вот однажды, когда мы корпели над альбомом дома у Женьки, в прихожей раздался требовательный звонок.

— Сейчас, сейчас,— откликнулся Вострецов, бросаясь отпираться.

Он отворил дверь, а мы с Лешкой тоже выскочили из комнаты, чтобы взглянуть, кого это принесло, и увидели в дверях запыхавшуюся Светланку.

— Скорей!.. Скорей!.. — задыхаясь, торопила нас девочка.— Приехал!.. Приехал!..

— Да кто приехал? — Женька никак не мог взять в толк.

— Коростелев приехал... Ждет вас у себя!..

Мы с Лешкой в недоумении переглянулись. Я совершенно забыл о жителе Овражной улицы — Коростелеве Захаре Тихоновиче. А Веревкин о нем и слыхом не слыхивал. Понял только один Женька. Он поспешно стал снимать с вешалки свое пальто. Свет-

ланка же, пока он да и мы тоже одевались, рассказывала.

Оказывается, сегодня после обеда, когда Володя только уселся за проверку записанных сегодня лекций, а Светланка начала готовить домашние задания, в квартире раздался телефонный звонок. К телефону подбежала быстроногая Светланка. Говорил какой-то совсем незнакомый голос. Незнакомец откомендовался бывшим соседом Волковых.

— Это он, понимаешь, Женя!.. — тараторила без остановки девочка. — Наш бывший сосед... Он из Горького приехал... И остановился в гостинице «Москва»... Он у нас в городе проездом.

Только тут до меня дошел смысл сказанного Светланкой. Через несколько секунд мы, толкаясь, вылетели из Женькиной квартиры.

Примерно через полчаса мы стояли перед дверью гостиничного номера 452.

Светланка робко постучала. За дверью прозвучал мужской голос:

— Открыто. Войдите.

Девочка толкнула дверь, и мы очутились в светлом после темноватого гостиничного коридора просторном номере. Навстречу нам поднялся из-за письменного стола немолодой человек с редкими волосами в двубортном синем костюме. Он выглядел не таким уж старым. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, не больше. «Когда же это он успел принимать участие в баррикадных боях? — промелькнуло у меня в голове. — По виду совсем непохоже...»

— Вот, Степан Захарович, привела, — сказала, покраснев, Светланка.

— Ну-ка, ну-ка, — произнес мужчина, подходя к ней, — дай-ка я на тебя взгляну. — И обращаясь к нам, будто призывая нас в свидетели, продолжал: — Ведь когда я из Москвы уезжал, ей было... было...

слушай, Света, а сколько же, в самом деле, тебе тогда было лет?

Девочка еще больше покраснела и сказала:

— А я не помню, Степан Захарович...

— Да тебе тогда было всего ничего, от горшка два вершка,— рассмеялся приезжий.

Пока они разговаривали, я с сомнением шепнул Женьке:

— Не может быть, чтобы он сражался на баррикадах!..

Будто бы услышав мой шепот, Степан Захарович всем телом повернулся к нам.

— Извините великодушно. Занялся вот воспоминаниями.— Он быстрым шагом подошел к столу и взял с него какую-то тетрадь в клеенчатом переплете.— Дело в том, что сегодня я уезжаю в заграникомандировку и хочу передать вам вот эту тетрадь. В ней есть записи моего отца, участника первой русской революции. Когда-то, видимо, для себя, он вел дневник. Никому его не показывал, а после его смерти в семейных архивах мы обнаружили его. Вручаю вам. Только учтите — из номера его не выносить, читайте и записывайте здесь.— Коростелев взял со стола несколько листов бумаги, остро отточенный карандаш и, пообеда нас строгим взглядом, протянул все это Женьке. А сам куда-то стал собираться.

Так вот оно что! Это сын того человека, друга Виталия Васильевича Купрейкина, который живет на Кутузовском проспекте. Как же его звали?.. А, вспомнил: Захаром Тихоновичем.

Едва за Степаном Захаровичем затворилась дверь, мы тотчас же с вполне понятной жадностью принялись перелистывать тетрадные странички. Даже Светланка, которой, кажется, не было никакого дела до наших поисков, и та просовывала свою голову между моей и Лешкиной. Наконец Женька ре-

зонно заметил, что сначала нужно раздеться, а потом уже приниматься за тетрадь.

Возле двери стояла деревянная вешалка, на которую мы и повесили свои пальтишки. Затем устроились на диване, и Женька сказал мне:

— Читай все, с самого начала.

Почерк у Захара Тихоновича был четкий и понятный. Мне даже не приходилось напрягаться, чтобы разобрать какое-нибудь слово. Сперва шли описания узких кривых улочек тогдашней Пресни, описание той давней и не очень понятной нам жизни, когда еще не было автомобилей, а по улицам вместо них разъезжали извозчики... Не было самолетов, к которым мы уже так привыкли, что даже не обращаем на них внимания.

Захар Тихонович работал в то время на мебельной фабрике Николая Павловича Шмита. Он описывал первые годы двадцатого столетия... Кажется, это было совсем недавно. И все-таки несказанно давно. Однако мне хотелось добраться до самого главного, до тех событий, в которых наша героиня Ольга принимала участие. Поэтому я старался пропустить все посторонние записи, к величайшему неудовольствию Лешки, которому Женька вручил карандаш и бумагу, чтобы он записывал за мной следом.

Наконец перед моими глазами как будто бы мелькнуло название «Овражная». Я принялся торопливо листать тетрадные странички. Но Женька положил свою твердую ладонь на мои пальцы, и пришлось все начинать сначала, с того места, где говорилось о том, как Захара Тихоновича выбрали в добровольную народную дружину. Было ему в ту пору всего только семнадцать лет.

Тогда очень часто — то на Прохоровской мануфактуре, то у красильщиков фабрики Мамонтова, то в железнодорожных Брестских мастерских, а то у

Даниловских сахарозаводчиков — возникали митинги. Недовольны были рабочие и невыносимой жизнью, и двенадцатичасовым трудовым днем, и отсутствием элементарных санитарных условий, когда вповалку спали в общежитиях... А кроме того, постоянные увольнения за малейшую провинность. И чаще всего за «политическую неблагонадежность»... Впрочем, лучше начать цитировать из тетради самого Захара Тихоновича.

«Все началось с очередного увольнения нескольких ткачей Прохоровской мануфактуры. Уволили за то, что рабочие просили улучшить жизнь в бараках... Мы уже давно готовились к вооруженному выступлению. Несколько раз к нам на фабричные рабочие сходки приходили агитаторы из центра — большевики. Владелец нашей фабрики Шмит Н. П. им никогда не мешал. Он сам сочувствовал передовым рабочим, принимал на свою фабрику уволенных с Прохоровской мануфактуры, с Даниловского сахарорафинадного завода... Но ведь и у него фабрика не резиновая.

Многих из нас это увольнение возмутило. Такое ведь с каждым из нас могло приключиться. А раз уволили с фабрики, значит, и из рабочих барачков выселили.

До нас доходили слухи, что на Прохоровской мануфактуре собрался стихийный рабочий митинг. Хозяин фабрики вызвал конных жандармов. Многих из рабочих в тот день арестовали. Этот жандармский налет все и решил.

Через несколько дней нашу «пятерку» собрал на конспиративной квартире начальник всех рабочих дружин Литвин-Седой. «Вам,— говорит,— поручается особое задание: охранять от шпиков дом на Поварской... Там будет проходить важнейшее заседание Совета рабочих депутатов Москвы».

Помню, со мною рядом стоял Гриша Рубакин, балагур, весельчак. На гармошке уж большо хорошо играл. «Ну,— шепчет мне,— началось, Захарка...» А у меня в душе будто что-то приподнялось. Я крепко сжал Гришину руку у локтя. «Началось, Гриша, сам понимаю».

Через несколько дней Рубакин зашел за мною на фабрику. Он на Даниловском работал. Вышли мы с ним из ворот и двинулись на Поварскую. Гриша адрес знал хорошо и был моим проводником. Из подворотни хорошо просматривалась вся улица. Горел на столбе фонарь. Прохожих в этот ранний час было совсем мало. Да и город полнился тревожными слухами. Ждали необычайных событий.

По одному, по двое заходили в дом делегаты. Тихо произносили пароль. Некоторых я видел у нас на фабрике, других не знал. Потом все стихло. Мы с Гришей поняли, что началось заседание.

Было очень холодно. Начало моросить. Не то дождь, не то снег. В подворотне было и без того ветрено, продувало насквозь. А теперь подул еще пуще. В моих худых сапожишках было совсем невмogu. Однако я крепился и вида не подавал, что меня холод до костей пробирает. А из ворот выходить никак нельзя — пост...

В скором времени услышали мы на улице гулкие шаги. «Смена идет...» — сказал Рубакин. И верно, на Поварской показался сменный караул. Начальник что-то сказал Грише, я не расслышал что. Он мне мигнул, и мы стали подниматься вверх по лестнице.

Еще немного, и мы очутились в тепле. Из соседней комнаты слышались голоса. Там спорили люди. «Пойдем, послушаем,— позвал меня Гриша.— Наши ведь с тобою дела решаются». Я кивнул, и мы вошли в довольно просторную комнату.

Говорила молодая женщина. Лицо ее показалось мне странно знакомым. Где-то я уже видел эти темные брови, этот упруго сжатый кулачок, которым она поминутно взмахивала, словно отделяла им одну фразу от другой. Рядом сидели еще какие-то мужчины и женщины. Одна, помню, была в пенсне на шнурочке. Но лицо говорившей невольно привлекало мое внимание. «Кто это такая?» — шепотом спросил я у Рубакина. «Да твоя же соседка, с тобою вместе на одной улице живет. Зовут ее Людмила. А вот фамилии, извини, не знаю».

И точно! Я вспомнил, где ее видел. В лавке старого Шнейдера. Она туда зачем-то забегала. Только тогда она была в синей шубке с белым меховым воротником и в муфточке. «Вот ведь барынька!» — подумал я тогда с неприязнью. И вот она какая оказалась, эта «барынька»...

Я бросил на Женьку многозначительный взгляд. Лешка переглянулся со Светланкой. Взгляд этот тоже был не менее красноречивым. Но мы-то знали, что сам по себе он ничего не означает, — ведь они не слышали рассказа Леонида Алексеевича. А объяснять им все это подробно у меня не было времени. Нужно читать дальше.

«Голос у Людмилы был звонкий и страстный. Впрочем, я не очень-то верил, что Людмила — ее подлинное имя. Ведь я знал, что политические деятели постоянно брали себе псевдонимы. Но я невольно залюбовался ею. В длинном с белым воротничком платье курсистки, она казалась стройной и высокой. Говорила она горячо. И каждое ее слово доходило до моего сердца, обжигая его теплой волною... Она требовала, чтобы в протокол заседания было записано от имени всех рабочих: восьмичасовой трудовой день, установление специальной комиссии, избранной всеобщим голосованием, объявление дня

1 Мая праздничным, нерабочим днем. «Если же правительство не пойдет на наши требования, тогда нам ничего не останется делать, как взяться за оружие...»

Я слушал Людмилу Русакову, и мне хотелось поскорее рвануться «на бой кровавый, святой и правый», как пелось в недавно услышанной мною революционной песне. Я сжимал в кармане рукоять револьвера, словно должен был незамедлительно двинуться в атаку на целый отряд жандармов... «Пора», — вдруг прозвучал над моим ухом осторожный голос, заставивший меня вздрогнуть. Это мой товарищ Гриша Рубакин напоминал, что снова нужно заступать на наш пост. Я стремительно рванулся в подворотню. Слова Людмилы закипали в моем сердце, жгли его неведомым пламенем...

Потом мы шли по затемненной улице, провожая Людмилу и еще одного человека, показавшегося мне стариком из-за окладистой черной бороды. Он шагал, поддерживая девушку под руку, а в другой руке у него была модная тогда тросточка. Они о чем-то говорили, изредка смеясь. А я шел и думал, что, если сейчас на них нападут какие-нибудь хулиганы или жандармы, стану зубами рвать обидчиков, горло всем перегрызу, но не дам оскорбить Людмилу.

На середине Поварской показался одинокий извозчик. Видно, заехал сюда с каким-то пассажиром и теперь направлялся в центр Москвы, держась подалее от домов, опасаясь, как бы на него не налетели бедовые люди из подворотен. Спутник Людмилы взмахнул своей тростью, подзывая его. Конечно, он видел, что за ним и за его спутницей следует охрана, и потому подал нам почти неприметный знак, что, мол, мы можем быть свободны.

Прошло совсем немного времени, и 7 декабря

над Пресней поплыли тревожные гудки, возвещавшие начало рабочей стачки. Оружие почти у всех рабочих и дружинников было припасено. Правда, по домам его держать опасались: шпики шныряли повсюду. Так что самодельные бомбы, патроны для винтовок и револьверов мы прятали в укромном месте на фабрике. Благо, Николай Павлович Шмит был с нами заодно.

Мы, дружинники, первыми были наготове. Возможно, нам придется с оружием в руках защищать наш район от жандармов и полицейских сыщиков. Меня вместе с Гришей Рубакиным и Афанасием Сташковым руководитель нашей «пятерки», Ефим Зарудный, назначил разоружать по всему околотку городских. Это было первое мое серьезное задание, и меня, что там ни говори, бил легкий озноб. Я смотрел на Гришу, а он как ни в чем не бывало шагал по Смитовскому проезду, покуривая папироску, словно ему не впервой было выполнять это ответственное задание.

Так добрались мы до заставы. Под пальто у нас за поясами были засунуты револьверы. Я все ждал, когда покажется городской на своем посту. И вот он появился, тучный, огромный, уса́тый, с кобурой на боку и шашкой — с другой стороны, мы, помню, называли ее «селедка».

Я немного оробел. А Рубакин толкнул меня в бок, словно подбадривая: «Не трусь, мол, Захарка!..» Но и блюститель порядка, видно, тоже почуял неладное: за свисток держится. Но только засвистеть он не успел. Гриша и Афанасий подступили к нему, Рубакин револьвер свой вытащил. У городского глаза на лоб полезли. Совсем онемел он от страха. Видно, решил, что мы убить его собираемся. Побледнел, губы кривятся, а все слова будто застряли в глотке. Но никто его убивать не собирался. Только кобуру

с наганом и шашку у него отобрали. Да Гриша свисток отнял, чтобы он тревогу не смог поднять...»

От волнения голос у меня задрожал. Только я этого и не заметил. Уж очень интересно было читать эти странички, записанные Захаром Тихоновичем.

Знамя над баррикадой

Я очень хотел продолжать чтение этой тетради, но вдруг ощутил невыносимую жажду. Язык царапался во рту, будто скребок, которым на улицах зимою счищают снег. Я беспомощно огляделся по сторонам. Ура! На тумбочке, что стояла возле массивной кровати, я увидел графин с водою. Кинувшись к нему, я налил себе полный стакан. Женька внимательно взглянул на меня и решительно отобрал тетрадь.

Я, и верно, притомился. Правда, когда читает кто-нибудь другой, я запоминаю несколько хуже. И поэтому стану теперь повторять не совсем так, как записано в тетради Захаром Тихоновичем.

...Первый день прошел как во сне. Коростелев с остальными дружинниками охранял ворота фабрики от разных хозяйских прихвостней и подлипал. У нас-то на фабрике таких не было. А вот на красильной мамонтовской фабрике, на Даниловском сахарорафинадном заводе, на табачной фабрике «Дукат» они, случалось, и попадались.

К концу первого рабочего дня прибежал знакомый мальчишка. «Ховайтесь, — кричит, — царь войска вызвал!.. Сейчас будут туточки!..» Тогда-то и вышел приказ от Московского Совета рабочих депутатов — строить баррикады, защищать наш Пресненский район, сколько хватит сил...

Каждый человек был на счету. Лишние руки тог-

да были необходимы. Поперек Овражной улицы наваливали бочки, ящики, все, что под руку попадалось... В ход шли и тюфяки, и вывороченные из земли фонарные столбы. Захар Тихонович сам унес чью-то калитку. Прямо с петлями утащил.

Коростелев не знал, было ли в тот день холодно. Ему казалось, что на улице стоит жара. Только чуть лихорадило. Он чувствовал, что в этот день должно произойти что-то такое, что бывает лишь один раз в жизни... А в ушах не ветер свистал, а звучала песня, которую семнадцатилетний Захар слышал еще весною:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут...

Когда баррикада была готова, все наверху в ожидании затихли. И тут как раз и показалась Людмила. Она шла в сопровождении того бородатого человека, которого Захар Тихонович видел на заседании Московского Совета рабочих депутатов, в доме на Поварской. Он нес в руках свернутое знамя.

Едва Людмила приблизилась к баррикаде, она требовательным знаком показала своему попутчику, чтобы тот передал ей знамя. И когда оно оказалось у нее в руках, развернула его, и алый кумач затрепетал на ветру, сплетаясь легкими складками.

Бородатый помог девушке взобраться наверх. Она поднималась, не выпуская из рук знамени. Из переулка показались двое рабочих. Они тащили тяжелый ящик. «А вот и оружие принесли!..» — с восторгом воскликнул Гриша Рубакин, засовывая свой револьвер за пояс и сбегаая навстречу незнакомцам.

В одно мгновение ящик был опустошен. Захар Тихонович даже глазом моргнуть не успел. А Гриша

уже был возле него. Он деловито вставлял в винтовку снизу обойму, а остальные обоймы прятал в карман. Коростелев даже позавидовал такой ловкости. Самому-то ему винтовки не досталось. Впрочем, он тут же успокоил себя тем, что револьвером, который был куда легче винтовки, стрелять удобнее и надежнее.

Людмила уже водружала на верху баррикады красный флаг. Ей помогали рабочие и с Прохоровской мануфактуры, и с красильной фабрики, были рабочие и с нашей — мебельной Шмита... Коростелев было рванулся им на подмогу, но тотчас же твердая рука опустилась ему на плечо. «Куда?! — остановил его Рубакин, и никогда прежде Захар Коростелев не слышал такого страшного голоса у своего шутника-товарища. — Сиди на месте. Без твоей помощи обойдутся...»

Опять настала тишина, настороженная, зловещая... Защитники баррикады замерли. Овражная улица враз опустела. Некоторые рабочие начали было сомневаться в словах мальчишки. Нашлись даже такие, кто всерьез заявил, что «пацаненок-то, видно, обманул...» И в этот момент со стороны Пресненской заставы послышались гулко разносящиеся по улице шаги. Шло множество людей, и топот сливался в один неумолчный гул.

Сердце у Захара Тихоновича забилось сильнее и чаще. Ему казалось, что этот стук раздается у него в мозгу, заполняет все его тело. И вдруг он увидел, что Людмила очутилась рядом с ним. Она улыбалась, хотя лицо ее было бледно. Видимо, этой улыбкой она старалась вселить в сердца защитников баррикады бодрость духа и храбрость. В правой руке у нее был зажат револьвер, и кулачок побелел от напряжения. Она успокаивала рабочих, предупреждала их, что необходимо беречь патроны.

А зловещая поступь тех, кто двигался к баррикаде, становилась все отчетливее, все мощнее. И вот показался полковник на белом коне. Увидев баррикаду, поставленную поперек улицы, он поднял руку в белой перчатке, подав знак солдатам, чтобы те остановились, а сам, напрягаясь так, что надулись жилы на шее, обратился к рабочим. Он советовал защитникам баррикады немедленно разойтись по домам. Солдаты-де сами разберут ящики и бочки. В противном случае он ни за что ответственности не будет нести.

Какой-то молодой рабочий из тех, кто помогал Людмиле водружать знамя на верхушке баррикады, встретил его слова свистом. «Катился бы ты сам отсюда колбасой!..» — прозвучал его голос. Парня поддержали остальные защитники баррикады. Раздались насмешливые голоса: «Иди сюда, поближе, ваше благородие!.. Что же ты сюда не поднимаешься?.. Поговорим тет-а-тет!..»

Но полковник уже подал знак солдатам. Они рассыпались перед сооружением, залегли за тумбы, спрятались за углы домов. Полковник отъехал за угол дома и оттуда скомандовал солдатам, чтобы те открывали стрельбу.

Грохнул залп, не причинивший, однако, защитникам баррикады серьезного урона. Только от нескольких ящиков полетели щепки. Эта стрельба была встречена с баррикады дружным хохотом.

Между тем солдаты короткими перебежками приближались к защитному сооружению. «Внимание!..» — послышался взволнованный голос Людмилы, и Захар Тихонович весь подобрался в упругий, мускулистый комок. Он почувствовал, нет, не услышал, а именно ощутил каждой клеточкой своего тела, что все на баррикаде затаились и умолкли.

Люди в солдатских шинелях между тем залегли,

пользуясь каждым сугробом, каждой снежной яминкой, и снова открыли огонь. Полковник, укрывшись за выступом стены, подавал команды.

Опять полетели щепки от ящиков, бочек и телеграфных столбов. Но теперь защитникам Овражной улицы было уже не до смеха: шальные пули попадали не только в дерево, в железо и в булыжные камни, но и в людей. С баррикады солдатам отвечали редкие выстрелы — рабочие берегли патроны.

С баррикады было хорошо видно, как солдаты перебегают с одного места на другое, от подворотни к подъездам. Они снова открыли ураганный огонь, и Захар Тихонович увидел, что лежавший рядом с ним Гриша Рубакин схватился за голову, страшно застонав. Людмила метнулась к нему, не страшась выстрелов, подхватила на руки...

Коростелев был ближе всех. Он тотчас же кинулся к ней на помощь. Он еще не верил, что с Гришей может стрястись беда. Очутившись рядом, он принялся тормозить его. Но голова Рубакина с начинающими уже стекленеть глазами моталась из стороны в сторону...

И тогда Захар увидел, как Людмила порывисто схватила Гришину винтовку и стала посылать пулю за пулей в приближающиеся к баррикаде солдатские шинели.

И тут уж я не выдержал и закричал во все горло:

— Женя! Так это ее тогда, в детстве, видел Леонид Алексеевич!.. Помнишь, он нам рассказывал...

— Конечно, помню, Серега! — взволнованно откликнулся Женька. — Это была она, Ольга!..

Фотография на стене

Уж не знаю сейчас, откуда пронесся слух, что Ваську Русакова, Кольку Посакалова и Петьку Чурбакова задержала милиция: они вроде ограбили магазин, то ли продовольственный, то ли промтоварный. Но как бы там ни было, а я эту новость воспринял с радостью. Ведь теперь нам в наших поисках никто не сможет помешать.

На следующее утро я проснулся в великолепном настроении. Хотелось петь, кувыркаться и вообще делать разные глупости. С особенным аппетитом в то утро я позавтракал, с жадностью выпил стакан чая и поспешил в школу.

По-особенному ярким казалось мне мартовское солнышко. Оно напомнило мне, что приближаются весенние каникулы, а с ними и Неделя детской книги. В эти дни у нас всегда проводится какая-нибудь викторина, и тот, кому повезет, кто ответит на большинство вопросов, получит в награду какой-нибудь хороший приз, чаще всего интересную книгу.

На большой перемене Женька отозвал меня и Лешку в сторону и сказал, что сегодня нам непременно всей троицей, как только приготовим домашние задания, необходимо отправиться на Овражную и обойти оставшиеся дома.

— Давайте соберемся у Лешки, — предложил я. — От него до троллейбусной остановки идти ближе. Женька кивнул, соглашаясь.

Мама дома уже дожидалась меня с обедом.

— Мой руки и за стол.

Я чмокнул мою драгоценную мамочку в щеку и побежал в ванную.

После обеда я сел за домашние задания. Их было совсем немного. Я решил приготовить их поскорее и пойти к Лешке. Но как назло, все правила вдруг

вылетели у меня из головы, хоть плачь. Так всегда у меня бывает, если куда-нибудь торопишься. В конце концов я отложил приготовление уроков на вечер и побежал к телефону. Торопливо набрал Женькин номер и с трепетом стал дожидаться, когда мне ответят.

Трубку снял сам Женька.

— Я уже все выучил, Жень, — произнес я фальшивым голосом, потому что это была неправда.

— Как же это так? — послышался удивленный голос Вострецова. — Не может быть. Ведь всего только полчаса прошло...

— Долго ли умеючи!

— Ну, тогда подожди немного... Я сам тебе позвоню.

Делать было решительно нечего. Я слонялся по квартире, не ведая, чем бы мне заняться. Пришел на кухню, где мама мыла посуду, взялся ей помогать, в то же время прислушиваясь, не зазвонит ли телефон. Но он молчал. Наконец он затрещал, и я вышел из кухни.

Звонил Лешка Веревкин. Он сказал, что ждет нас с нетерпением.

— Я сейчас... прибегу! — воскликнул я и бросился надевать пальто, даже не вытирая рук.

Выскочил из дома, забыв застегнуть пуговицы, и помчался, сбивая прохожих, по улице Заморонова. А в душе моей остался пренеприятный осадок: ведь уроки-то я так и не выучил...

Вострецов пришел очень скоро, и мы все втроем отправились к троллейбусной остановке. Когда мы доехали до Овражной, я вдруг увидел на противоположной стороне улицы... Ваську Русакова. Я так и остолбенел, разинув рот, не в силах вымолвить ни слова. «Так это что же получается? — лихорадочно простучало в голове. — Значит, Ваську никто не за-

держивал?.. И все это были лишь пустые слухи?..» Но в то же время другая мысль засвербила у меня в мозгу: «Ну, теперь-то пусть попробует справиться с нами, ведь нас трое, а он один!..»

Женька Вострецов тоже увидел Русакова и остановился, поджидая его.

— Что же ты, Васька, один ходишь? Растерял, что ли, своих приятелей?

— Моих «приятелей» на днях в милицию забрали,— хмуро отозвался Васька.— Они жуликами оказались...

— А ты и не знал?

— А то знал разве? Если бы знал, никогда с такими бы не водился.

Сообщенная Русаковым новость как будто не произвела на Женьку особого впечатления. Первый раз я видел Ваську так близко. Он, видно, возвращался из булочной. В авоське у него лежал батон и, половинка буханки черного хлеба. Понуро он ковырял носком ботинка снег. А Женька принялся стыдить Русакова:

— Эх ты! Мы с Серегой особое задание выполняли: разыскивали героиню — участницу баррикадных боев. А ты нам только мешал. Да ладно бы один мешал. А то ребят созвал со всей улицы и рад, что справился.— Он помолчал, видно, переживая, и обернулся ко мне: — Пошли, Серега.— Но потом, будто спохватившись, опять взглянул искоса на Ваську.— Лучше, чем драться, ты бы в Доме пионеров в какой-нибудь кружок записался.

— А куда я запишусь? — уныло спросил Васька.

— Там кружков много. Хочешь, в авиамодельный... или в спортивный!..

— Меня не примут,— хмуро, но с затаенной надеждой отозвался Русаков.— Двоек много... Да и с дисциплиной тоже... не очень...

— А ты бы исправил двойки. Кто тебе мешает?

— Дома заниматься нельзя... Тетка у меня. Жуть, а не тетка.

Женька теперь глядел на Русакова исподлобья, внимательно и серьезно.

— А ты бы в школе занимался.

— Я уж пробовал,— махнул авоськой Русаков.— Да никак не получается... Только задумаюсь над примером — и всегда что-нибудь отвлекает... Вот на завтра опять задачку дали. А я ее снова решить не могу.

— А какая задачка? — поинтересовался Женька.— Трудная?

— Если бы легкая была, я бы сам решил,— криво усмехнулся Васька.— А там иксы всякие да игреки...

Он умолк и снова принялся ковырять носком башмака снег. Женька тоже молчал.

— Ладно,— вздохнул Русаков.— Пойду. Холодно. Да и тетка скоро от соседки возвратится...

— Подожди,— остановил его Женька.— Хочешь, я тебе помогу задачу решить?

— А сумеешь?

— Сумею. Пойдем.

Васькины глаза вспыхнули радостью и надеждой.

— Пошли,— обрадованно заторопился он.— Тут недалеко. Я в доме пятьдесят три живу.

— А как же мы? — в растерянности воскликнул я.

— Да пусть с нами идут,— сказал Васька.— Тетки сейчас все равно дома нет. А когда она вернется, вы уж уйдете. И дела свои успеете сделать.

Обрадованные, мы вчетвером двинулись по улице и вскоре остановились перед скромным двухэтажным домишкой древней постройки. На улицу с

любопытством глядели подслеповатые окошки, заставленные изнутри горшками с геранью и флоксами.

— Только ноги вытирайте,— предупредил нас Русаков, поднимаясь на крыльцо и вынимая большую связку ключей,— а то тетка заругается.

Мне стало смешно. До чего же храбрец Васька Русаков панически боялся свою тетку. Но вслух я смеяться не стал. Мы поочередно пошаркали ногами о железный половик у порога, и Васька, отперев наконец дверь, повел нас по коридорчику.

Обстановка комнаты, куда мы вошли, была совершенно простая. Внезапно я увидел в простенке между окнами знакомую фотокарточку. Ту самую, которая висела в Историко-революционном музее «Красная Пресня» в маленьком зале на втором этаже, с изображением шестерых девушек-курсисток.

— Смотри, Жень! Фотокарточка!.. Помнишь, в музее?

— Откуда она здесь? — спросил Женька.

— Давно уже висит,— отозвался Русаков.— А кто тут изображен, не знаю.— Он уже вытащил из портфеля тетрадку по алгебре и сейчас с нетерпением поглядывал на Вострецова, словно безмолвно спрашивая: «Ну для чего тебе это старье понадобилось?»

— Что же, посмотрим, что у тебя там не получается.

Несколько минут слышалось Женькино сопенье да шмыганье носом. Я знал, что Вострецов один из лучших математиков в классе, и не опасался за него.

— Да ведь это же очень просто, Вася! Только тут нужно вместо знака «минус» «плюс» поставить.

Женька вытащил из кармана авторучку и принялся что-то быстро переправлять в русаковской тетради. А я все смотрел на знакомую фотографию, не в силах был от нее отвести взгляда. И мне вспомнилось, как мы с товарищем расхаживали по залам Историко-революционного музея «Красная Пресня».

Женька наконец исправил Васькину задачку и тоже уставился на фотокарточку.

— Что это за фотография? Откуда же она к вам попала?

— Тут будто бы родственница моя изображена,— нерешительно произнес Васька.— Вот эта.— И он прикоснулся к девушке, сидящей облокотившись о столик.— Бабка, что ли...— Потом после недолгого молчания сказал: — Может, в сундук заглянуть? Старый такой сундук, видно, еще до революции сделан. Весь какими-то бумагами набит...

— Сундук? — вырвалось у меня.— А где он?

— Да на чердаке. Только темно там. Я сейчас свечку возьму.

Женька первым вылетел из комнаты. За ним мчался я. По моим следам, пыхтя и отдуваясь, Лешка. Васька со свечкой в руке замыкал живую цепочку.

— Куда же вы? Там же холодно!.. Одеться надо!

Пришлось возвращаться. Но это немного охладило мой пыл. «В самом деле,— подумал я,— и куда мы сорвались? Для чего торопимся? Может, в том сундуке и нет ничего важного?»

Тем временем Русаков отпер дверь, и мы стали подниматься по лестнице вверх, мимо квартирных дверей, увешанных ящиками для писем и газет. Дверь на чердак была заперта на висячий замок. Но Васька дернул посильней, и корпус его отскочил. Мы друг за дружкой полезли в темное нутро чердака.

Здесь было полутемно и холодно. Тоненько завывал ветер, врываясь в полукруглое окошко. Васька чиркнул спичкой, и свеча разгорелась. Она осветила потолочные балки, сплошь завешанные паутиной, какие-то путанные веревки, сломанные стулья, в углу — куча полуистлевших рогож...

— Там,— шепотом произнес Васька, указывая в темный угол.— Я его рогожей накрыл...

Пламя свечи горело ярко, как маяк. Мы гуськом двинулись в глубь чердака. И в углу я увидел что-то громоздкое. Русаков откинул рогожу, и нашим глазам представилась крышка внушительного сундука, окованная потускневшей, зеленой от сырости медью.

— Открывай! — почему-то шепотом приказал Женька.

Мы навалились все втроем и подняли тяжелую, неохотно заскрипевшую крышку. Сундук был до половины набит слежавшимися от времени бумагами. Они были уложены плотно. Только с самого края их, видно, кто-то потревожил.

Васька накапал на край сундука стеарина и укрепил на нем свечу. Женька с нетерпением вытащил несколько листков. Я заглянул через его плечо. Строчки были написаны ясным и твердым почерком.

— «Рабочий! — начал читать Вострецов.— Ты изнываешь на адской работе больше полусуток, а зарабатываешь так мало, что едва хватает только на хлеб...— В этом месте несколько строк было зачеркнуто, и дальше шли слова: — Твои дети, твоя жена, твой отец и мать голодают. Посмотри, как живет хозяин фабрики! У него роскошный особняк. Он купается в золоте. Ты же забнешь в холодном бараке, под дырявой крышей! Вставай, поднимайся, рабочий! Вставай на защиту своих прав, своей свободы.

Твои притеснители хотят закабалить тебя. Долой начальников-изуверов, если они не уменьшат рабочее время и не увеличат плату за труд!..»

— Листовка,— догадался Лешка.

— Листовка,— кивнул в ответ Женька.— И подпись есть: «Фабричный комитет».

Другой листок был отпечатан в типографии. Но между строчками там и тут все тем же твердым подчерком были вставлены слова или исправлены буквы.

«У нас нет самых насущных (вставлено «политических») прав: ни свободы стачек, собраний (вычеркнута запятая, приписано «и»), союзов, ни свободы слова и печати. Нами правят не выбранные нами люди, а крепостники (прибавлено «и кровожадные деспоты»), назначенные царем. У нас вместо неприкосновенности личности (вписано «полный») полицейский произвол. Вот против этого-то произвола и протестуем мы, рабочие России! Долой самодержавие! Объединяйтесь под знаменем революционной социал-демократии!..»

Снизу под печатным текстом было приписано от руки: «Товарищ Варфоломеев, отнесите это в Конюшковский. Надо немедленно отпечатать и распространить среди работников Прохоровской мануфактуры, Даниловских сахарозаводчиков, красильщиков ф-ки Мамонтова. Людмила».

Мы переглянулись между собой.

— Не она,— с сожалением выдохнул Лешка.

Женька ни слова не сказал. Он стал перебирать в пальцах пачки писем. Одни конверты были аккуратно перевязаны бечевкой или выцветшей от времени шелковой ленточкой, другие лежали не связанные. Вострецов развязал одну из пачек и стал разглядывать исписанные все тем же почерком бумаж-

ки. На одном конверте мне бросился в глаза адрес: «Москва, Овражная ул., д. № 53. Русаковой Анастасии Дмитриевне».

— Прочти вот это, Женя, — попросил я.

И Вострецов начал читать.

«Милая мамочка! Уезжаем на фронт. За меня не волнуйтесь. Битва нам предстоит тяжелая, потому что врагов у революции еще много, и так просто они смириться со своим поражением не захотят. Но мы победим. Победим непременно. Так же, как победили в октябре прошлого года. Мы идем в бой за правое рабочее дело, а когда воюешь за правду, проиграть сражение нельзя. Нас ведет в бой большевистская партия, а у нее верная рука и зоркий глаз. Я не хочу скрывать от тебя — впереди у нас еще много трудностей. Ленин говорит, что мало взять власть в свои руки, надо суметь еще эту власть удержать. И мы удержим. На то мы и большевики. Кончится война, и начнем мы строить, создавать, восстанавливать то, что было разрушено врагами Советской власти. И взамен старого мира появится новый, невиданный мир, имя которому — социализм! А вы живите и ждите меня. Берегите Максимку. Пусть растет веселым и здоровым. Пусть вспоминает маму. Пусть будет настоящим человеком, большевиком, борцом за народное дело. Крепко вас обоих целую. Ваша дочь Оля. 14 августа 1918 года».

— Ну, Василий Максимович! — шутливо обратился к Русакову Лешка. — Поздравляю тебя с такой бабушкой!

— Почему Максимович? — удивился Васька. — Я Всеволодович... — Он немного помолчал, а потом добавил: — Это деда моего, кажется, Максимом звали.

Наследники

— Ну, тогда поздравляем тебя с такой героической прабабушкой! — воскликнул Женька, а потом, обернувшись, взглянул на драгоценный сундук. — Куда бы все это положить?

— А у меня рюкзак есть, — вспомнил Васька. — Я сейчас принесу. — И он бросился к выходу.

Мы остались одни; все молчали, потому что хотя мыслей было и много, но говорить ни Лешке, ни Женьке, ни тем более мне не хотелось. Сумерки в чердачном окошке еще больше сгустились. Свеча трещала и чадила. Наконец я с облегчением услышал на лестнице Васькины шаги. Только мне почудилось, будто в них что-то не так, как было до его ухода.

Он пролез в чердачную дверь с виноватым видом.

— Не дает тетка рюкзак.

— Что же делать? — запаниковал Лешка.

Женька обдумывал создавшуюся ситуацию всего лишь минуту.

— Можно и так все оставить как было. Лежали же эти бумаги в сундуке более шестидесяти лет. Ну и еще полежат. Васька, а замок у тебя хоть есть? Только не такой, чтобы его с одного рывка можно было отпереть, а настоящий.

— Да еще и с ключом! — подхватил Веревкин.

— Есть! Сейчас принесу...

Пока Васька ходил домой за замком, мы все привели в прежний надлежащий вид. Крышку сундука закрыли, я и Лешка притащили еще несколько рогож, чтобы можно было поплотнее запаковать драгоценный сундук.

— Ну вот, теперь хорошо, — с удовлетворением произнес Женька, оценивающе глядя на нашу работу.

Появился Русаков, неся в обеих руках огромный амбарный замок.

— Вот, можно запирать. И ключ есть!.. Уж такой никому на свете не открыт!

— И все-таки нужно сообщить о нашей находке Ивану Николаевичу,— произнес Вострецов, когда мы вновь спускались по лестнице.— А тебе, Василий, задание — пуще глаза беречь вход на чердак.

— Будьте покойны... Никто не войдет.

На следующий день, едва мы с Женькой явились в школу, ребята встретили нас восклицаниями.

— Вострецов! Кулагин! Расскажите, как вы Ольгу Русакову искали!.. Как сундук нашли!..

Женька сердито взглянул на Лешку Веревкина. Я тоже догадался, что это он успел растрезвонить по всему классу о нашей находке.

Сквозь толпу, обступившую нас, протиснулся Комиссар.

— Вострецов,— веско заявил он,— совет отряда постановил, чтобы вы обо всем рассказали на сборе. Мы специальный сбор устроим по этому поводу.

— Ладно,— кивнул Женька.

Направить делегата к Ивану Николаевичу мы с Женькой решили на одной из перемен. Конечно, я настаивал на том, чтобы пошел сам Вострецов.

Дома, сидя над приготовлением домашних заданий, я прислушивался, не раздастся ли телефонный звонок. И вот телефон зазвонил. Я бросился к нему, опередив маму, и взял трубку. Но это был не Женька. Это звонил Лешка Веревкин.

А пока я беседовал с Лешкой, пронзительный звонок затрещал у входной двери. «Кого еще там несет?» — с неудовольствием подумал я, даже не предполагая, что это может оказаться Вострецов, и вдруг услышал из прихожей Женькин голос.

— Лешка! — заорал я в трубку. — Женька пришел!.. Сейчас он обо всем расскажет...

Лешка что-то еще говорил в трубку, но я его уже не слушал. Со звоном опустив трубку на рычаг, я вышел в коридор и увидел моего товарища, который снимал у вешалки свое пальтишко. Чувствовалось, что Вострецов порядком утомился. Я же в нетерпении подпрыгивал возле вешалки, дожидаясь, пока Женька окончательно разденется.

Пока Женька шел по коридору, я спросил:

— Ну что там?.. Как Иван Николаевич? Что он говорил насчет сундука?..

— погоди, дай отдышаться... Все расскажу.

Наконец он плюхнулся на папин диван и, поскольку я его тормозил, принялся рассказывать. Иван Николаевич верил в то, что нас не может постичь неудача. Он внимательно выслушал всю историю наших поисков и то, как мы отыскивали сундук в доме № 53 на улице Овражной, сказал торжественным голосом, что мы наследники тех великих и бурных событий и честь нам и хвала за нашу настойчивость...

— Я уже и у Васи был, — продолжал возбужденно рассказывать Вострецов. — Иван Николаевич при мне позвонил в музей «Красная Пресня»... Вот там удивились так удивились. Они, оказывается, ни капельки не верили, что мы хоть что-нибудь отыщем. А как узнали, то страшно обрадовались. Сказали, что нас ждет награда за все наши мытарства. И еще сказали, что пришлют машину в дом, где жила Ольга Русакова. Так я предупредил Васю, чтобы он не удивлялся, когда машина придет.

— Ну а тетку его ты видел?

Женька молча кивнул.

— Ну, и какая она из себя?

— Ты знаешь, Серега, — задумчиво произнес

мой славный товарищ.— Я прежде никогда не видел таких равнодушных людей. Ничего-то ей не интересно, ничего-то ее не волнует... Сидит, как цыпленок в скорлупе. Из нее-то ему ничего не видать. И как можно таким людям жить на свете!..

В этот момент раздался звонок у двери. Это пришел Лешка Веревкин. Он принялся расспрашивать Вострецова, что там слышно о сундуке. И Женька повторил свой рассказ.

— Послушай, Жень,— произнес я, глядя в темное окно.— Поздно уже. Возьми у меня тетрадку по русскому. Перепишешь.

Женька взглянул на меня внимательно и покачал головой.

— Не нужно, Серега. Я сам все приготовлю. Хотя всю ночь буду сидеть, а сделаю, как нужно.

Письмо

Через неделю, в среду, когда должен был собраться на занятия в Доме пионеров исторический кружок, наш доклад был полностью готов. И альбом мы тоже оформили.

Мы шагали в Дом пионеров все втроем. Женька бережно нес под мышкой альбом, завернутый в газету, чтобы обложка его не испачкалась. Мы с ним уговорились, что будем докладывать поочередно.

— Как Николай Озеров и Владимир Маслаченко,— вспомнил Лешка наш злополучный концерт и рассмеялся.

На душе у меня было тревожно. Боязно все-таки выступать перед несколькими десятками ребят. Ведь они учатся не у нас в школе, а в разных, раз-

брошенных по всему району. Но когда мы вошли в просторный вестибюль Дома пионеров, на душе у меня полегчало. А когда сняли свою одежду в гардеробе, то и вовсе отлегло от сердца.

По всем этажам Дома пионеров разносился оживленный гул голосов. Правда, ребята не носились, как порою носятся в школе на переменах, но шумели все-таки изрядно.

А в комнате, где собирался наш исторический кружок, было еще более шумно. Ребята уже знали обо всех наших похождениях и возбужденно обсуждали их между собой. Как только мы появились в дверях, все, как по команде, умолкло. Но потом, обступив нас галдящей толпой, заговорили все вразнобой. Хорошо, что в этот момент в дверях показался, опираясь на свою неизменную трость, Иван Николаевич. Он взглянул на всех строго, и ребята разбежались по своим местам за длинным во всю комнату столом.

Иван Николаевич терпеливо дожидался, пока все рассядутся, а затем обратился к нам:

— Ну, как ваши дела, герои? Я надеюсь, доклад готов?

— Готов,— откликнулись мы с Женькой в один голос.

— Ну, тогда мы послушаем вас,— произнес руководитель нашего кружка, усаживаясь на свой стул и приготовившись слушать.

Женька тем временем раскладывал перед собою исписанные листки бумаги. Он уже хотел было начинать, но в это мгновение отворилась дверь, и в комнату бочком пролез... Вася Русаков. Он остановился на пороге, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Васька! — закричали мы с Лешкой.— Здравствуй, Вася!..

А Иван Николаевич представил его всем ребятам:

— Познакомьтесь, пожалуйста. Правнук Ольги Ивановны Русаковой, Вася.

Головы всех ребят повернулись к вошедшему. Он покраснел и засмутился. А руководитель нашего кружка продолжал:

— Он будет заниматься у нас в историческом кружке.

Вот это была новость!.. Я просто не мог поверить своим ушам. Но только откуда же Ивану Николаевичу известно отчество Ольги Русаковой?.. Ах, да, ну конечно же!.. Заветный сундук уже увезли в историко-революционный музей... Там, очевидно, разобрали все документы... Но откуда же Иван Николаевич знает Ваську?.. Все эти мысли не давали мне покоя. В недоумении взглянул я на Женьку. Но он перебирал свои бумажки, приготовленные для доклада...

По-моему, он у нас получился совсем неплохой. Правду сказать, я сам-то говорил совсем немного, только о том, как рабочие сражались на баррикаде, защищавшей Овражную улицу. Но все ребята слушали нас затаив дыхание.

Я искоса поглядывал на Ваську. Он сидел выпрямившись, с насупленными бровями. Сейчас он чем-то неуловимо напоминал ту девушку с фотокарточки в музее, которая так сразу привлекла мое внимание. И глаза у него были такие же, и брови острыми уголками...

После доклада все стали рассматривать наш альбом. Дивились отлично сделанным рисункам. Тут уж Женька сказал, что рисовал Лешка Веревкин. А тот так густо покраснел, что, кажется, о его физиономии можно было зажигать спички.

Из Дома пионеров мы возвращались веселые и

возбужденные. Все-таки что там ни говори, а приятно, когда тебя хвалят. Шли пешком по улице Замо-ренова, обсуждая свои дела, провожая Васю Русакова к троллейбусной остановке.

Он был тоже весел, и только иногда в уголках его серых глаз мелькала смутная тревога. Я понимал, как ему тяжело из сияющего огнями, шумного, блестящего Дома пионеров возвращаться к себе домой, на Овражную улицу, где тетка будет снова браниться и орать на него... Наверно, потому-то, когда мы остановились возле троллейбусной остановки, чтобы проститься с нашим новым товарищем, Васька сказал:

— Идемте, я вас еще немного провожу.

Он проводил нас до самого Лешкиного дома.

— Ты заходи,— сказал Женька.— Ко мне заходи или к Сереге... А можно к Лешке. Уроки станем вместе делать. А что тебе непонятно будет, я всегда объясню.

— А когда зайти можно? — встрепенулся Русаков.— Завтра можно?

— Да хоть завтра заходи.

— Женька! — вспомнил я вдруг.— Как же после школы? У нас в это время хоккейный матч с восьмьдесят шестой школой!

— Ну и что же? Выучим уроки и пойдем все вместе на твой матч. Пойдем, Вася? Поглядим, как Серега будет мимо ворот бить.

— Это почему же мимо? — обиделся я.— Зря ты говоришь. Я не хуже Борьки Кобылина играю.

— Ладно, не дуйся. Это я пошутил. Чтобы не сглазить. Ну как, Вася, придешь?

— Приду.

Васька махнул рукой и зашагал не оборачиваясь к троллейбусной остановке.

Хоккейной встречи с командой восьмьдесят ше-

стой школы наши игроки ждали с особенным нетерпением. К этой встрече у наших ребят все было заранее приготовлено: коньки наточены, клюшки проверены... мама мне к этой игре выстирала и выгладила фуфайку, гетры заштопала — я их порвал во время тренировки.

Народу возле нашего катка собралось столько, что не протолкнуться. Даже старшеклассники пришли. Они стояли позади зрителей, снисходительно переговариваясь и перешучиваясь. Впереди, подложив под себя кто кирпич, кто портфель, расположились малыши.

Каток у нас в школе небольшой — в длину метров двадцать и в ширину почти столько же, так что для игр боковые линии приходится расчерчивать краской. Но зато ворота настоящие, хоккейные, 183 сантиметра в ширину и 122 в высоту. И шайба тоже такая, как полагается. И тренер хороший... Наш преподаватель физкультуры, Константин Сергеевич. Роста он, правда, небольшого, но зато на коньках катается так, что залюбуешься.

Перед игрою он делал вид, будто совсем не волнуется, хотя мы-то знали, что не волноваться ему никак невозможно. Ведь он отвечал за нас всех, болел за каждого игрока... А когда мы переодевались в раздевалке, он давал каждому игроку последние наставления. Подошел и ко мне.

— Ты, Сергей, слишком не увлекайся атакой... Поглядывай по сторонам — не догоняет ли тебя защитник противника...

На лед мы вышли вместе с командой соседней школы. Я сразу же увидел наших ребят — они сидели на скамеечках у края поля. В одном из первых рядов я увидел Женьку. Рядом с ним сидел Васька Русаков. Все ребята были в сборе. Только Лешки Веревкина что-то не было видно. Неужели опять испор-

тился его фотоаппарат?.. Он ведь обещал поснимать во время матча!..

Мы прокричали, как и полагается, «физкультпривет», и игра началась. Нападающие сразу прорвались к нашим воротам. Они ловко и точно передавали друг другу шайбу, и она, словно живая, скользила от одного к другому мимо наших защитников. Гешка Гаврилов, вратарь, то и дело приседал, словно танцуя перед воротами. Я погнался за нападающим, совершенно позабыв все наставления Константина Сергеевича. Положение было угрожающим. Тот уже целился, чтобы сделать бросок по воротам. Но ему не хватило какой-нибудь секунды. опередив меня, наш центр Боря Кобылин с необычайной силой отбросил шайбу в сторону ворот противника.

Началась наша атака. Но защита у игроков другой стороны была крепкая. Мы даже не успели дойти до зоны нападения, как их защитники выбили шайбу, а нападающие опять повели ее к нашим воротам, ловко передавая друг другу.

Вообще-то в хоккее нельзя действовать все время одинаково. А наши противники шли точно так же, как и первый раз. Им удалось переброситься только трижды, а потом шайба уже оказалась на моей клюшке.

Я довольно точно отдал ее Борису Кобылину, а сам помчался к линии зоны нападения, стараясь не выходить за нее, пока Борис не передал мне шайбу обратно. Если оба мои конька окажутся за линией, а Кобылин в это время передаст мне ее из средней зоны, окажется положение «вне игры». Но Боря не собирался пасовать мне. Наверно, во что бы то ни стало решил сделать бросок самостоятельно. Вот он вошел в зону защиты, обошел одного игрока, другого и вдруг неожиданно послал шайбу в мою сторону. Я даже совсем не целился, а просто бросил ее вперед.

Я не видел, влетела она в ворота или нет. Только услышал, как завопили болельщики, ребята из нашего класса, и понял, что не промахнулся.

Женька махал мне рукой. Мишка Маслов подбрасывал вверх шапку. Я заметил, как сквозь толпу к Жене и Васе пробирается Лешка Веревкин. Наверно, он очень торопился, потому что лицо у него было красное. Я удивился, что он не принес фотоаппарат. «Конечно, сломался,— решил я. — Так и знал...» Последнее, что я увидел, это как Веревкин присел рядом с Женькой и протянул ему какую-то бумагу. Женька развернул ее и стал читать. Васька тоже наклонился, заглядывая через его плечо.

А между тем шайба снова была в игре. Олешка Островков, наш защитник, быстро отнял ее у нападающего из восьмидесятой школы и передал мне. Я Борьке. Мне хотелось повторить тот же маневр, и я побежал в среднюю зону. Однако шайба ко мне не попала. Ее перехватил центр нападения наших противников, долговязый мальчишка в настоящей хоккейной каске, и помчался к нашим воротам.

Гешка заметался. Кинулся вправо, потом влево, поскользнулся и плюхнулся на лед. А шайба пролетела мимо него прямо в сетку.

Теперь уже орали и подбрасывали вверх шапки болельщики из соседней школы. Но сквозь гам и крики, сквозь оглушительный свист мне все-таки удалось услышать голос Женьки Вострецова:

— Серега!.. Серега!..

Женька звал меня, размахивая листком бумаги. Неужели он не понимает, что мне сейчас совсем не до бумажек?

— Серега, сюда! — кричал Вася Русаков.

Я в недоумении смотрел на него, забыв, что игра уже началась, и не замечая, что Борис Кобылин по-

слал мне шайбу. Неожиданно я увидел перед собой знакомую каску, а шайбу возле своих ног. Еще миг — и противник коснется ее клюшкой!.. И тут, растерявшись, я так толкнул долговязого парня, что каска, которой он, вероятно, форсил, слетела у того с головы, и сам он грохнулся на лед. Раздался свисток юноши, судившего нашу встречу, девятиклассника Валеры Федорова. Вот ведь как — паренек из нашей школы, а как будто подсуживает нашим противникам.

— За грубость удаляю тебя с поля на две минуты.

Я пытался было оправдываться. Но сами понимаете, с судьей не спорят. Вздохнув, я понуро покинул с поля.

— Это все из-за вас! — сердито отругал я мальчишек. — Машете всякими бумажками...

— Да ты читай! — Женька сунул бумагу мне под нос.

— Чего там еще?

Я вырвал у него листок и прочитал только первую строчку: «Хабаровск, 6 марта». И тотчас же насто-рожился. Да ведь это от Лешкиного дяди письмо!.. Я пробежал глазами по строчкам: «Здравствуй, дорогой племянник! Получил твое письмо и фотокарточку...»

Но дочитать письмо до конца мне так и не удалось.

— Кулагин, твой штраф кончился, — услышал я голос Валеры Федорова. — Выходи на поле и вступай в игру.

Нет, положительно мне в этот день не везло. Как только я вышел на лед и ударил клюшкой по шайбе, лопнул шнурок на моем башмаке. Валера снова остановил игру. Другого шнурка у меня не было. Кто же мог думать, что он лопнет в самое неподходящее время! Я спросил, нет ли шнурка у Гешки Гаврилова, но

он так отчаянно замотал головой, что мне тотчас же стало понятно — у такого скупердя зимой снега не выпросишь.

Пришлось заковылять к Женьке, окруженному ребятами.

— Давайте, что ли, почитаю,— произнес я.— Все равно больше не смогу играть.

Я молча вырвал у Женьки Лешкино письмо, еще даже не предполагая, какое оно будет иметь для всех нас важное значение.

Бой под Волочаевкой

«Здравствуй, дорогой племянник! — писал Лешке его дядя.— Получил твое письмо и фотокарточку. Должен тебе сказать, что карточка меня порадовала больше письма. Все-таки слово «разыскивали» нужно бы писать через «а», вводные же предложения выделять запятыми. Но вот за рассказ о том, как ваши ребята — Женя и Сережа — нашли дом, где жила Ольга Ивановна Русакова, спасибо. Ведь давным-давно, еще в двадцать первом году, когда мы били интервентов на Дальнем Востоке, довелось мне встретить Ольгу Русакову и воевать с ней рядом...»

Должно быть, глаза у меня были совершенно очумелые, когда я оторвал взгляд от письма и перевел его на моих товарищей.

— Ты дальше читай, дальше! — торопил меня Женька.

Но я и сам без его понуканий впился глазами в мелкие, не очень разборчивые буквы.

«Было это в феврале месяце в 1922 году. Позади нас, партизан и красноармейцев, лежала громадная Сибирь, а впереди маленькая станция Волочаевка —

путь к Хабаровску и ко всему Приморью. Не хотели белогвардейцы и японские интервенты отдавать эту станцию, укрепились на ней, бронепоезд подвели, а у Волочаевки взорвали и сожгли мосты.

Первый раз я встретил Ольгу Русакову недалеко от Волочаевки, на железнодорожной станции Ольгохта. Нашему партизанскому отряду командование поручило эту станцию от белых защищать. А насели на нее белогвардейцы тучей. Кажется, и помощи-то ждать неоткуда. Лежим мы на насыпи с винтовками, а сами уж и к смерти готовимся. Понятно, ничем на голом полотне не укрыться.

А командир нашей группы, Таран Анатолий Иванович — мы его за окладистую бороду еще Дедом звали, а было ему лет тридцать или тридцать два — говорит: «Ну, ребята, может, до последнего все погибнем, а врага тоже поколотим, сколько сил хватит». Тут и выскочили из тумана прямо к нам какие-то люди. Мы было не разобрались, огонь по ним открыли. А потом видим — наши!.. И впереди женщина бежит. Шинель перетянута туго, маузер в руке. «Здравствуйте, — говорит, — я — Русакова, комиссар полка. Командир у нас ранен. Приняла команду».

Вот так и познакомился я с Ольгой Ивановной Русаковой. Отбили мы с ее отрядом атаку белых. Командовать она умела. Уж на что у нас были вояки-храбрецы, а и они перед нею учениками выглядели. Ведь я тогда не знал, что она еще в 1905 году баррикадными боями руководила.

Вскоре Таран послал меня с каким-то незначительным поручением в штаб Особого района — так в ту пору называлось соединение, которое нынче именуют дивизией. Гляжу, а она из какой-то двери выходит. «Побратались мы с тобой, товарищ Орлов», — говорит. «Побратались», — отвечаю. «Теперь на Волочаевку». — «Куда прикажут, туда и пойдем».

А там и приказ вышел — брать Волочаевку. Только нелегкое это оказалось дело. Открыли беляки такой огонь, что мы к станции пробиться не смогли. Будто небывалая снежная метель поднялась в ту пору над землею. Все перемешалось, перекрутилось от невиданной пальбы. Не разобрать, где свои, где чужие. Падают, неподвижно застывают в сугробах бойцы. Разрывом убило нашего славного командира, товарища Тарана Анатолия Ивановича... Криков не слышно от грома и гула. И в том месте, где рвется снаряд, черная яма остается, глубокая, как могила...

Отступили мы на запад. Видно, не в лоб, не напрямую надо было брать Волочаевку, а обойти ее с севера и с юга. Так и командующий решил, товарищ Блюхер. Двинулся наш отряд в обход поздней февральской ночью по глубокому снегу к деревне Нижне-Спасская.

Не знаю, далеко ли мы от железной дороги отошли, только вдруг поднялся буран. Свистит ветер, с ног сбивает. На усах и бородах стариков партизан сосульки намерзли. А с нами ведь еще и пушки. Их тоже тащить нужно, лошадям помогать.

Светать стало. И вдруг прямо из метели вырвались на нас беляки... Было это до того неожиданно, что и они и мы остановились друг против друга — растерялись. Наш новый командир, присланный вместо Тарана, Дикарев Тихон Спиридонович, первым опомнился. Раздалась команда: «Развернуть орудия!.. По белым гадам прямой наводкой — огонь!..» И ударили наши пушки. Метров на тридцать, не дальше, били. Никогда раньше не думал я, что можно из полевого орудия, будто из винтовки простой, стрелять. Да делать больше было нечего. Единственное, что могло нас спасти, — это страху на врага нагнать. И ведь испугались белогвардейцы, смешались, бросились врассыпную...

Только нельзя так долго из пушек стрелять. Это тебе не пулеметы. Разобрались белые, что нас меньше, и давай обходить наш отряд с двух сторон. Тут и их орудия заговорили. Затрещали винтовки. Справа, слева, сзади разворотило снег взрывами... Один боец упал, застонал другой. А я зубы стиснул и палю, палю не разбирая куда.

Пулей с меня шапку сорвало. Затоптались наши на месте. И снова я увидел Ольгу Русакову. Она появилась внезапно из метели, вся облепленная снегом, в своей туго перепоясанной шинели, с маузером в руке: «Вперед, товарищи! За мной! Нам на помощь идут красные конники!..»

И такой звонкий, такой сильный и смелый был у нее голос, что бойцы кинулись за нею в атаку, смели белых, бесстрашно бросились на грозные пушки. И не выдержали такого натиска враги. Стали отступать к железной дороге. А там уже зарево разгоралось и гремел бой — это подошли к Волочаевке красные отряды.

Я бежал рядом с Ольгой. Кажется, она меня не узнала в этой страшной огненной кутерьме. И вдруг остановилась, словно наткнулась на какую-то невидимую стену. Маузер выронила, потом качнулась вперед, будто хотела его поднять, и упала в снег... И такой болью меня обожгло, словно не ей, а мне в грудь вонзилась белогвардейская пуля. Но злость во мне закипела такая, что рванулся я вперед, ничего вокруг не разбирая. Только штыком колю, бью прикладом по вражеским плечам, по головам, по чему попадет...

Два дня Красная Армия гнала врага на восток, к Хабаровску. На привалах, когда подтягивались обозы, навещался я в полевой лазарет узнать, что с Ольгой Ивановной. Она была без сознания. Лежала в санитарной двуколке бледная, глаза широко откры-

ты, будто бы видела она такие бесконечные дали, каких другим увидеть не дано. Как-то раз наклонился я, а она шепчет едва слышно: «Максим». Мне потом там же, в лазарете, объяснили, что Максимом ее сынишку зовут.

Ничего в ту пору о ней не знали: кто такая, откуда родом. Говорили, будто бы воевала она на колчаковском фронте, попала в плен, но отбили ее красные бойцы истерзанную, измученную, полуживую. Но толком никто ничего сказать не мог.

Хабаровск мы заняли 14 апреля. Один полк остался в городе для гарнизонной охраны да еще для того, чтобы добить попрятавшихся белогвардейских офицеров. Там же, в Хабаровске, остались и раненые. В здании бывшей гимназии устроили лазарет. Сиделке одной поручил я от имени всего нашего партизанского отряда хорошенько ухаживать за Ольгой Ивановной. Предупредил ее, что потом я вернусь в город и сам узнаю, выполнила ли она наш партизанский наказ. Даже фамилию и имя той сиделки записал: Корнеева Ксения Феоктистовна.

Дал я ей такой наказ, и пошла Красная Армия дальше, к Приморью, к Тихому океану, добивать белых. Писал я той сиделке после, но ответа не получил. Почта тогда работала плохо. Видно, уехала она куда-то из Хабаровска. Потом остался в Красной Армии на службе... Так с той поры в военном мундире и хожу, не снимая его.

Ты мне, Леша, пожалуйста, напиши, удастся ли вашим неутомимым следопытам — Жене и Сереже — о ней что-нибудь выяснить...»

Дальше Лешкин дядя спрашивал у племянника, как его дела, здоровы ли родители. Но это было уже неинтересно. Я только пробежал глазами по строчкам, а потом поднял голову и вскочил со скамейки.

— Чего же ты стоишь, Женька? — закричал я. — Идем скорее к ней!

— К кому? — изумился Вострецов.

— Да к Корнеевой, к бабушке Ксении!

Тут глаза у Женьки стали такие громадные, что я испугался, как бы они не выскочили.

— Что? — заорал он и схватил меня за руку.

Ну и память у Женьки! Неужели он не вспомнил имени и фамилии старушки, у которой мы еще в первые дни наших поисков так усердно подметали пол, подвешивали занавески, а он чинил электрическую плитку? Я так сразу понял, что это она и была той сиделкой в лазарете, о которой писал Лешкин дядя.

Я едва успел снять коньки, умоляя Женькуточку подождать. Я с сожалением окинул взглядом поле, где разгорались хоккейные страсти. Затем подумал, что узнаю после, чем же кончится игра. Впрочем, я верил, что наша школа выйдет победительницей...

Вот и Овражная улица. Вот и дом, где жила бабушка Ксения. Думал ли я в тот день, когда вешал на окна занавески, что придется побывать здесь еще раз!

Нам отворила сама бабушка Ксения, потому что ко многим бумажкам, висевшим на двери, прибавилась еще одна — с фамилией Корнеевы.

— А, помощники! — заулыбалась она, тотчас же узнав меня и Женьку. — Да Павлик-то только завтра из армии возвращается...

— А мы не к нему пришли, Ксения Феоктистовна, — выпалил Женька, немного отдышавшись. — Мы к вам пришли.

— Ну, какое же у вас ко мне дело? — насторожилась старушка.

— Бабушка Ксения, — взволнованно спросил Женька. — Вы в 1922 году в Хабаровске жили?

— Жила, милоч, как же!

— А в лазарете работали?

— Работала. Да ведь как не работать? Там при японцах да при белых такое творилось, что и не описать! Убивали, грабили, дома жгли. Сколько хороших людей замучили!.. А как взяли Хабаровск красные, будто праздник какой наступил. Ну и пошла я в лазарет. Санитаркой стала, а по-тогдашнему — сиделкой. Какая-никакая, а все помощь. Да вы что это мне допрос-то устроили? — вдруг спохватилась она. — Откуда вам все об этом известно? Ведь почитай годков пятьдесят с лишком прошло...

— А у вас там, в лазарете, раненая одна лежала, — еще больше волнуясь, продолжал расспрашивать Женька. — Ольга Ивановна Русакова...

— И, милоч! Там раненых столько было!.. Разве каждого упомнишь!

— А вы вспомните все-таки, вспомните! Ее сразу привезли в лазарет, в здание гимназии... А партизан один вашу фамилию записал. — Женька торопливо достал письмо Лешкиного дяди. — Вот. Он сам нам письмо прислал.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрю, что за письмо такое!

Ксения Феоктистовна отставила письмо дяди Бори далеко от глаз, а потом покачала головой.

— Ничего без очков не вижу. Да что же это мы в прихожей стоим? Пойдемте в комнату мою, там все и разберу, какой такой дядя...

В комнате бабушки Ксении мы все разделись. Она достала очки и начала читать, медленно шевеля губами. Мы нетерпеливо ждали, не сводя с нее глаз.

— Ой, как же! — вскрикнула старушка. — Пом-

ню, помню! Максимку еще поминала. Жалобно так звала его: «Максимушка, не холодно тебе? Дай я тебя укурю...» А бывало, мечется в жару, щеки впалые так и пылают, да как зачнет кричать: «Огонь!.. Огонь!..» То ли жгло ее что, то ли виделось ей, будто на войне она и враги кругом ее обступают... А сколько людей в те поры погибло!.. И от вражеских пуль, и от тифа, и от других разных болезней...

— А что с ней потом стало? — тронул за рукав байкового халата Вася Русаков.

— Померла, милоч, померла. Уж чего только доктор не делал!.. Ничего не помогло. Пуля-то, говорили, два дня в ней сидела, возле самого сердца. А вынимать ее врачи боялись. Вот кровь и заразилась. Померла она. Даже в память не пришла. Да нешто тот партизан живой остался?

— Живой, — кивнул Лешка. — Это моей мамы родной брат, Орлов Борис Петрович...

— А она, Ольга Русакова, точно умерла? — спросил, еще не веря печальной вести, Женька. — Может, вы не знаете?

— Как же это не знаю, — даже обиделась бабушка Ксения. — На руках моих, голубушка, последний раз вздохнула... И похоронили ее там же, в Хабаровске, в братской красной могиле. Из ружей стреляли. Салют, значит, последняя солдатская честь...

Молча шли мы по улице Овражной, возвращаясь от бабушки Ксении. Каждый думал о своем. И все вместе об Ольге Ивановне Русаковой, комиссаре Красной Армии, погибшей за наше теперешнее будущее, за нашу такую счастливую жизнь, которой она так и не увидела. Не увидела, каким прекрасным стал ее родной Краснопресненский район. Какой широкой, залитой асфальтом стала набережная Мо-

сквы-реки, что напротив «Трехгорной мануфактуры» имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, в старину носившей название «Прохоровская». Какими великолепными выглядят подземные станции метрополитена!.. Как широко пролегла главная улица района — Красная Пресня!.. Какие высокие здания взметнулись ввысь по всей Москве, не умолкающей ни на мгновение, гудящей, закипающей и бурлящей неугомонной жизнью, той жизнью, за которую она, не задумываясь, отдала свою единственную, полную невзгод и лишений, но все же прекрасную жизнь, такую, что иной ей и не нужно было.

Сакровище
Вальдшнепа

Мы едем в Зареченск

Наконец все было собрано и сложено в большой чемодан. Рубашки и полотенца, трусики и майки, тапочки, носки, две пары сатиновых брюк... Были еще у нас теплые курточки: у Женьки Вострецова — синяя суконная, у меня — коричневая из вельвета. Кроме того, мы сложили в чемодан множество других вещей, которые были нам совершенно необходимы: несколько мотков лески, поплавки, жерстятки с рыболовными крючками, компас, фонарик с запасными лампочками и батарейками... Еще были у нас в чемодане листы картона и вата, бутылочка с эфиром и целая куча булавок: мы пообещали преподавательнице биологии Анне Ивановне непременно привезти из Зареченска коллекцию бабочек.

Зареченск... Не ищите его на карте. Разве что на самой подробной. Слишком уж мал этот городок. Там всю свою жизнь провела Женькина тетка, тетя Даша. Она доводится родной сестрой Женькиной маме.

Еще весною она прислала ей письмо. Там было написано, что тетя Даша приглашает племянника на все лето к себе в гости. Ну а Женька, понятно, тотчас же объявил, что без меня никуда не поедет.

По этому поводу наши мамы с папами долго совещались. А мы с Женькой переживали, опасаясь, что они не согласятся отпустить нас одних в такое далекое путешествие. Но наши папы настояли на том, что мы с Женькой уже взрослые люди и пора нам быть самостоятельными. И мамы согласились.

В классе все, конечно, знали, что мы уезжаем далеко: почти целые сутки в пути. Надо ли говорить, как все отчаянно завидовали нам, хотя вида и не показывали. А Олежка Островков даже сказал, что ничего нет особенного в том, что на каникулы люди уезжают в дальние края, — на то и каникулы.

Наконец долгожданный день наступил. С огромнейшим чемоданом мы поехали на Белорусский вокзал. Правда, ехать пришлось совсем недолго: от метро «Краснопресненская» всего одна остановка. Кроме чемодана у нас была сетка с едой и мой фотоаппарат «ломо», которым меня премировали за поиски на Овражной улице. Я его упаковывать не стал, потому что решил снимать в дороге.

Нас провожали мамы. Обе очень волновались. Волновались и мы. От волнения меня даже немного знобило, как бывает в прохладное летнее утро, если выйдешь из дома в самую рань.

Поезд стоял у перрона. Пассажиры толпились у дверей вагонов. Мы стали в очередь, и контролер проверил наши билеты. По узкому коридорчику мы прошли в наше купе. Места у нас оказались друг над другом. Я тотчас же залез наверх и уселся, свесив ноги. Неожиданно в дверях показался высокий человек в форме военного моряка, в фуражке с золотыми листочками над козырьком, на погонах — две полоски и звезда.

— Капитан третьего ранга, — шепнул мне Женька.

Моряк оглядел нас с Женькой, наших мам, про-

вожающих нас, все купе и поставил на нижнее сиденье небольшой чемоданчик. Не знаю, как Женьке, а мне сделалось неловко за наш громаднейший чемоданище.

Следом за моряком вошли еще двое — строгого вида старушка в зеленой шерстяной кофте и очкастый юноша.

— Вот, мама, ваше место, — произнес юноша. — Верхнее, к сожалению. Нижнего не было.

Старушка посмотрела на нас сурово, недовольно покосилась на мои запыленные башмаки и села рядом с Женькой. У нее был такой вид, будто бы она вот-вот сделает какое-нибудь замечание.

В этот момент размеренный голос в ящичке громкоговорителя наверху произнес:

— Граждане пассажиры, до отправления поезда осталось пять минут. Просьба отъезжающим занять свои места, а провожающим выйти из вагона.

Наши мамы заторопились, стали прощаться. Моя мама стала обнимать и целовать меня. Я вырвался, потому что было совестно перед моряком.

Наконец наши мамы и очкастый юноша вышли из купе. Через минуту мы увидели их за окном на перроне. Моряк покрутил какую-то ручку на окошке. Верхняя часть рамы поднялась. С платформы в вагон ворвался шум. Это кричали провожающие, словно стараясь перекричать друг друга. А громче всех наши мамы:

— Не простудитесь!.. Не выходите!.. Напишите, как только доедете!..

Вдалеке раздался переливчатый свисток. Вагон осторожно дернулся, словно пробовал, хватит ли у него сил сдвинуться с места, и все — вокзал, перрон, ларьки, носильщики — медленно поплыло мимо окна.

Наши мамы и очкастый шли рядом с окном, ма-

хая руками. Они уже больше ничего не кричали. Потом стали отставать. Колеса под полом застучали все чаще, все громче. «Идущий вперед — достигнет цели!.. Иду-щий впе-ред — до-стиг-нет це-ли!» Почему-то эта любимая Женькина поговорка слышалась мне в перестуке колес.

Давно осталась позади Москва. Потянулись поля, перелески. Мы с Женькой сидели прилипнув к окну. Я никогда не думал, что все, на что в другое время даже не обратишь внимания, из окна вагона поезда кажется необычайно интересным и удивительным.

Вот внизу речка. Ребятишки купаются, барахтаются в воде. Вот уже речка осталась позади, а перед окнами лес. Приплясывают березы, елки... Белобокая сорока улепетывает в чащу: видно, испугалась поезда, трусиха. Летит, словно по невидимым кочкам, вверх, вниз...

А вот домик рядом с полотном. В нем, должно быть, живет обходчик. Огород возле домика. Пасется лошадь. Кот сидит на заборе... Снова лес. А за ним поле. Дорога вьется рядом с поездом. А по дороге трусит лошаденка, запряженная в телегу. Бежит, старается. Только разве ей догнать поезд?..

Наши мамы могли не беспокоиться. Мы не выходили ни на одной станции. Мы, не отрываясь, смотрели в окно. К вечеру, когда мы оторвались наконец от окошка, у меня кружилась голова, а в глазах рябило.

Моряка в купе не было. Мы не заметили, как он ушел. Старушка сидела на нижней полке подо мной и вязала. Я вдруг ощутил страшный голод, будто бы не ел всю жизнь. Еще бы! Поезд отошел от Белорусского вокзала в пять часов дня, а сейчас было уже, наверно, десять вечера. Часов у меня не бы-

ло,— часами премировали Женьку за наши поиски Ольги Русаковой.

Словно угадав мои мысли, Женька сказал:

— Серега, доставай сетку.

Я снял с крючка сетку с провизией и спустился вниз. В это время к нам заглянул проводник. Он держал на согнутой руке большой поднос со стаканами, в которых тихонько позвякивали ложечки.

— Чаю никто не желает? — спросил проводник.

Я очень желал чаю. Желал хлеба, котлет и вообще всего, чем можно наполнить желудок. Женька сказал, что мы хотим, и проводник поставил перед нами на откидной столик два стакана. Он еще положил четыре кусочка сахара в синей бумажной обертке. Я же торопливо принялся доставать из сумки пирожки, яблоки, булки, крутые яйца. Мы, все это разделив поровну, ели, запивая чаем и закусывая конфетами.

Возвратился моряк. Он сказал, что в соседнем купе едут его товарищи и он уговорился с одним симпатичным пассажиром поменяться местами.

Проводник, приносивший нам чай, стал разносить постели. И тут вдруг Женька предложил нашей соседке поменяться с ней полками.

— Вам удобнее будет внизу,— сказал он смущенно,— а мне легче наверх взбираться.

За окном было уже совсем темно. Во тьме я видел желтый квадрат, который прыгал рядом с вагоном. Это был свет из нашего окошка.

Мне не хотелось спать. Я взглянул на Женьку и понял, что и ему тоже не хочется. Однако суровая старушка, чем-то очень похожая на директора нашей школы, Татьяну Борисовну, сказала, что нам пора ложиться, и мы полезли наверх. Она погасила лампу на столике. Стало темно.

Некоторое время я лежал молча. Потом тихо спросил:

— Жень, тебе хочется спать?

— Нет,— отозвался из темноты Женька.

Старушка внизу недовольно заворочалась. Тогда я придумал замечательную вещь. Я тихонько поднялся, встал на колени, нащупал наш чемодан — он лежал в специальном багажном углублении чуть повыше наших полок, ощупью раскрыл его и, пошарив, нашел фонарик. Закрыв чемодан снова, я перебрался с фонариком на Женькину полку.

Мы устроились вдвоем под одним одеялом, накрывшись с головой, и я засветил фонарь. Его свет из-под одеяла никому не мог помешать. А у нас на полке сразу стало светло и уютно, как в небольшой пещере.

— А здорово, Женька, ехать,— произнес я.

— Здорово.

— Я бы всю жизнь так вот ехал, ехал... Далеко-далеко...

— Я тоже ездить люблю,— признался Женька.— Только, Серега, чтобы путешественником быть, надо обязательно знать, куда ехать. Вот Амундсен, например, всю жизнь стремился к полюсу. А Миклухо-Маклай изучал Новую Гвинею...

— И я бы тоже... полюс открыл,— прервал я его.— Только ведь, Жень, все уже открыто. Никаких загадок в мире не осталось. Мы вырастем — уж, наверно, и Марс, и Венеру, и другие планеты откроют.

— Вот и неправда,— сердито отозвался Женька.— Неразгаданных тайн еще много. Есть они и на земле. Ты думаешь, что на земле открывать нечего? Еще как много. Такие загадки есть, что ахнешь...

Так, тихо переговариваясь, мы незаметно уснули рядом, на верхней полке вагона, с зажженным фонариком, который я крепко сжимал в руке.

Веселый попутчик

Я проснулся, когда было уже светло. На голубых стенах качались озорные солнечные зайчики. Я растолкал Женьку. Он открыл глаза и уставился на меня с сонным изумлением. Должно быть, не понимал, почему это мы лежим рядом с ним под одним одеялом.

Свесив голову, я посмотрел вниз. Старушки не было, хотя ее зеленая кофточка висела на крючке у двери. А на той полке, которую вчера занимал моряк, сидел за столиком какой-то рыжеусый дядя и ел крутые яйца, запивая их молоком. Он посмотрел на меня и весело подмигнул:

— С добрым утром! Ну и горазд ты спать.

Из-за моего плеча выглянул Женька. Дядя так удивился, что даже перестал жевать.

— Эге, да вас там, должно быть, целый детский сад. Еще кто-нибудь есть?

— Нет, нас только двое, — откликнулся я.

— Ну тогда побыстрее слезайте! — добродушно скомандовал усатый. — Трубите в трубы, бейте в барабаны, марш умываться — и за стол.

Мы проворно соскочили с полки и побежали в туалетную. В коридоре повстречали нашу соседку — старушку. Но мне было некогда, а Женька вежливо с нею поздоровался.

Когда, умывшись, мы возвратились к себе, на столике уже стояли три стакана с чаем. Я достал нашу изрядно отощавшую сумку, но наш симпатичный сосед сказал, что у него провизии предостаточно и мы можем свои припасы оставить на дальнейшую дорогу.

Пока мы завтракали, наш новый сосед объяснил, что это он поменялся местами с моряком.

— У него там друзья оказались. — Он подмиг-

нул.— А может, капитан от вас сбежал? Шумели небось изрядно?

— Совсем даже не шумели,— обиделся Женька.— Мы вчера целый день в окно смотрели.

— Тоже хорошее занятие... Если делать нечего. А куда же вы едете?

— В Зареченск,— ответил я.

— Вот как! В Зареченск? Да ведь и я тоже зареченский.

— Там тетя моя живет,— объяснил Женька.— Веточкина Дарья Григорьевна.

— Дарья Григорьевна! — воскликнул сосед.— Ну как же!.. Прекрасная женщина! Выдающейся души человек! Так, стало быть, ты ее племянник? Я ведь Дарью-то Григорьевну с детских лет знаю. Коренные мы с ней зареченцы. Только в войну разминулись. Она на восток подалась, в эвакуацию. А я партизаном был. В наших же, в зареченских лесах.

— Партизаном? — вырвалось у меня.

С каждой минутой этот жизнерадостный усатый дядя нравился мне все больше и больше. А то, что он, оказывается, во время войны был партизаном, окончательно покорило меня.

У Женьки тоже разгорелись глаза.

— Вы воевали?.. В партизанском отряде?

— Все было, все было,— отозвался усатый.— Воевал, немцев бил...

Видно было, что ему не хочется рассказывать о своей партизанской жизни. Я подумал, что это из скромности.

В этот день нам некогда было смотреть в окно. Афанасий Гаврилович, так звали нашего нового знакомого, оказался на редкость веселым человеком. Он без конца нас смешил — шутил, рассказывал веселые истории, даже показывал фокусы: то комочек

бумаги исчезал у него из рук, то пустая бутылка от ситро послушно стояла на краю столика, каким-то чудом удерживаясь в наклонном положении.

Хлеб он резал большим, очень острым ножом, который вынимал из кожаного футляра. По-моему, этот нож с полированной рукояткой мог без труда рассечь толстую деревянную палку. В его ручку были вделаны две медные буквы — «G» и «R».

— У пленного фрица взял,— сказал Афанасий Гаврилович, протягивая нож, чтобы мы лучше его рассмотрели.

Женька потрогал острый кончик и спросил:

— А буквы? Что это означает — «G» и «R»?

— Наверно, так того фашиста звали. Ганс какой-нибудь,— ответил наш попутчик.

К Зареченску мы подъезжали в тот же день, часов в двенадцать. За окном зелеными волнами перекатывались холмы, поросшие лесом, вились узенькие речушки, через которые наш поезд перепрыгивал так легко, словно над ними не было никаких мостов.

Афанасий Гаврилович стоял рядом с нами и тоже глядел в окно.

— Ну, други, вот и кончается ваше путешествие,— весело произнес он.— Сейчас увидите наш тихий Зареченск. Благодать! Отдых лучше и не придумаешь. Спокойствие и благоухание. Недаром сюда, к нам, из больших городов люди приезжают, как на дачу. И у твоей тетушки, Евгений, у Дарьи Григорьевны, старичок из Минска третье лето верхний этаж снимает.

Поезд загрохотал по мосту. Зажатая с двух сторон обрывистыми лесистыми склонами, внизу за окном мелькнула река. Я вспомнил про наши рыболовные снасти и спросил:

— А речка у вас хорошая?

— Да вот она, речка,— кивнул Афанасий Гаврилович.— Неглубокая она, утонуть не утонете.

— Мы не боимся утонуть,— веско сказал Женька.

— А рыбу в ней ловить можно? — осведомился я.

— Рыбу? Отчего же, можно. Вот такусенькие рыбешки водятся.— Афанасий Гаврилович показал нам свой мизинец.— Акул, к сожалению, нет. Зато в лесах озера есть. Там караси агромадные. Мальчишкой я все те места облазил. Это мне после ой как пригодилось в моей партизанской жизни.

Едва он заговорил об этом, как я сразу же насторожился. И у Женьки загорелись глаза. Но Афанасий Гаврилович тотчас же умолк и стал смотреть в окно. Мне вдруг пришла в голову замечательная мысль — сфотографировать его на память. Тем более, что я в пути не сделал ни одного снимка.

Наш попутчик не возражал. Я несколько раз щелкнул затвором. Свет из окошка падал хорошо — снимок должен был получиться удачным.

Поезд замедлил ход. Афанасий Гаврилович поднял тяжелую доску скамьи и вытащил из углубления под ней большущий чемоданище, куда больше нашего. Под сиденьем оказалась еще корзинка, тоже довольно большая. Она была пуста, и ее плетеное дно было выпачкано чем-то красным. Я подумал, что это ягодный сок, и удивился, как это можно с такой большущей корзиной ходить в лес за ягодами.

Поезд шел теперь еще медленнее. Мелькнул полосатый шлагбаум. За ним вдоль шоссе вытянулся, будто на выставке, ряд автомобилей. Машины в изумлении глазели на поезд выпученными фарами. Вдалеке, почти у самой кромки синеватого леса, пестрели крохотные, величиною со спичечные коробки, домишки.

— Вот и Зареченск,— произнес Афанасий Гаврилович.

Мы стали прощаться со старушкой. Я приготовился тащить к выходу наш чемодан. Женька было схватился за ручку чемоданища Афанасия Гавриловича, но только закричал, не в силах его поднять.

Когда поезд остановился, я стащил наш чемодан с подножки на платформу и огляделся. Из вагонов выходили редкие пассажиры. За моей спиной вдруг раздались звуки поцелуев.

— Женечка, родненький!.. Большой-то какой стал! А товарищ твой где?

Значит, эта высокая полная женщина, которая тискает Женьку в объятиях, и есть тетя Даша!

— Иди сюда, Серега,— позвал меня Женька.— Вот он, мой товарищ.

Афанасий Гаврилович стоял в стороне и растроганно улыбался. А тетя Даша как будто его и не замечала. Когда Дарья Григорьевна вдоволь нас обоих нацеловала и наобнимала, он поднял наш чемодан.

— Не опоздать бы на автобус.

С двумя чемоданами он зашагал к выходу. Я схватил его корзинку, и мы поспешили за ним.

Иван Кузьмич

Оказалось, что от вокзала до города нужно ехать минут тридцать пять — сорок. Автобус, маленький и старомодный, стоял на площади перед вокзалом, возле скверика с чахлыми пыльными деревьями. Пассажиров в машину натолкалось уже много.

— А ну, потеснитесь, народы! — громко закричал Афанасий Гаврилович.— Эй, бабка, чего рассе-

лась с узлами? А ты, новобранец, не видишь, что ли, пополнение прибыло?

Гаркая на неповоротливых пассажиров, расталкивая их чемоданами, Афанасий Гаврилович освободил проход, и мы кое-как втиснулись. Захлопнулась дверка, и автобус медленно пополз от вокзала.

Дорога, извиваясь, бежала полями. Белесый овес сменялся желтой, уже поспевающей рожью. Домишки вдали на холмах появлялись то справа, то слева, то впереди. В том месте, где шоссе было обнесено по краям низенькими белеными столбиками и круто забирало вверх, я увидел в стороне памятник, окруженный железной посеребренной оградой. На постаменте была изображена фигура сидящего летчика в комбинезоне. Рядом с ним неподвижно замер мальчуган с моделью планера в руке. Наклонившись, летчик показывал ему, как пикирует самолет. Я угадал это по застывшему в бетоне движению руки с вытянутой и немного наклоненной вниз ладонью.

Все подножие памятника было засыпано полевыми цветами. На груди летчика алел и трепетал от ветра шелковый пионерский галстук.

— Кому это памятник? — спросил я.

— Летчик разбился во время войны, — отозвался Афанасий Гаврилович.

Галстук горел на груди бессмертного летчика живым алым огоньком. И мальчуган все смотрел вдаль задумчиво и немного сурово. Автобус натруженно ревел, взбираясь в гору. Шоссе полукругом огибало памятник. Он медленно поворачивался по кругу. И мне вдруг почудилось, будто летчик шевельнул каменной рукой, а мальчик чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к его словам...

Автобус наконец преодолел подъем. Памятник скрылся за поворотом. Домики теперь были совсем

близко. Потом колеса машины запрыгали по булыжной мостовой. Мы въехали в город.

По обеим сторонам узкой улочки теснились каменные и деревянные домики в один-два этажа. Возле тротуаров бродили куры и утки. Крыши домов были утыканы телевизионными антеннами. Автобус фыркнул, как лошадь, и остановился.

— С приездом! — весело воскликнул Афанасий Гаврилович.

Мы вылезли из автобуса. Афанасий Гаврилович стал с нами прощаться:

— Ну, молодые люди, милости прошу ко мне в гости. На чаек. С клубничным вареньем. Счастливого вам отдохнуть. Счастливого и вам, Дарья Григорьевна.

— До свидания, — почему-то не особенно приветливо ответила тетя Даша.

Дом, где отныне предстояло нам жить, прятался в зарослях отцветшей сирени. Он был одноэтажный, с небольшой надстройкой вроде чердака. Мы вошли в узкую калитку.

— Входите, входите, — приговаривала тетя Даша, поднимаясь на крыльцо. — Ваша комнатка уже ждет вас не дождется.

В домике было чисто и уютно. Жаль только, что не видно было телевизора.

Через большую комнату, которая называлась залой, тетя Даша провела нас в другую, маленькую, с двумя кроватями, стоящими друг против друга, несколькими стульями, столиком и шкафчиком.

Тетя Даша сразу же повела нас умываться. И когда спустя полчаса умытые, причесанные, в чистых рубашках, будто с картинки, мы вышли в залу, там все было уже приготовлено к завтраку. Увидев румяные пирожки, вазочки с различного сорта вареньем, я сразу же ощутил зверский голод. И тут вошла

тетя Даша, торжественно неся огромную сковороду с яичницей.

Мы еще не кончили есть, как за дверью, что вела на крыльцо, раздались шаркающие старческие шаги, какое-то постукивание, и в залу вошел невысокий седенький старичок с толстой палкой в руке. На нем был серый парусиновый костюм, а на голове соломенная шляпа. Я тотчас же угадал, что это и есть жилец из Минска, который снимал у тети Даши верхний этаж.

— Добрый день,— сказал старичок приятным негромким голосом и поглядел на нас зоркими глазками из-под лохматых седых бровей.— Надеюсь, все обошлось благополучно?

— Все хорошо, Иван Кузьмич. Доехали, как видите...

Иван Кузьмич оперся о свою палку, зажал бородку в кулаке и принялся изучать то меня, то Женьку.

— Позвольте, позвольте...— приговаривал он.— Сейчас я угадаю...— И вдруг резко выбросил вперед руку, указав на меня:— Этот? Это и есть ваш племянник.

Тетя Даша рассмеялась:

— Нет, Иван Кузьмич, мимо. Не этот круглолицый и голубоглазый, а как раз вон тот — худощавый и с карими глазами.

Старичок поднял руки, словно сдавался.

— Ну, извините, не угадал.

— Садитесь-ка, Иван Кузьмич, лучше с нами чай пить,— пригласила тетя Даша.

Со старичком она разговаривала непринужденно и добродушно.

После завтрака мы принялись разбирать наш чемодан. Женька сидел на корточках, вынимая из

него белье, а я носил его к шкафу и раскладывал по полкам...

— Женька,— сказал я,— что-то твоя тетка вроде Афанасия Гавриловича недолюбливает.

— Я и сам заметил.

— А с чего бы это, как ты думаешь?

— Кто ж его знает. Одному человеку, бывает, кто-то нравится, другому нет... На-ка, положи в шкафчик рубашки.

Дом за высоким забором

Дарья Григорьевна жила одиноко. Ее муж погиб совсем молодым где-то под Варшавой. Тогда еще, узнав о своем несчастье, тетя Даша тяжело заболела. Не ведаю, какая у нее была болезнь, но стала она получать пенсию по инвалидности.

Детей у тети Даши не было. Потому-то она и любила чужих. О нас с Женькой она заботилась просто как о родных сыновьях.

Иван Кузьмич с нами был тоже приветлив. Но мы видели его редко. Он целыми днями просиживал у себя наверху, куда мы с Женькой не поднимались. Но мы с самого утра убегали из дома на лоно природы и возвращались только к обеду, а потом снова мчались в перелесок, на холмы, к речке...

Женька на другой же день после нашего приезда записался в городскую библиотеку и взял там толстый том Брема в синем переплете — том второй, «Членистоногие». В книге оказалось множество картинок — бабочки, жуки, мухи, пауки, пчелы... Разглядывая их, я сразу же наткнулся на изображение страшного громадного мохнатого паука. Паук терзал птичку. Клюв у птички был раскрыт. Внизу под

картинкой я прочел подпись: «Паук-птицеед». Потом что-то не по-русски и еще: «наст. вел.». Это означало — настоящая величина.

Пауцище был величиною с мою ладонь. Я сказал Женьке, что, если он поймает такого паука, тот его самого слопает. Мой товарищ засмеялся и объяснил, что такие пауки водятся только в тропиках, в Южной Америке, на Больших Зондских островах да на Новой Гвинее.

— Давай, Женька, — предложил я, — мы будем так: ты станешь ловить бабочек, а я накалывать на булавки и делать подписи.

В магазине Женька купил желтый марлевый сачок на длинной палке и целыми днями гонялся с ним за бабочками. Первые два или три дня я очень терпеливо накалывал их на булавки и делал под ними подписи. Я решил, что если уж быть настоящим классификатором, то следует записывать не только русское, но и латинское название каждого насекомого. В книге Брема такие подписи попадались под всеми иллюстрациями. Вскоре я так наострился, что даже стал запоминать эти названия.

Однако на третий день у меня в глазах зарябило от латыни. Я решил брать с собою не громадный томище Брема, а «Записки о Шерлоке Холмсе». Эту книгу я отыскал на этажерке у тети Даши. Я начал читать ее и с первой страницы не мог оторваться. И пока Женька носился, размахивая сачком с такой яростью, словно вздумал разогнать всех бабочек в округе, я устраивался где-нибудь под тенью какого-либо дерева и раскрывал «Шерлока Холмса».

Так все и шло своим чередом. С утра мы завтракали и убегали за город. Перед обедом купались в речке. После обеда снова мчались на холмы. Пробовали мы и удить. Но только, видно, рыбы в этой речке не было вовсе. А к тем лесным озерам, про

которые говорил Афанасий Гаврилович, пока идти не решались. Да и некогда было: Женька очень уж увлекался членистоногими. Его заветной мечтою было поймать «*acherontia atropos*». А если не по-научному, то бабочку-бразника «мертвая голова». Я видел ее на картинке. Это была очень большая бабочка. На ее спинке белело пятнышко, напоминающее человеческий череп.

Однажды на улице мы совершенно неожиданно встретили Афанасия Гавриловича.

— А, соседи! — обрадованно воскликнул он, увидев нас. — Нехорошо, плохо! Их в гости приглашают, а они и носа не кажут.

— Неудобно было, Афанасий Гаврилович, — пробормотал Женька. — Мы думали — помешаем...

— Неудобно, братец, штаны через голову надевать, — произнес наш веселый попутчик. — Если звал, значит, надо зайти. Давайте-ка не откладывая прямо сегодня.

Он простился, взяв с нас твердое слово, что сегодня же, часов в шесть, мы к нему придем.

Ровно в шесть мы отправились к Афанасию Гавриловичу.

Дом, где он жил, был окружен высоким забором. Едва мы постучали, за калиткой раздался злобный хриплый лай. Судя по гавканью, собака за оградой была ничуть не меньше баскервильской.

Калитку отворил сам Афанасий Гаврилович.

— А-а! Входите, входите. Да не опасайтесь — она на цепи. Цыц, Пальма!

Огромная овчарка лаяла и гремела цепью все время, пока мы шли по усыпанной песком дорожке к дому с террасой в глубине густого сада.

— Сюда, сюда, — показывал нам дорогу Афанасий Гаврилович, пропуская нас перед собою на крыльцо.

Когда из сеней мы вошли в просторную комнату, мимо нас прошмыгнула к двери какая-то старуха.

— Гостей встречай, Марья Филипповна! — крикнул ей хозяин.

Старуха обернулась и от двери оглядела нас крохотными бесцветными и очень злобными глазками. Ничего не ответив, она скрылась за дверью.

— Родственница моя дальняя, — объяснил Афанасий Гаврилович. — Глуховата... и вообще не того немного... — Он постучал пальцем себе по лбу. — Вы тут посидите, — заторопился он вдруг куда-то, — а я сейчас... мигом...

Мы остались одни посреди комнаты, не зная, что нам предпринять. Пока мы озирались по сторонам, вернулся Афанасий Гаврилович. Он нес большое блюдо, наполненное клубникой. Ах, что это были за ягоды! Одна к одной... Таких огромных ягод я прежде никогда не видывал. Следом за хозяином дома вползла старуха. Она несла две миски, они были полны вишней и черной смородиной.

— Вот и угощение, — бодрым голосом произнес Афанасий Гаврилович. — Да что же вы стоите! Присаживайтесь вот сюда, к столу. Сейчас чайку попьем. Как у нас по-русски водится — сперва угощение, а после разговоры.

Пока он говорил, ловко расставляя на столе посуду, появились перед нами ваза с конфетами, с печеньем, пряники, хлеб, масло...

Старуха куда-то исчезла и больше не появлялась. Это меня успокаивало. А потом я и вовсе о ней забыл. Уж очень интересно было с Афанасием Гавриловичем.

— Ну а как моя карточка? — спросил он. — Ты меня в поезде снимал. Где она?

— Не проявил еще, — смутился я. — Бачка нет. И увеличителя. Но я проявлю. Обязательно.

— Афанасий Гаврилович,— осмелившись, попросил вдруг Женька,— расскажите, как вы партизаном были.

— Да что же тут рассказывать! Ну воевал, бил фашистов. Признаться, я уж про это столько рассказывал, что самому надоело. Лет пять или шесть отбоя не было: то в школу зовут, то в клуб на молодежный вечер... В конце концов отказываться стал.— Он вдруг задумался, насупив брови.— Да-а, вот если бы живы были мои боевые товарищи, они бы поведали обо всем... Герои, орлы... Все погибли в октябре сорок первого года. В Волчьем лого. Есть такой овраг у нас в лесу... Двадцать два человека. Смельчаки, один к одному... Двадцать третьего, Федорчука, в разведке кокнули. Ну а я двадцать четвертый... И еще был один... Он вот не знаю, жив или нет... Пашка Вересов...

Это имя Афанасий Гаврилович как-то выдохнул с ненавистью.

— Судя по всему, выдал он отряд фашистам. У него одного карта была. На ней тайные тропки в болотах были обозначены. Не иначе он ту карту гитлеровцам передал.— Голос его зазвучал зло и резко.— Командиром мы его выбрали. Доверяли ему. А он... Эх!.. Знать бы раньше!.. Своими бы руками задушил гада!..

Афанасий Гаврилович несколько раз сжал и снова разжал свои сильные пальцы.

— А вы? — хрипло спросил Женька.

— А я, как видишь, живой,— невесело усмехнулся хозяин.— Мы с Миколой Федорчуком той ночью в разведке были, здесь, в городе. У комендатуры на патруль напоролись. Миколу сразу, в упор, наповал. А мне уйти удалось. Я к лесу подался. А как к Волчьему логоу стал подходить, слышу — стреляют. Загнали каратели моих боевых товарищей

в овраг и там — из автоматов... Всех... Геройскую смерть они приняли...

Он опустил голову и с минуту сидел так молча. Мы тоже не произносили ни звука, не смея нарушить тишину.

— Не заметили меня фашисты, — снова заговорил Афанасий Гаврилович. — Смерть и на этот раз мимо меня проскользнула. Десять дней пробирался я к своим, на Псковщину, в большой отряд Степана Кожуха. Рассказал там, как товарищи мои погибли. Имя предателя тоже открыл. С ними, с кожуховцами, стал немца бить. Да ранен был в бою. Переправили меня в тыл, в госпиталь. Так и застрял в тылу. Инвалидность мне дали. Сколько ни просился, не пустили на фронт. Ну, после войны снова в свой родной Зареченск возвратился...

— А предатель? — не выдержал я. — Куда он девался?

— Кто ж его знает... Удрал, должно быть, с гитлеровцами. — Афанасий Гаврилович вдруг стукнул кулаком, как выстрелил из винтовки, по столу. — Да что же это мы в такой хороший день о страшном заговорили! — Он встряхнул головой, будто отгоняя невеселые думы. — Давай-ка лучше, Женя, о твоей тетушке, о Дарье Григорьевне поговорим. Признаюсь, изо всех здешних жителей ее больше других уважаю...

Когда мы собрались уходить, Афанасий Гаврилович умело свернул из старых газет два кулька и до краев насыпал в них спелой, сочной клубники.

— А это Дарье Григорьевне. От меня. В подарок. Я невольно вспомнил, с каким безразличием смотрела тетя Даша на этого человека в день нашего приезда...

Афанасий Гаврилович пошел проводить нас до калитки и велел непременно заходить.

Женька хмуро молчал, шагая по тротуару. Я тоже молчал, раздумывая над тем, что мне довелось услышать. Да может ли это быть, чтобы командир — и вдруг предал свой отряд врагу? Я ломал себе над этим голову всю дорогу.

— Батюшки! — всплеснула руками тетя Даша, увидав нас с громадными кулками в руках. — Откуда вы? С базара, что ли?

— В гостях были, — объяснил Женька. — У Афанасия Гавриловича. Это он вам в подарок прислал.

Женька высыпал из кулька клубнику прямо на стол.

— Во сколько! — с гордостью произнес я.

Но тетя Даша почему-то была не рада этому подарку.

— Ишь расщедрился. Вон блюдо в буфете, возьмите...

И она вышла из комнаты, не взяв ни одной ягоды.

Новые знакомые

К клубнике, которую мы принесли, тетя Даша так и не притронулась. Мы с Женькой съели ягоды сами. Нас интересовало одно — что стало с предателем, Павлом Вересовым? Я поделился своими беспокойными мыслями с Женькой: могло ли так быть, чтобы командир — и вдруг предал своих?

— Настоящий командир, Серега, не мог, — подумав, ответил Женька.

— Ну а как же тогда... — начал было я, но мой товарищ перебил меня:

— А если этот командир был фашистами подослан?

— Как фашистами?

— А так. Гитлеровцы, они, Серега, хитрые были. Подослали шпиона: «Иди, завоюй доверие. А потом ты всех партизан на наши пулеметы заведешь...»

Я слушал, разинув рот. Да, тут было над чем поразмыслить. Мы пробовали расспросить о партизанах тетю Дашу. Но что она могла рассказать? Ведь во время войны ее в Зареченске не было. Правда, вернувшись из эвакуации, она кое-что слышала о каком-то отряде, который погиб в Волчьем логое.

— Что же вы у самого-то героя обо всем лучше не узнали? — спросила она, и мне почудилось, будто бы «герой» прозвучало насмешливо. — Раз уж пришли, то надо бы расспросить подробней. Он тут одно время всюду кричал: я, мол, партизан, кровь проливал... В грудь себя кулаком бил. И участок ему нужен, и дом хороший... за боевые его заслуги...

Тетя Даша порывисто встала из-за стола, смахнула тряпкой крошки с клеенки и ушла на кухню.

— Интересно было бы пойти туда, в Волчий лог, — мечтательно вздохнул Женька.

Когда тетя Даша вернулась в комнату, он будто бы ненароком спросил:

— Тетя Даша, далеко этот Волчий лог?

— В лесу, километров пять-шесть...

— А самим найти можно?

— Заблудитесь еще. Да вы бы у ребят спросили. Они часто в лес ходят — за грибами, за ягодами... Или к озерам еще — рыбу ловить.

Зареченских ребят мы видели на речке еще в первый день, когда пришли купаться. Они плескались, орали и хохотали на песчаной косе. С десятков, а то и больше мальчишек и девчонок. Стоя за кустами на откосе, мы долго тогда смотрели на них. Из всех только один мальчишка не принимал участия в

общем веселье. Он сидел поодаль с удочкой в руке, свесив с обрывистого берега босые ноги. Рядом стояло небольшое ведерко.

— Женька, — сказал тогда я. — Смотри-ка, рыбак! Значит, рыба в речке есть.

В это время ребята нас заметили и стали о чем-то шептаться.

— Пойдем к ним? — спросил Женька.

— Не надо, — отсоветовал я. — У них своя компания...

Как ни странно, но Женька со мной согласился. Мы двинулись по берегу вправо, туда, где белела маленькая песчаная отмель. И пока мы шли, ребята молча провожали нас взглядом.

Так с того дня и повелось. Ребята купались на косе, а мы на песчаной отмели. Однако, услышав совет тети Даши, Женька объявил:

— Надо завтра же подойти к тем ребятам.

Утром после завтрака мы пошли на речку. Песчаная коса была пустынна. Не было на своем обычном месте и рыболова.

— Давай пока искупаемся, — предложил Женька и первый быстро начал раздеваться.

Купаться у косы оказалось куда приятнее, чем на отмели. Тут уже у самого берега было глубоко. А в нашем месте речку можно было запросто перейти вброд. Я оттолкнулся ногами от берега и поплыл. Женька за мной. Мы были почти у противоположных кустов, как вдруг я услышал ребячьи голоса.

Их было четверо: трое мальчишек и девчонка. Среди них я узнал и рыболова с удочкой и ведерком. Мне не очень-то хотелось плыть к ним. А Женька уже пустился к берегу быстрыми саженками. Пришлось и мне плыть за ним.

Внезапно я увидел, как высокий мальчишка нагнулся и поднял с песка Женькину коробку. Там

были две бабочки, которых мой товарищ поймал по дороге на речку.

— Эй, эй! Не трогай! — заорал Женька.

Он выскочил на берег и побежал к ребятам, которые стояли и выжидающе смотрели на него. Коробку долговязый мальчишка все еще держал в руке.

— Возьми, — сказал он Женьке и протянул ему коробку. — Я только посмотреть хотел...

Женька осторожно приоткрыл коробочку. В щель мгновенно просунулись усики бабочек. Вытащив бабочку, Женька объяснил:

— Это семела.

— Сатирус семеле, — подсказал я с важностью латинское название. — Тип членистоногих, подтип трахейнодышащих, класс насекомых, второй подкласс — крылатые насекомые, отряд чешуекрылых...

Все это я выпалил единым духом, искоса поглядывая на девчонку. Ребята вытаращили глаза.

— Ну-у? — с уважением протянул долговязый.

Я воодушевился и как только Женька вытащил крапивницу тотчас же оттараторил:

— Крапивница. По-научному ванесса уртикае...

— Ой! — тоненько вскрикнула девочка. — Уртикае!.. А у нас на огороде много таких летает.

— Мы вас видели, — сказал высокий мальчик. — Вы с нами купаться почему-то не захотели.

— Просто незачем было вам мешать, — поспешно отозвался я.

Высокого мальчугана звали Митей. Голубоглазого крепыша Федей, девочку Настей, а толстого рыболова Тарасом.

— Мы знаем, — произнес с лукавой улыбкой Федя, — вы у Дарьи Григорьевны живете.

— Это тетка моя, — объяснил Женька. — Мамина родная сестра.

— А к-колдун кто? — с любопытством спросил Федя. Он слегка заикался.

— Какой колдун?

— Старик.

— Иван Кузьмич? — догадался я. — Жилец просто. У тети Даши комнату снимает. А почему колдун?

— Бабка моя так говорит, — таинственно сообщил Федя. — Ходит везде со своей палкой. Говорят, какой-то клад ищет...

— Клад?

— Ага... В лесу, говорят, где-то старинный клад з-запрятан. Разбойники схоронили. То ли у Большого дуба, то ли в Волчьем логое...

— Где отряд погиб? — вырвалось у меня.

Митя кивнул и тут же удивленно спросил:

— А вы откуда знаете про отряд?

— Нам Афанасий Гаврилович рассказывал. Мы с ним вместе в поезде ехали, — сказал Женька, а я добавил:

— Мы у него в гостях были.

— Мой дедушка тоже про отряд знает, — произнес Митя. — Он раненого партизана прятал. Неделю за ним ухаживал. Немцы так его и не нашли.

— А вы в лес ходите? — любопытствовал Женька.

— Ходим.

— Нас можете до Волчьего логоа довести?

— Можем, конечно, — сказал Митя. — А вам для чего туда?

— Посмотреть. Мы никогда не видели, где война была.

— Это подготовиться надо, — подумав, произнес Митя. — Хлеба взять, картошки, спичек... Да и идти туда лучше на рассвете — путь-то ведь неблизкий.

— Надо еще лукошки взять,— вставила Настя.— Там грибов много.

— А в озерах караси...— поддакнул Тарас.

— Ну, тогда давайте завтра,— предложил Женька.— Зайдете за нами?

— Зайдем.

Сзади слышался скрип песка под чьими-то шагами и осторожное покашливание. Я обернулся. Мимо нас медленно шел, опираясь на палку, Иван Кузьмич. Мы все разом умолкли. А он прошел, взглянув на нас острыми, зоркими глазками из-под насупленных седых бровей. В его сгорбленной фигуре, в морщинистом лице с узенькой белой бородкой мне и правда вдруг почудилось что-то колдовское.

Волчий лог

Когда я проснулся на другой день, было уже светло и в окно заглядывало солнце. Женька открыл глаза одновременно со мной, точно мы сговорились. И в это же время из сада, из пышных зарослей сирени, слышался осторожный свист. Я зашлепал босыми пятками по дощатому полу и увидел Федю. Он делал мне знаки.

— Иди сюда! — крикнул я Феде.

— Вы готовы? — слышалось в ответ.

— Через пять минут будем готовы,— отозвался я.

— Пять минут — это с-совсем мало,— сказал Федя.— Ладно. Вам на все сборы д-дается д-двадцать минут.

Двадцать минут! Как это немного. Особенно если торопиться. А нам надо было еще позавтракать.

Хорошо, что тетя Даша поднимается чуть свет, а то бы мы непременно опоздали. Не успели мы еще напиться чаю, как под нашими окнами снова раздался свист. Мы опрометью выскочили из дома, сказав тете Даше, чтобы она не волновалась и что мы уходим с ребятами в Волчий лог.

Кроме уже знакомых нам Мити, Феди, Тараса и Насти с нами шел и новый товарищ — Митин одноклассник Игорь, очень серьезный мальчик, молчаливый и в очках. Рядом с Федей он выглядел ну просто как глухонемой.

— Это наш Александр Попов, — произнес с улыбкой Митя, знакомя нас.

— Ну уж... Попов... Ты, Митя, скажешь тоже. Федя болтал без умолку. Пока мы шли до леса, он, кажется, не мог помолчать и минуты.

А лес вырастал все ближе. Сначала он был тоненькой синей полоской вдаль, но, постепенно приближаясь, становился все зеленей и выше. Тропинка, петляющая по холмам, вдруг выпрямилась, точно стрела, вонзившаяся в лесную чащу.

На опушке мы сделали привал и, хотя никому не хотелось есть, полакомились холодной вареной картошкой. Мы запивали ее ледяной водой из ключа, который бил неподалеку из-под камня.

Настя вдруг куда-то исчезла, даже не присев с нами. И не успели мы наесться и напиться, как из-за кустов раздался ее звонкий голосок:

— Первый! Ура!.. Вот какой!..

Она выбежала на полянку, и мы увидели в руках у нее огромный гриб с красной, почти малиновой шляпкой.

Мы разбрелись по опушке в поисках грибов. Внезапно перед моими глазами мелькнула бурая шляпка. С пронзительным криком я кинулся в гущу кустов можжевельника и, забыв про нож, что лежал у

меня в корзине, вырвал с корнем из мха толстопузый белый гриб.

— Белый! Белый! — кричал я во все горло.

Ко мне сбежались ребята. С гордостью показывал я всем свою чудесную добычу.

Настя молча взяла у меня гриб и надломила шляпку. В белой мякоти извивались крошечные червячки с черными головками.

— Вот так гриб! — засмеялась Настя. — Выброси его, а то он остальные в корзине испортит.

Настя была права. Мой чудесный гриб был битком набит червяками.

Надо было идти дальше. Митя предупредил, чтобы мы далеко от него не уходили и почаще аукались, а то можно заблудиться. Он зашагал впереди, показывая дорогу. За ним гуськом двинулись ребята. У меня вдруг испортилось настроение. Вероятно, из-за того противного гриба.

А лес становился все гуще, все мрачней и темней. Реже попадались веселые солнечные полянки, блесневшие в лесной чаще, словно зеленые озерки. Тропинку едва можно было различить в высокой траве — наверно, по ней уже давно никто не ходил.

Я оглянулся. Тихий туман плыл среди кустов и мрачных древесных стволов. И тут я вспомнил, что в кармане у меня лежит компас. Вчера вечером, когда мы с Женькой собирались в дорогу, я на всякий случай сунул его в карман. А вдруг собьемся с пути. Тропинка уже совсем не видна в высоченной, по пояс, траве. И Митя все чаще останавливается и озирается по сторонам, вероятно, отыскивая какие-то приметы. Что, если мы заблудимся? Вот будет неприятно... Представляю, как завизжит Настя, — все они, девчонки, трусихи. А я тогда скажу: «Не горюйте и не огорчайтесь, я вас выведу на верную дорогу».

Потихоньку вытащив из кармана компас, я засек направление, по которому нас вел Митя. Определять направление по азимутам я умел очень хорошо. Синий кончик стрелки замер на букве «С». Митя впереди шел прямо на юго-восток. Азимут — 104. Я запомнил эту цифру и спрятал компас в карман, решив при каждом повороте засекать направление.

Митя шел, изредка останавливаясь и оглядываясь. Я легко замечал приметы, на которые он ориентировался: вот трухлявый пенёк, сухая береза, обшелый камень, огромный, как гора, муравейник, расщепленное сверху дерево — должно быть, в него попала молния...

На краю узенького овражка Митя остановился.

— Сейчас к Большому дубу выйдем. А оттуда до Волчьего лога рукой подать.

Тарас сказал, что надо бы немного отдохнуть. Однако Митя, взглянув на солнце, пробивавшееся сквозь ветки обступивших нас деревьев и могучие лапы елок, ответил, что привал устроим возле Большого дуба.

— А где партизаны скрывались? — спросил Женька.

— Дальше, за Волчьим логом. — Митя махнул рукой в ту сторону, где редел мелкий осинник. — Я там дороги не знаю.

— А откуда же у партизан карта была? — снова спросил Женька.

— Дедушка говорил — к ним в отряд девчушка одна пробралась, — отозвался Митя. — Лесникова дочка. Клава Муравьева. Ее отца за связь с партизанами немцы казнили. Хату сожгли. А дочка к партизанам ушла. Она все тропки в болотах знала, отряд туда отвела и карту составила. Если бы не она, партизанам никогда от фашистов не уйти. — Он помолчал и добавил тихо: — Гитлеровцы ее потом пой-

мали и повесили в городе, на площади... Всех жителей согнали на казнь...

— Зачем же она в город пошла? — спросил я. — В разведку?

Но этого Митя не знал.

Я не стал больше засекать азимуты. Это было ни к чему. Никуда не сворачивая, мы шли за нашим проводником все прямо и прямо, изредка выходя на гребень овражка, и внезапно вышли на просторную полянку, окруженную густым можжевельником.

Посреди поляны высился огромный древний дуб. Нижние ветви его простирались над землей, словно зеленый полог. Дуб этот был выше всех деревьев. Казалось, будто поляна только оттого и пуста, что ни одна елочка, ни одна березка или осинка не решаются приблизиться к этому сумрачному лесному великану.

— Ну вот, — с облегчением произнес Митя, снимая с плеч небольшой мешок, где у него были припасы. — Здесь можно и отдохнуть... Будем костер разводить?

Все радостно закричали. И вскоре веселое озорное пламя заплясало на сваленном горкой сушняке.

Митя, с тревогой посмотрев на небо, сказал, что нужно торопиться. По небу мчались угрюмые лохматые облака. Они пытались заволочь солнце. Поднялся ветер, и могучий дуб грозно зашумел, закачал ветвями, то ли сердясь, то ли закутываясь, как в шубу, в свою густую листву.

Митя затоптал костер и надел свой заметно похуевший мешок. Он был опустошен возле костра, потому что в его золе мы пекли картошку.

— Пошли.

Мы двинулись дальше. Пришлось кружить среди кустов и деревьев, кое-где идти низко нагнувшись, а иной раз перебираться через поваленные гнилые

стволы. Внезапно деревья расступились. Мы вышли на гребень глубокого оврага. Внизу, зажатая с двух сторон оползающими кручами, лежала узкая лощина. Тесной стеной стояли над обрывом косматые сумрачные ели. Их мохнатые лапы опускались до самой земли. Облака, закрывавшие солнце, превратились в угрюмые черные тучи, и, наверно, из-за этого лощина показалась мне бесконечно мрачной.

— Вот Волчий лог,— негромко произнес Митя.

Я вздрогнул. Так вот куда загнали фашистские каратели горсточку партизан. Вот где приняли герои последний бой... Холодок пробежал у меня по спине, словно промчался по кустам над оврагом холодный ветер — предвестник близкой грозы.

Лощина была открыта со всех сторон. Наверно, гитлеровцы засели наверху, на склоне в чаще... Затаились, изготовились. А потом... Потом хлестнули автоматные очереди по стволам деревьев, по веткам... Защелкали пули... Там, внизу, в лощине, метались люди... Им некуда было укрыться. У них оставалось два выхода — сдать врагу или принять неравный жестокий бой... И они выбрали. Они приняли бой и погибли...

Молча стояли мы на гребне оврага и смотрели вниз. Неподвижно замерли высокие ели, как часовые в защитных шинелях и островерхих шлемах, скорбно опустив свои ветки, словно траурные знамена. Было тихо кругом. Даже птицы не пели, то ли чувствуя приближение грозы, то ли не смея нарушить печальную тишину этого страшного места.

По листве, по веткам внезапно словно хлестнуло пулеметной очередью. Простучало и стихло. Это из края огромной тучи, стремительно несшейся над лесом, пролились первые крупные капли приближающегося ливня.

Тайна Ивана Кузьмича

Мы с Женькой не знали, что делает у себя наверху странный жилец, Иван Кузьмич, чем он там занимается. До поры до времени это нас не очень-то интересовало. Женька ловил своих бабочек, я классифицировал их и почитывал «Шерлока Холмса».

Начавшийся еще в лесу дождь перепутал все наши планы. Правда, гроза, настигшая нас, прошла быстро. Но, проснувшись на следующее утро, я не увидел в проеме окна привычного солнца. По стеклам стекали унылые серые струйки. Дождь барабанил по крыше.

Из-за дождя мы были вынуждены сиднем сидеть дома. Непромокаемых плащей у нас не было, а без них какое же гулянье?

— Ничего, Серега, — неунывающим голосом произнес Женька. — Надо же нашей коллекцией как следует заняться. Посмотрим, что мы за это время наловили.

После завтрака мы уселись за стол в зале и взялись за дело. Но ясно, что долго сидеть за столом мы не могли. Как-то незаметно для себя принимались прыгать, визжать и поднимали суматошную возню. И всегда, едва мы останавливались, чтобы перевести дух, становилось слышно, как наверху раздраженно расхаживает по своей каморке Иван Кузьмич.

Тетя Даша осуждающе качала головой. Мы конфузились и снова усаживались за стол, уныло поглядывая на окна, за которыми, не переставая, моросил дождь. Но проходило некоторое время, и мы опять затевали потасовку с хохотом, визгом и громкими криками. И опять наверху раздавались торопливые шаги, словно жилец там бегал по комнате из угла в угол.

Тогда тетя Даша придумала. Увидав, что мы от

безделья начинаем ерзать на стульях, она давала нам какое-нибудь задание — нащепать лучины для таганка, начистить картошки к обеду или вымыть посуду, оставшуюся от завтрака.

А вот для Ивана Кузьмича дождь был не помеха. Как обычно, в двенадцать часов, он спустился вниз со свей палкой, в прорезиненном плаще с большим капюшоном.

— Неужто гулять? В такую-то непогоду? — в испуге спросила тетя Даша.

— Обязательно, — ответил старик, покосившись сначала на нас с Женькой, а потом на окна, за которыми моросил дождь. — Самая приятная погода. Нет пыли. Для легких очень полезно.

Когда он ушел, тетя Даша сказала:

— Ну-ка, племянники, возьмите ведро воды и ступайте наверх, полейте цветы на окнах. Только ничего на столе у Ивана Кузьмича не трогайте.

Женька взял ведро, я ковшик, и мы полезли вверх по крутой узкой лесенке.

Почти всю комнату занимал письменный стол. Он был завален какими-то книгами и бумагами. Мы с Женькой переглянулись. Полагаю, что желание у нас с ним было одинаковое — подойти и посмотреть. Не обменявшись ни словом, мы бочком подобрались к столу.

Книги были старинные. Их кожаные переплеты кое-где истлели. Один толстенный фолиант был раскрыт. Рядом с ним лежали несколько листов бумаги, исписанных мелким ровным почерком, автоматическая ручка с золотым колпачком, остро отточенный карандаш.

— Древние, — сказал Женька и с уважением коснулся кожаного корешка. — По-церковнославянскому напечатано.

— Это, наверно, рукописные, — возразил я.

— Ладно,— тряхнув головой, сказал Женька,— давай лучше цветы поливать.

Когда Иван Кузьмич вернулся с прогулки, тетя Даша с моей помощью накрывала на стол, а Женька складывал свои папки с бабочками на подоконник.

— О, какие чудесные бабочки! — воскликнул Иван Кузьмич, увидав наши коллекции.— Ну-ка покажите, покажите.

Он принялся рассматривать наши коллекции. Особенно ему понравилась глазчатая зубчатка с красноватыми крыльями в бурых пятнах и розовыми подкрылками, на каждом из которых голубел круглый глазок.

— Смеринтхус океллатус,— с гордостью прочитал я латинское название глазчатки, решив блеснуть перед старым книжником своими познаниями.

Жилец внимательно посмотрел на меня.

— Ну уж если быть до конца справедливым,— произнес он, усмехнувшись,— то не смеринтхус, как ты произносишь, а смеринтюс. В латыни дифтонг «т» и «х» звучат как мягкое «т». И не океллатус, а оцеллатус. Перед гласными «е» и «и» это произносится, как «ц». Правда,— добавил Иван Кузьмич,— римляне во всех случаях произносили этот звук как «ка».— Он попросил прочитать меня латинскую подпись под крапивницей.

— Ванесса уртикае...— пробормотал я с запинкой.

— Уртикэ, а не уртикае! — воскликнул Иван Кузьмич,— созвучие «ае» читается слитно: «э».

Потом Иван Кузьмич взял книжку про Шерлока Холмса, которая лежала на подоконнике.

— Это кто же читает?

— Я.

— Нравится?

— Интересно. Про собаку особенно, про баскервильскую...

— Н-да, н-да... — произнес старик, листая книжку. — Давно и я читал про Шерлока Холмса. Еще мальчишкой... А вот чудесный рассказ! — воскликнул вдруг Иван Кузьмич. — «Пляшущие человечки». Помню, отлично помню!..

— Это как Шерлок Холмс буквы разгадывал, — подсказал я. — Один бандит посылал письма, а вместо букв — человечки. Шифр такой.

— Да, да, — задумчиво кивнул Иван Кузьмич. Он закрыл книжку и положил ее на подоконник.

Вошла тетя Даша, неся кастрюлю со щами.

— Книжки, разные дела — все в сторону, — командовала она. — Все за стол, будем обедать.

Дождь шел, не прекращаясь, весь следующий день и всю ночь. Проснувшись на другое утро, я опять увидел, как по стеклам стекают все те же противные струйки. И сразу же на сердце у меня сделалось тоскливо и грустно. Даже подниматься не хотелось.

Женька еще спал, и мне не хотелось его будить. Лежа с закрытыми глазами я слышал, как стучит на кухне сковородками тетя Даша, и позавидовал тому, что она всегда находит для себя какое-нибудь дело. Потом послышался скрип лестницы — это спускался сверху Иван Кузьмич.

— Молоко сегодня замечательно вкусное, — заметил он. — Кстати, Дарья Григорьевна, нет ли у вас туши?

— Где-то стоял пузырек. Да вон он, на окне стоит. В этот момент меня окликнул Женька:

— Эй, Серега, ты спишь?

Я повернул голову.

— А здорово тебя вчера Иван Кузьмич обрезал, —

засмеялся Женька.— «Океллатус»... Так и надо, не хвастай...

— С чего ты взял? Я и не хвастал вовсе.

Женька зашлепал босыми пятками и взобрался с ногами на мою постель. Он принялся щекотать меня, а я до смерти боюсь щекотки. Через какую-нибудь минуту все мои простыни, одеяло и подушка были на полу, и мы барахтались в них, хохоча и дрыгая ногами.

Завтракали мы все вместе. Даже Иван Кузьмич спустился со своей мансарды к столу. Пока мы ели испеченные тетей Дашей оладьи, запивая их сладким чаем, он почему-то все время поглядывал на нас как-то странно и таинственно, а когда с завтраком было покончено, произнес:

— Вот что, Женя и Сережа, я попрошу вас подняться ко мне. Вы оба мне очень нужны.

Голос его прозвучал так серьезно, что сердце у меня екнуло. Я почему-то вспомнил, что нашего жильца в городе зовут колдуном.

Медленно поднялись мы вслед за Иваном Кузьмичом по скрипучей лестнице и очутились в кабинете, где на письменном столе все так же лежала раскрытая старинная книга.

— Прошу вас сесть,— торжественно сказал ученый, указав на стулья у стены.

Мы послушно сели, глядя на него во все глаза.

— Ответьте мне: вы умеете ли хранить тайны? — спросил Иван Кузьмич, садясь в кресло.

— Умеем,— уверенно отозвался Женька.

Иван Кузьмич повернулся в своем кресле к столу, приподнял книгу и вытащил из-под ее переплета листок бумаги.

— Видите ли,— сказал он,— я изучаю старинные книги и рукописи. И в одной такой древней

книге между страницами я обнаружил вот это.— И он протянул нам загадочный листок.

Меня сразу же поразил вид этой бумаги. В нескольких местах она была протерта до дыр. Ее края казались обожженными. Вся она была испещрена какими-то непонятными значками, потускневшими, наверно, от времени.

— Ключ к шифру потерян,— доносился до меня как бы издалека голос Ивана Кузьмича.— Я уже давно бьюсь над тем, чтобы разгадать этот манускрипт. Но куда мне это не удалось. Из исторических документов известно, что здесь лет эдак триста назад стоял монастырь, где доживал свои дни, замаливая прогрешения, бывший атаман разбойничьей шайки. Звали его Пафнутием. До нас дошли разрозненные странички его жизнеописания — нечто вроде автобиографии кающегося злодея. Я изучал эти листки и пришел к выводу, что, хотя этот манускрипт и написан шифром, почерк и чернила в обоих вариантах одинаковы. Очевидно, монах — бывший разбойник, решил обозначить место, где лежат награбленные им сокровища, чтобы кладом воспользовались высшие церковные сановники. Возможно, он даже переслал им ключ к шифру. Но так или иначе эта вот бумага, по моему мнению, до них не дошла. Тайна, таким образом, осталась неразгаданной. И вам предстоит ее разгадать.

Иван Кузьмич встал.

— Передаю вам этот ценнейший документ. Думаю, что при достаточной усидчивости, при сосредоточенном внимании вы сможете разгадать тайну. Желаю вам успехов...

Кубарем скатились мы вниз по лестнице, влетели в нашу комнатку и, задыхаясь от волнения и быстрого бега, разложили зашифрованный листок на столике. Вот этот листок, я переписывал его в точности.

ний. Мы часто спорили шепотом, потому что опасались потревожить Ивана Кузьмича. Вдруг он придет и отберет у нас шифрованный листок. Мы в этот день не возились и не швырялись подушками. Тетя Даша едва ли не силой заставила нас сесть обедать. Но как ни старались мы, в этот первый день работа у нас не продвинулась ни на шаг.

После обеда мы снова взялись за дело. Так прошел день. Часам к одиннадцати вечера глаза у нас слипались, а в голове у меня шумело и гудело. Мы легли спать приунывшие, и от утомления я сразу же заснул.

Ночью приснились мне пляшущие человечки. Они были такие же, как в книге о Шерлоке Холмсе. Они лезли на стены, облепляли меня; я отдираю их от своих плеч, от шеи, от рук и ног, а они все лезли и лезли...

Я проснулся в ужасе и увидел, что уже светло. И тотчас же ясная, как летнее солнце, мысль осенила меня. Шерлок Холмс! Надо посмотреть в книге, как ему удалось расшифровать тайну пляшущих человечков!..

Босиком, не надевая тапочек, побежал я к окну, где на подоконнике лежала книга. Мне пришлось очень внимательно перечитать весь рассказ. Первое, что нашел Холмс, — это окончание слова: человечек с флажком в руке. Но как же нам в нашей бумаге отыскать окончания слов? Великому сыщику было легче — все человечки без флажков, а один — с флажком. Да еще и поставлен в конце записки. Ясное дело — это означает конец слова. Взглянул на бумагу, и сердце у меня застучало, точно град по крыше. Последним в листке стоял значок, похожий на латинскую букву «V» с хвостиком...

— Женька! — заорал я как сумасшедший. — Женька, проснись! Есть конец слова!..

Удивительная разгадка

Женька вскочил, будто его ударили мокрым полотенцем.

— Какой конец?..

— Кричи «ура»! — вопил я, прыгая босиком и размахивая книгой о Шерлоке Холмсе. — Я теперь знаю конец слова!.. Вот, гляди!..

Это была первая наша удачная догадка. И, начиная с нее, постепенно стал проясняться текст загадочного документа.

Их было семьдесят четыре... Семьдесят четыре значка, похожих на букву «V» с хвостиком. У шестидесяти семи из них хвостик был перечеркнут один раз. У семи два раза. Все знаки между этими «V» с хвостиком мы выписали в столбик. Получились неровные строчки, очень напоминавшие слова.

— Ну, Серега, — произнес Женька, беря карандаш, — вспомним грамматику. Предлоги из одной буквы.

— Для чего тебе предлоги?

— Попадаются слова из одного значка. Это или предлоги, или союзы. Вот гляди: первый значок, с него начинается текст. С союза он вряд ли начался бы. Я думаю, что это какой-нибудь предлог.

— Ясно, — обрадованно воскликнул я, — «с», «к» или «в»!

Мы отыскиали все слова, в которых встречался значок, стоящий в тексте первым, и попытались вместо него проставить буквы «с», «в» или «к». Но очень скоро поняли, что таким способом ничего путного не добьемся.

— Слушай, Серега, — сказал Женька, порядком утомившись. — Давай попробуем по-другому.

— Как по-другому?

— Какие буквы встречаются в русском языке в словах чаще всего?

— «Е», — не задумываясь, ответил я.

— Почему это «е»?

— Очень просто. У тебя в имени два «е», и у меня два. Евге-ний... Сер-гей...

— Значит, если бы тебя звали, к примеру, Акакий Акакиевич, то чаще всего встречались бы «к» и «и»? — насмешливо спросил Женька. — А если бы Дормидонт, то «о»?.. Ну-ка, давай-ка сюда книгу.

— Какую?

— Твоего Шерлока. Сосчитаем, каких букв на странице больше.

Он взял «Записки о Шерлоке Холмсе» и раскрыл их на первой попавшейся странице.

До обеда мы считали буквы. Больше всего оказалось «а» — целых сто тридцать пять букв. Затем шла буква «о» — сто четырнадцать. «Н» оказалось девяносто шесть. «П» и «с» — поровну, по девяносто три...

— Так, — промолвил Женька, покусывая кончик карандаша. — Теперь посчитаем, каких значков в нашей бумаге больше. А потом проставим вместо них а», «о» или «н».

Мы так и сделали. И вот что у нас получилось:

н — 29 РАЗ

п — 24 РАЗА

ц — 25 РАЗ

ш и щ — 20 РАЗ

Решив, что по количеству на букву «а» приходится число 29, на букву «о» — 25, а на букву «н» — 23, мы принялись подставлять вместо значков буквы. И снова неудача!

Я совсем пал духом. Но Женька не унывал.

— Знаешь, Серега, попробуем иначе. Может быть, у нас в бумаге «о» больше, чем «а»? Вот, например, слово, видишь, в серединке? Четыре буквы, все разные.— И Женька показал мне значки, изображенные в загадочной бумаге вот так:

— Если тут первая буква «о», а вовсе не «а», и последняя, наоборот, «а»... Что получится?

Я тотчас же стал размышлять вслух.

— «Ос-па», «ор-ла», «ок-на», «ом-ка»...

— Какая еще «омка»? — недовольно переспросил Женька.— Ты, Серега, не дури. Говори те слова, которые в русском языке есть, а не выдумывай всякие «омки»...

Розовый прозрачный луч заката несмело осветил верхушки берез на другой стороне улицы. Вместо надоевших за несколько дней туч в синем светящемся небе плыли редкие облачка.

— Жень,— произнес я, с грустью глядя в окно,— неужели и завтра придется сидеть дома? Смотри, какой закат. Дождь совсем прошел. Утром на речке соберутся ребята...

— Можешь идти на речку,— сердито отрезал Женька.— Можешь отправляться куда угодно. Я один стану расшифровывать.

— Нет, что же...— забормотал я.— Я как ты... Я просто так сказал...

До глубокой ночи мы сидели и выписывали слова, где попадались значки, которые принимали за «о» и «а». Все эти знаки выглядели на бумаге, как известная игра, когда нужно угадывать буквы и подставлять их вместо черточек.

— Хватит,— наконец выдохнул Женька.— Давай спать ляжем. Я уверен — завтра все получится.

Я с наслаждением потянулся и громко зевнул.
— Если, Жень, завтра и получится,— сказал я,— то мы все равно мозги поломаем.

— А у тебя, я вижу, мозги очень ломкие,— объявил Женька. Он все еще сидел за столом и черкал карандашом по бумаге, повторяя: «Закат, закат... Закат...»

Я не отозвался и принялся раздеваться. Вдруг Женька перестал чертить карандашом и позвал:

— Серега, иди сюда.

Я подошел, держа в руках штаны.

— Ну-ка посмотри,— сказал Женька.— Видишь — два одинаковых значка?

— Вижу. Только у меня глаза сами собой закрываются.

— Подожди, кажется, выходит... Если это слово и правда «закат», то, значит, здесь, в десятом слове, первая буква «з». И четвертая тоже «з»...

— ...«Зраза», может быть? — сонным голосом предположил я.— Котлеты такие есть, зразы называются.

— Сам ты котлета! — рассердился Женька.— «Звезда» это, вот что! Вернее, не «звезда», а «звезды» или «звезду». Последний значок попадает редко. А после первого стоит такой же знак, как в начале всего текста.

— Предлог «в», — прошептал я. Сон мгновенно слетел с меня.

Женька с необычайной поспешностью принялся писать буквы, проставляя между ними черточки.

— Вот слово перед звездой или «звездами». Если первая буква «в», а вторая «е»... Видишь, они написаны теми же значками, что и вторая с третьей в слове «звезды»... Тогда получится «ве————». А если мы правильно угадали «закат», то третья от конца буква «к», «ве——к——». Но это еще не все,

Сергея! — Вострецов до того возбудился, что даже покраснел. — После «к» в этом слове не может стоять «ы» — «звезды». Только «у». Стало быть, «звезду». А здесь — «ве—ку—»... Ну что это означает? — «Ве-ли-ку-ю зве-зду»... — догадался я.

— Правильно!

Это были первые верно разгаданные нами слова. Только два слова... Не знаю, может быть, мы расшифровали их случайно. Но все-таки не зря мы просидели ту ночь до самого рассвета, выписывая слова, ставя вместо недостающих букв черточки.

Не помню, когда и как мы легли и заснули. Нас разбудила тетя Даша.

— Вот так сони! — говорила она. — Завтракать давно пора. Вставайте, вставайте...

А в окна било яркое солнце. В окнах, сияя, плескалось синее небо. В него хотелось окунуться, как в озеро.

Когда мы с Женькой вышли в залу, за столом уже сидел Иван Кузьмич.

— Погодка-то! — воскликнул он, кивнув на окна. — Чудеса! Гулять надо, молодые люди. Засиделись вы дома.

— Нам гулять некогда, Иван Кузьмич, — отзывался Женька. — Мы скоро вашу бумагу разгадаем.

Старик недоумевал. Я могу дать какое угодно честное слово, что он удивился совершенно искренне.

— Да ну? Не может быть!

— А вот и может, — подтвердил я. — Мы угадали слова «великую звезду...»

И вот наконец мы снова сидим за столом в нашей комнатке. Снова Женька, торопясь, выписывает слова и, только на мгновение задумавшись, проставляет вместо черточек недостающие буквы.

Еще часа полтора корпели мы над бумагой, и на-

конец Женька переписал начисто то, что у нас получилось. А получилось вот что:

**«В ясную полночь иди к Большому дубу.
На великую звезду, что среди неба стоит
недвижно, считай два ста сажен, да еще
пять десятков сажен к восходу, и опять на
звезду одна ста, да на закат сто аршин.
Тут ищи тот сундук, полный ефимков
золотых, лалов пламенных, перлов бесцен-
ных морских. А составил старец Пафну-
тий, раб божий, в лето от рождества хрис-
това тысячи шесть сот пятьдесят седьмое».**

Мы так волновались, что даже забыли постучаться к Ивану Кузьмичу, и ворвались в его каморку, грохнув дверь и опрокинув на пути стул.

— Готово, Иван Кузьмич! — воскликнул Женька. — Вот оно, все в точности!..

— Ну-ка, ну-ка, — проговорил старый жилец. — Показывайте.

Он внимательно перечитал весь текст и развел руками.

— Ну, знаете, друзья!.. Я думал, признаться, что вы просидите над этой шифровкой целое лето! И вдруг — за три дня!

— Два с половиной, — с гордостью уточнил Женька.

— Верно, два с половиной. — Иван Кузьмич положил бумажку с расшифрованным текстом на стол, обернулся к нам и сказал: — Ну что же, спасибо вам, друзья!..

— Иван Кузьмич, — вдруг спросил Женька. — А что такое ефимки?

— Ефимки? М-м... Видишь ли... Так в старину называли золотые деньги,

— А лалы?

— Лалы — это рубины, — объяснял дальше старший ученый. — Слово пришло на Русь из Персии. Оттуда купцы везли к нам различные украшения, драгоценные камни — рубины, изумруды, сапфиры, алмазы, жемчуг... Ведь «перлы морские» — это и есть жемчуг, самый обыкновенный.

Ничего себе «обыкновенный»! Да ведь если в сундуке старца Пафнутия есть и золото, и рубины, и жемчуг, то на такое богатство можно выстроить, пожалуй, целый город!.. В горле у меня пересохло, и я спросил хрипло:

— А вы теперь тот сундук откапаете?

— М-м... — промычал Иван Кузьмич, зажав в кулаке бородку. — Да ведь, может быть, там и клада-то никакого нет...

— Как это «нет»? — взвился Женька. — А бумага? Манускрипт?

Старик посмотрел на него пристальным долгим взглядом.

— Возможно, его уже откапали...

Меня поражало спокойствие тети Дашиного жильца. Да если бы я был хозяином такой удивительной бумаги, то сейчас же, не раздумывая, отправился бы на поиски!.. А тут и ездить никуда не надо. До Большого дуба рукой подать!

Как трудно иногда молчать...

Мне так и не удалось добиться у Ивана Кузьмича ответа на вопрос, что он собирается делать с загадочным сундуком. Мы вышли из комнатки старого жильца озадаченные.

— Эх! — воскликнул я, когда мы спускались по лесенке. — Пойти в лес да и выкопать тот сундук!

— А может, и сундука никакого нет,— произнес Вострецов.— Может быть, и правда его кто-нибудь уже давно выкопал...

— А если никто не выкопал? Если он до сих пор в земле лежит? По-моему, Женька, надо всем рассказать и снарядить экспедицию!

— Надо...— Женька вдруг засмеялся.— Бери полотенце — и айда в экспедицию, на речку.

Еще не доходя до края откоса, мы услышали хохот и визг на косе. Наверно, все ребята, сколько их было в Зареченске, сегодня прибежали на речку. Размахивая полотенцами, словно флагами, мы бегом спустились с откоса к реке. Нас встретили шумно и весело.

— Вы посмотрите, что Игорь за эти дни сделал,— произнес Митя.

— Ну, что там...— смущенно возразил Игорь.— Еще не совсем готово... Треск какой-то...

— Ладно, пускай треск! Разговаривает же. И музыка играет!

Оказывается, Игорь эти дни не сидел без дела. Он закончил начатый еще весной карманный радиоприемник. Это была маленькая коробочка, которую Игорь — тоже сам — склеил из полосок плексигласа.

— Только трещит немного...— с сожалением сказал конструктор и нажал какой-то рычажок.

В самом деле, в коробочке раздался треск, сквозь который внезапно прорвался негромкий голос: «...хозники Кубани взяли на себя обязательства сдать государству на три миллиона пудов больше, чем в прошлом году...» Игорь покрутил зубчатое колесико и полились, словно выбиваемые стеклянными молоточками, звуки песни «Подмосковные вечера».

Приемник был замечательный. Однако даже он не мог отвлечь меня от мыслей о сундуке старца Пафнутия. Знал бы Игорь, знали бы ребята, чем занимались мы с Женькой эти два дня!

Я не ошибся, решив, что Женька согласится на мой план — проверить самим, на месте ли сундук. Он согласился. И мы начали готовиться к раскопкам. Не простое это оказалось дело. Подготовиться нужно было как следует. Мы решили, что пойдем в лес засветло и там, у Большого дуба, подождем до полуночи.

Первое, что занимало нас, это незнакомые меры — сажени и аршины. Все, что я знал о них, — это пословицы «косая сажень в плечах» и «будто аршин проглотил».

— Может, в словаре каком-нибудь есть... — вслух прикинул я.

Женька одобрительно хлопнул меня по плечу.

— Верно, Серега, молодец! Конечно, в энциклопедии должно быть написано обо всем этом.

Мы пошли в ту библиотеку, где Женька брал том Брема. Копаться в книгах долго нам не пришлось. Мы сразу же нашли и аршин и сажень. Оказалось, что в аршине семьсот одиннадцать и две десятых миллиметра, а попросту говоря — семьдесят один сантиметр. В сажени насчитывалось два метра и тринадцать сантиметров.

Второе, что тревожило Женьку, — это найдем ли мы одни дорогу к Большому дубу. Но тут я его успокоил. Ведь в лесу я засекал направления по азимутам. Я отлично помнил все цифры, но Вострецов все-таки беспокоился, не вылетят ли они у меня из головы со всеми нашими волнениями.

А волнений и хлопот было еще множество. Надо

было запастись лопатами, купить новые батарейки для карманного фонаря, но самое главное — нужно было где-то насобирать больше чем на сто метров бечевки.

Мы долго думали, как нам в точности, без ошибки сосчитать в лесу сажени и аршины. Просто шагами не считаешь — запросто можно ошибиться. И тогда я придумал: нужна бечевка длиною в пятьдесят саженей. За эту выдумку я снова удостоился Женкиной похвалы.

Я думаю, что в городе за три дня не осталось на улицах ни единой неподобранной веревочки. Мы искали бечевки на свалках, выпрашивали кусочки в магазинах у продавцов... И все-таки до пятидесяти саженей нам было далеко.

Шныряя по городу в поисках бечевки, мы как-то раз повстречали Афанасия Гавриловича.

— А-а, соседи! — весело поздоровался он. — Что же в гости больше не заглядываете?

— Некогда, Афанасий Гаврилович, — смущенно отозвался Женька.

— Ай-яй-яй, какие занятые люди! — покачал головой старый партизан.

Он принялся расспрашивать нас, как дела, много ли наловили бабочек, допытывался, как здоровье тети Даши, а я крутил головой, шаря глазами по сторонам, — нет ли где-нибудь бечевки. Вертеть головой и высматривать обрывки веревок стало за последние три дня у меня назойливой привычкой, вроде условного рефлекса.

Вдруг я заметил на противоположной стороне улицы худого сутулящегося человека, который внимательно смотрел на нас. Он, верно, только что вышел из автобуса, который пришел со станции. На нем был серый старенький пиджачок, на голове коричневая кепка, в руке небольшой новенький че-

модан. Он с таким напряжением смотрел на Афанасия Гавриловича, словно сиделся о чем-то вспомнить.

Простившись с нами, Афанасий Гаврилович сказал, что на днях уезжает ненадолго по делам, что к его возвращению в саду поспеют ранние сорта яблок и что мы должны непременно зайти к нему, когда он вернется. Он уверенно зашагал по улице к своему дому, и я видел, что незнакомец на другой стороне все еще стоит на тротуаре, сосредоточенно наморщив лоб.

И вот наступил день, когда в огромном мотке бечевки разной, правда, толщины, пестревшем самыми разнообразными узлами, насчитывалось ровно пятьдесят саженей — сто шесть метров и пятьдесят сантиметров. Двумя красными тряпочками, крепко завязанными в узелки, был отмечен на этом клубке семьдесят один метр — сто аршин.

О наших сборах и планах, разумеется, ничего не знали ни тетя Даша, ни Иван Кузьмич. А нам незачем было их в эти планы посвящать. Тете Даше мы решили оставить записку в нашей комнатке на столике, чтобы она не беспокоилась, когда увидит, что наступила ночь, а нас еще нет дома.

После обеда тетя Даша прилегла отдохнуть, а Иван Кузьмич удалился к себе наверх.

— Пора,— шепнул Женька, прислушиваясь и убедившись, что все в доме стихло.

Потихоньку выбрались мы из нашей комнатки и прошмыгнули в сарай. Там за дровами лежало наше снаряжение. Все было на месте — и лопаты и два рюкзака. Никто не должен был знать, куда и зачем мы отправляемся. Даже в записке, оставленной нами на столе, говорилось, что мы просто уходим в ночную экскурсию.

Мы надели рюкзаки тут же, в сарае, и с лопатами в руках выскочили на улицу. Пробираясь вдоль заборов в зарослях крапивы и бурьяна, то и дело останавливаясь, прислушиваясь и оглядываясь, мы вышли из города окраинными улочками и переулками.

Хорошо было идти полем. Горячий воздух волнистыми струйками поднимался высоко в небо, где пели невидимые жаворонки. Мне казалось, что это поет само небо, и облака, и солнце...

— Жень, как ты думаешь, почему Иван Кузмич молчит? Все-таки можно было бы поглядеть, на месте сундук или нет. А он вот уже три дня ни гугу, будто его это не касается.

— Ученые все такие,— с уважением произнес Женька.

За разговорами мы незаметно подошли к опушке, где недавно с ребятами делали первый привал. Но на этот раз отдыхать мы не стали. Я совершенно не чувствовал усталости. Цель была близка. Только вот до полуночи еще далеко.

В лесу волей-неволей пришлось замедлить шаг. Мы с Женькой смотрели в оба, чтобы не пропустить то место, где я начал засекаать азимуты. В чаще, справа и слева, было очень много поваленных деревьев — то ли их свалило ветром, то ли сами они упали, сгнившие у корня в сырой, болотистой почве, но только я никак не мог вспомнить, в каком месте Митя свернул с тропинки.

— Ну? — поминутно тормозил меня Женька. — Это дерево? А может быть, вон то?

Я вертел головой во все стороны, но совершенно не узнавал места, словно мы зашли совсем не туда. К тому же еще нас гудящей тучей облепили комары. Они кусались так нещадно, что у меня все азимуты повывлетали из головы. Тревога, что мы заблу-

димся, кольнула меня в самое сердце. И тотчас же я увидел дерево. То самое!

— Вот оно, Женька! — закричал я. — Теперь можно идти по азимутам.

Проклятые комары! Это из-за них я пропустил несколько цифр азимутов. Потому-то мы и проблуждали с полчаса вокруг Большого дуба.

— Ну же, Серега!.. — подбадривал меня Женька. — Вспомни. Давай посидим немного и ты пострайся припомнить.

Хороший мой Женька! Он не ругал меня, зная наверняка, что мне нелегко. Я напрягал память, стараясь изо всех сил вспомнить, в чем же была моя ошибка, какое направление я пропустил, какую цифру забыл, как вдруг кусты расступились и совершенно неожиданно перед нами вырос дуб.

— Так вот же он! — с изумлением воскликнул Женька.

Мы, удовлетворенные, расположились под дубом и стали ждать темноты. Комары прямо озверели. Мы убивали их десятками, а на место убитых прилетали тысячи.

Становилось все темнее. С тревогой посматривал я на небо. Вдруг напоззут такие тучи, что мы не увидим Полярной звезды?.. Я так долго глядел на небо, что у меня заболели глаза, и первым увидел над верхушкой дуба ярко замерцавшую среди облаков звездочку.

— Гляди, Жень, звезда!

Мы спрятали наши рюкзаки в можжевельнике, предварительно достав из моего бечевку, и привязали конец к дубу.

— Пошли, — произнес Женька.

Он зашагал вперед, разматывая клубок бечевки. Я шел следом за ним, неся лопаты. Вострецову, конечно, приходилось труднее, чем мне. Клубок не-

удобно было держать, и обе руки у него оказались заняты.

— Вот черт! — выругался мой товарищ, налетев на колючую стену можжевельника. — Серега, зажигай фонарик.

— Обойти бы надо, — произнес я, шаря лучом фонаря по колючим зарослям.

— Направление потеряем, — возразил Женька. — Придется напрямик. — И он, отдуваясь, словно окунался в ледяную воду, полез в заросли колючих веток.

Я полез следом за Женькой и сразу же за кустами попал в крапиву.

— Жень, крапива...

— «Крапива»! — передразнил он. — Ты думаешь, я железный? Между прочим, Джордано Бруно и вовсе на костре сгорел, но не сдался. И наверно, не орал так, как ты. И Жанна д'Арк... — рассуждал в темноте Женька. — Святая инквизиция, она, знаешь... Ой, жжется, гадина!..

Не меньше часа пробивались мы сквозь чащу, спотыкаясь о кочки, проваливаясь в какие-то ямы, натыкаясь на деревья. Я разорвал рубашку, и на руках моих наверняка можно было насчитать десятка два ссадин и синяков. Женька больше не вспоминал о жертвах инквизиции. Он шел молча. Я продирался за ним, светя фонариком и придерживаясь одним пальцем за бечевку, которую мой друг то и дело натягивал, останавливаясь и поглядывая на небо.

Наконец весь клубок был размотан. Теперь нужно было идти назад, к дубу, отвязать там конец бечевки и вернуться, чтобы снова, привязав ее к какому-нибудь дереву, отсчитывать следующие пятьдесят саженей.

— Я пойду, — сказал Женька. — Давай фонарик.

А ты тут покрепче привяжи бечевку, чтобы не оторвалась. Я по ней назад вернусь.

Он исчез в кустах. Некоторое время я видел желтый свет, прыгающий среди качающихся теней. Потом этот свет растворился в непроглядной лесной чащобе. Я остался один.

До чего же жутко было стоять в темноте! Я боялся пошевелиться. Комары сразу же облепили меня всего, и я пожалел, что не вызвался пойти к Большому дубу вместо Женьки. Вдруг что-то захлопало рядом, затрещали ветки. Без памяти кинулся я в сторону, ударился лбом о дерево, расцарапал щеку о сучок и ничком упал в траву. Меня трясло. Сердце грохотало, как барабан.

Долго лежал я так, боясь пошевелиться. Мне чудилось, будто кто-то черный и громадный надвигается на меня, вот-вот схватит за шиворот. От страха я даже перестал ощущать укусы комаров. И какую же радость, какое же облегчение испытал, когда услышал наконец Женькин голос:

— Эгей, Серега, ты где?

Свет фонаря шарил вокруг меня. Я бросился на него как на спасительный огонь, стуча зубами, натыкаясь на ветки. Женька посветил мне фонариком в лицо.

— Ты что? С дерева свалился?

— Тут... Тут хлопает что-то... кто-то... хлопает... — трясясь, как в лихорадке, отозвался я.

Женька засмеялся:

— Ну и трус же ты, Серега! Это, наверно, птица какая-нибудь. Ты сам ее напугал. Ладно, — добавил он. — Больше стоять не придется. Я одну штуку придумал, пока к дубу ходил. Будем веревку за колышек привязывать. Дернем — он и выскочит.

Мы смотали бечевку в клубок, конец ее привязали к колышку, который Женька при свете фона-

рика вбил в землю лотком лопаты, и двинулись дальше.

Клубок становился все меньше и наконец разматался совсем. Женька дернул веревку посильнее. Она ослабла — колышек выскочил. Мы снова смотали ее в клубок и опять двинулись вперед. Так и шли мы — Вострецов впереди, я за ним — все дальше и дальше в чащу леса, приближаясь к нашей тайне.

На востоке небо уже посветлело. И с каждым шагом я все больше и больше волновался. Мы прошли еще двести метров на север. Руки мои были исцарапаны в кровь и исколоты хвоей, но я не чувствовал боли так же, как не замечал больше комариных укусов. Все мысли мои были заняты сундуком старца Пафнутия. Женька, должно быть, тоже волновался.

— Ну, Серега,— произнес он хрипло,— мы почти у цели.

И в это время над нами погасла «великая звезда», будто задули свечу. Конечно, она не сама погасла, а просто скрылась за сплошной пеленой тумана, выползшего из кустов и овражков. И это когда нам оставалось отмерить только семьдесят один метр — сто аршин к западу.

— Жень,— сказал я, дрожа от волнения,— можно теперь я впереди пойду?

— Ладно, иди.

На этот раз я не стал вбивать колышки, а просто привязал конец бечевки к тонкому деревцу. Потом наметил направление по компасу на запад и крепко прижал к себе отяжелевший, намокший от росы клубок.

Серый туман клубился среди деревьев. Мне казалось, что сделай я еще шаг — и наткнусь на него, как на стену. Из этой стены то и дело высывалась

острая ветка или еловая лапа. Потом все исчезло. Вероятно, мы вышли на поляну. И вдруг нога моя на мгновение повисла в пустоте. Землю словно кто-то выдернул из-под меня, и с отчаянным криком, кувыряясь, выпустив из рук совсем теперь легкий клубок и компас, я полетел куда-то...

Оглушенный, еще не соображая, что произошло, я лежал среди каких-то бугров. Сильно болела коленка. Саднило локоть.

— Эй, Серега! — донесся до меня откуда-то сверху Женькин голос.

— Здесь я, Женья!.. В какую-то яму угодил.

— Это не яма, — объяснил сверху мой товарищ. — Это обрыв. Ты в какой-то овраг свалился. Ну, ничего, я сейчас к тебе спущусь. Ты только не молчи, чтобы я по голосу нашел. Говори что-нибудь.

— Что говорить? — спросил я жалобно.

— Да что хочешь. Стихи читай... Или пой.

— Сдурел ты, Женька! Сам бы так заковырялся! Послушал бы я тогда твои песни.

Сверху посыпались комки земли, и из тумана, как привидение, возник Женька.

— Вот и я! — ободряюще воскликнул он. — Ноги-то целы?

— Целы. Коленку только зашиб.

— А клубок где?

— Выронил... И компас тоже.

— Надо найти веревку.

Вострецов присел на корточки и стал шарить вокруг руками. Потом он уполз в туман и вскоре появился опять.

— Вот она, веревка. Ты, Серега, не заметил, в какую сторону кувыркался? На запад или нет?

— Только мне и дел было — замечать...

Он уселся рядом со мной на кочку и посмотрел

на небо. Потом отвернул мокрый рукав своей куртки и взглянул на часы.

— Ничего, недолго осталось ждать. Скоро солнце.

Тихо плыл передо мной туман, словно я сидел на облаке, и оно покачивалось и тоже несло меня куда-то все выше и выше...

Внезапно туман передо мной, клубясь, взвился вверх, как пар над кипящим чайником. Совершенно ясно я увидел мохнатые лапы елок, белые стволы берез, оранжевые сосны. Над березами, над соснами и елками высилась вершина дуба. Почему мы вдруг опять очутились возле него. Я тотчас же узнал Большой дуб. Где враг, по склону которого я катился кувырком вниз?

Я обернулся к Женке и чуть не закричал от ужаса. Вместо Вострецова передо мной стоял косматый старик с длинными, до самой земли, руками. На старике были рваные лохмотья, которые колыхались, как туман. «Иди сюда...» — позвал меня старик, и голос его прозвучал как в пустой бочке. Ноги мои словно примерзли к земле. Я не мог двинуться с места. Тогда старик засмеялся и нагнулся, шаря перед собой длинными руками. И я увидел, что возле него зияет глубокая яма, до краев наполненная красной, будто кровь, спелой клубникой. Он стал доставать ягоды из ямы и швырять ими в меня, целясь в голову, в плечи. Я увертывался, а старик все швырял и швырял, спрашивая: «Хватит тебе? Хватит?.. Хватит?..»

В ужасе я закричал изо всех сил, и от этого крика страшный старик исчез. Вместо него я увидел Женку. Он смеялся и тряс меня за плечо.

— Хватит спать, хватит! — кричал он мне в самое ухо. — Солнце уже взошло. Хватит спать, Серега!

Я очумело смотрел на него и вокруг. Туман и впрямь исчез. Я все еще сидел на дне глубокого оврага. Далеко ввысь, под самое небо, уходили крутые склоны, поросшие кустарником. А сверху заглядывали в овраг мохнатые елки. Что-то знакомое почудилось мне в этих сумрачных елях, в этих крутых склонах.

— Женька! — вскрикнул я. — Это же Волчий лог!..

— Точно, — отозвался мой товарищ. — Волчий лог и есть.

Несколько минут я еще не мог очухаться. Но лопата, которую Женька сунул мне в руки, была настоящая. Значит, страшного старика и яму с клубникой я видел во сне? Но как же я заснул? Спать-то мне совсем не хотелось.

Женька взял вторую лопату и поплевал на ладони.

— Ну, Серега, даешь сундук!

Находка

Женька орудовал своей лопатой очень ловко, далеко отшвыривая комки земли. С каждым взмахом лопаты яма становилась все глубже и шире. У меня получалось хуже. Я старался поддеть на лоток побольше, но пока размахивался, чтобы отшвырнуть землю, она вся ссыпалась назад в яму, а то и мне за шиворот. Попадало и Женьке. Один раз, не рассчитав замаха, я осыпал его землей с головы до ног. Минут пять, должно быть, он отфыркивался, отплевывался и ерошил волосы, вытряхивая из них песок.

— Знаешь что, копатель, — сердито произнес он, — посиди-ка, я один поработаю.

Он стал копать один, а я ждал, заглядывая в яму, не покажется ли крышка сундука. Когда Женька утомился, за лопату взялся я. Яма была уже глубока — почти мне до колен. А я углубил ее еще на полтора лотка лопаты. Но сундук что-то не показывался.

— На месте того разбойника,— сказал Женька,— я бы ни за что такое место не выбрал. Уж если закапывать, то вон там, на откосе...— он показал на склон оврага, где торчал одинокий кустик.

— А может, он так и подумал,— отозвался я.— Решил, что в таком месте искать не станут. Хитрый был небось бандит...

Солнце поднималось все выше. Стало жарко. Я скинул куртку. Но минут через пятнадцать стянул и рубаху.

— Ничего не понимаю,— бормотал Вострецов.— Где же сундук?

— Наверно, глубоко зарыл,— предположил я.

Я уже порядком намахался лопатой. Женька снова сменил меня. Он решил теперь копать не вглубь, авширь. Когда Женькины часы показывали двенадцать, мы оба уже были без сил. У меня ломило руки и шею. Яма наша была уже так глубока и широка, что в нее, пожалуй, можно было бы уместить фундамент небольшого дома. Ужасно хотелось пить...

— Жень,— сказал я, не узнавая своего совершенно охрипшего голоса,— давай поищем в лесу озерко какое-нибудь или ручей. Помнишь, Митя говорил, тут где-то болото.

Не ответив мне, Женька с еще большим ожесточением стал швырять землю. Я знал, что он тоже изнывает от усталости и жажды. Наверно, у него так же, как и у меня, ломило спину. Может быть,

даже сильнее — ведь он работал больше меня. Но он не жаловался.

Прошел еще час, который мне показался целыми сутками. Сменив Женьку, я едва цеплял землю самым кончиком лотка. Силы кончились. А пить хотелось все сильнее.

— Слушай, Серега,— с сомнением произнес Женька и полез в карман, где лежала наша расшифрованная записка.— Может быть, мы что-нибудь неправильно сосчитали? Или веревка вытянулась от росы. Давай проверим еще раз. Значит, так...— бормотал он, вглядываясь в свои каракули.— «На великую звезду... два ста сажен...» Это значит четыреста, и еще тринадцать на двести... Двадцать шесть метров...

Стоя за ним и дыша ему в затылок я вместе с моим другом разглядывал листок бумаги. И вдруг глаза мои полезли на лоб.

— Женька! — упавшим голосом произнес я.— А старик-то нас обманул.

— Какой старик?

— Да Иван Кузьмич...

Женька снова взглянул на бумажку — копию шифровки — и даже фыркнул:

— Да нет же, все в порядке...

— А вот и не в порядке. В том-то и дело, что совсем не «в порядке». Ты что же думаешь, триста лет назад писали так же, как сейчас пишут? Тогда в письме были разные «яти», «и» с точкой, «фиты», «ижицы»... А год? «В лето от рождества Христова одна тысяча шестьсот пятьдесят седьмое»... Такого и года-то не могло быть.

— Как это не могло?

— Историк тоже! Когда наш современный календарь в России появился?

— П-при П-петре... При Петре Первом.

— То-то и оно! В тысяча семисотом году. А до тех пор считали от сотворения мира. Как же этот монах мог знать о петровском календаре за целых полвека до его появления.

На лбу у Женьки сидел комар, который уже здорово насосался крови, но мой товарищ этого не замечал.

— Конечно,— вдруг произнес он,— Ивану Кузьмичу для работы тишина была необходима. А мы с тобой, Серега, последние дни, пока шел дождь, так развозились, что уж какая там тишина. Вот он и решил засадить нас за тихое дело, чтобы не бузили...

— Значит... он... нарочно...

— А ты думал нечаянно? — Женька усмехнулся.— И бумагу он достал в продовольственном магазине — там в такую масло заворачивают. А мы-то думали — древний пергамент...

— Ой, Женька, верно! Он еще у тети Даши тушь спрашивал! Вот она тушь. Он ее просто водой разбавил. А мы-то вообразили, что это старинные чернила от времени выцвели!

— Сами мы выцвели,— сердито произнес Женька.— Мозги у нас выцвели. Поверили в клады, как маленькие... А он себе сидит небось да посмеивается. Надул дураков-несмышленишей... Эх, прийти бы домой да сказать: «А мы нашли! Нашли сундук старца Пафнутия!» Вот бы он глаза-то вытаращил!..

Женька изо всей силы с досадой вонзил лопату в землю, и тотчас же мы услышали странный короткий звук — лопата обо что-то звякнула.

Сейчас, вспоминая обо всем этом, я не могу понять, почему в тот миг мы оба подумали об одном и том же. После Женька признался мне, что у него,

как и у меня, промелькнула одна мысль: «Сундук!..» А ведь — и он и я — оба были уже уверены, что никакого клада не было и быть не могло, так же, как на свете никогда не существовало разбойника — монаха Пафнутия. Но может быть, если бы не эта одновременно вспыхнувшая у нас мысль, мы бы не кинулись разом и не стали бы разрывать руками землю, забыв об усталости.

Но все произошло именно так. Ямка становилась все глубже, и вот я ощутил под рукою что-то твердое, холодное и круглое. Еще мгновение, и, ухватившись оба, мы вытащили какой-то странный предмет, похожий на облепленную землей большую бутылку.

— Все... — произнес я в растерянности.

Женька со всех сторон внимательно осмотрел нашу непонятную находку, стер налипшую землю. Теперь я увидел, что этот предмет походит не на бутылку, а на кусок железной трубы, такой толстой, что я, пожалуй, мог бы засунуть в нее кулак. Впрочем, сунуть в эту трубу кулак было невозможно, потому что с одной стороны труба оказалась сплюсненной, а с другой закрыта плоским доньшком с чуть выступавшим краем.

— Жень, что это? — спросил я.

— Гильза от снаряда, — отозвался Женька, и в голосе его прозвучало разочарование. — С войны осталась.

Он размахнулся было, чтобы запустить подальше эту гильзу, пролежавшую в земле так много лет, но вдруг рука его замерла в воздухе. Он поднес нашу находку к уху и несколько раз встряхнул, прислушиваясь.

— А в ней что-то шуршит, Серега.

Ловко вставляя в щель то лезвие ножа, то рукоятку, Женька все больше расширял отверстие меж-

ду сплюснутыми стенками гильзы. Потом он дал мне подержать ножик и снова встряхнул гильзу.

— Серега, там какие-то бумаги... Ну-ка дай лопату.

Острым углом крепкого лотка лопаты Женьке удалось еще чуть-чуть расширить отверстие. Осторожно встряхивая гильзу, он извлек из нее полустлевший листок бумаги, покрытый торопливыми кривыми буквами.

— Письмо какое-то. Только буквы стерлись.— Женька низко наклонился, вглядываясь в листок и шевеля губами: — «...рищи... на...лго... жить... погиб... не сдадим... нас... жили... кара...» Серега! — вдруг воскликнул он. — Это партизанская записка!.. Это партизаны!.. Те самые!.. Ты понимаешь, Серега?

Но я еще ничего не понимал. Должно быть, от жары и усталости у меня плохо стала соображать голова. А Женька, волнуясь, уже читал по складам:

— «Товарищи! Нам недолго осталось жить... Мы решили, что все погибнем, но не сдадимся...» Теперь понял? — спросил он, быстро взглянув на меня, и продолжал читать: — «...Нас окружили. Карателей много. Нас осталось пятеро...» — Вострецов остановился, чтобы перевести дух.

И тут я все понял. Ошеломленный, я посмотрел на Женьку. Он силился разобрать какое-то стершееся слово, наморщив лоб. Потом, видно решив, что слова все равно разгадать не удастся, снова встряхнул гильзу. Из нее выпала кадая-то книжечка. Согнутая в трубку по форме гильзы, она оказалась тоненькой и так затвердела от времени, что Вострецов с трудом разогнул ее. Один краешек у книжки был разорван, словно его отхватили щипцами. Бурая от сырости, эта книжка когда-то, наверно, была красного цвета. Какие-то едва заметные черточки и полоски я различил на ней и догадался, что это бук-

вы. Некоторые из них, если как следует взглядеться, еще можно было разобрать: «...союзная», «...ическая...», «парт...».

— Партийный билет...— прошептал я, сообразив, что означают эти буквы.— «Всесоюзная Коммунистическая партия...»

Открыть книжку оказалось невозможно. Странички ее слиплись так, словно их смазали клеем.

— Здорово ее сыростью схватило,— произнес я.

— Сыростью? — Голос у Женьки прозвучал странно, незнакомо. Я взглянул на него и вздрогнул.— Нет, Сережка, это не от сырости,— сказал он.— Билет пробит пулей. Это кровь...

Сквозь пятна крови

Пораженные, молча стояли мы и в оцепенении смотрели друг на друга. Но вот я словно очнулся ото сна. И тогда сквозь тишину услышал далеко-далеко чей-то протяжный крик: «Сережа! Сережа-а!..» Я прислушался. Но голос больше не повторился.

— Ты слышал? — спросил я у Женьки.

— Вроде кричал кто-то.

Вдалеке опять раздался чей-то протяжный крик. На этот раз как будто ближе:

— Эге-ге-гей! Женя!.. Сережа-а-а!..

— Эгей!..— откликнулись мы разом.— Эге-ге-гей!..

Я уже узнал голос Мити. А вскоре и сам Митя появился на гребне оврага. Вслед за ним высыпали к Волчьему логу Федя, Тарас, очкастый Игорь.

— Вот они!..— закричал, увидев нас, Федя.

Он первый юрким шариком скатился по склону. За ним сбежали вниз Митя, Игорь, толстый непово-

ротливый Тарас стал спускаться, хватаясь за кустики.

— Глядите! — кричал Федя, покатываясь со смеху. — Вот так ямищу вырыли! Н-ну что, н-нашли сундук?

Я оторопел. Откуда ему известно о сундуке?

— Тетя Даша чуть с ума не сошла, — укоризненно проговорил Митя. — Ушли, никого не предупредили. Ну, Иван Кузьмич, тот сразу догадался. «В Волчьем лого они», — говорит... Ну, мы и отправились на розыски.

— Как же так? — Я с изумлением обернулся к Женьке. — Ведь мы записку оставили.

— Записку? — теперь уже удивился Митя.

— Ну да, на столике в комнате. Специально для тети Даши.

— Никакой записки она не находила.

— Нет, пусть скажут, нашли они сундук или нет! — перебив Митю, закричал Федя. — Я никогда настоящего клада не видел!..

— А это ты видел? — вдруг резко спросил Женька, сунув прямо в лицо насмешнику снаряженную гильзу, клочок бумаги с карандашными строчками и пробитый пулей партийный билет.

От неожиданности Федя умолк, словно поперхнулся, и отпрянул назад. Все ребята уже обступили моего друга со всех сторон, стараясь как следует разглядеть, что это он держит в руках. Митя внимательно разглядывал партийный билет. Раскрыть его он, как и мы с Женькой, не мог, но, видно, сразу понял, что это такое.

— Где нашли? — спросил он.

— В гильзе этой, — отозвался Женька. — Там еще что-то есть. Наверно, партизаны спрятали от гитлеровцев.

Митя сильно встряхнул гильзу. Из нее выпала покоробленная книжечка. Женька подхватил ее на лету, и я увидел на обложке отчетливый силуэт Ленина.

— Комсомольский билет...— угадал Митя.

Присев на корточки, он расстелил на траве Женькину куртку и принялся вытряхивать на нее из гильзы все, что там было. Молча стояли мы вокруг мальчика и смотрели, как одна за другой падают на куртку свернутые бумажки, какие-то книжечки и совершенно бесформенные комки.

Пока Митя исследовал содержимое гильзы, мы рассматривали то, что кучкой лежало на Женькиной куртке. Тут было еще два партийных билета, три комсомольских, четыре красноармейские книжки, какие-то непонятные бумажки, исписанные чернилами, расплывшимися по строчкам так, что разобрать ничего было нельзя. Была тут еще орденская книжка, какая-то справка, отпечатанная на бланке, небольшое удостоверение, на котором можно было разобрать слово «пропуск».

— Надо все это Афанасию Гавриловичу показать,— сказал я.

— Вот вы к нему и идите,— решил Митя.— Ведь Афанасий Гаврилович к вашей тете Даше сватался.

— Сватался?! — удивленно воскликнул Женька.

— Ага,— подтвердил Федя.— Т-только она ему от ворот поворот. А ты думаешь, п-почему он вас клубничкой угощает? Наверно, снова будет с-свататься.

— Ладно, ребята,— произнес Митя.— Там видно будет. А сейчас нужно в город возвращаться.

Завернув все найденные нами бумаги в мою майку и захватив с собой гильзу, мы стали подниматься по склону Волчьего лога. Без особого труда вышли мы к Большому дубу, отыскиали в кустах наши рюк-

заки и, даже не присев, чтобы передохнуть, двинулись следом за Митей по знакомой тропинке.

Я не стану рассказывать о той буре, с какой нас встретила тетя Даша. Это был настоящий шторм, тайфун, ураган — с громом и молнией. Громыхали тарелки, ложки и вилки, когда Дарья Григорьевна накрывала на стол. Тучей поднимался к потолку пар из кастрюли с борщом, при виде которой у меня потекли слюнки — как-никак, а мы ведь не ели уже почти целые сутки...

— Хватит с меня и своих забот, — твердила тетя Даша. — Я всю ночь по городу бегала — и в милиции была, и в больнице... Нет, довольно! Завтра же отправляю вас домой. Пусть уж ваши родители с ног сбиваются да валерьянку пьют...

Напрасно старались мы объяснить, что на столике в нашей комнате оставили записку. Тетя Даша и слушать ничего не хотела.

— Никаких записок я не находила. Да и живу, кажется, не за семь верст — можно было бы и без записок обойтись.

— Так ведь это же тайна была, тетя Даша.

— Вы меня этой вашей тайной чуть до инфаркта не довели.

Наверно, Дарья Григорьевна непременно выполнила бы свою угрозу и действительно отправила нас в Москву, если бы к нам неожиданно не пришла подмога в лице Ивана Кузьмича.

Он вернулся с обычной своей прогулки, когда мы, сидя за столом и от слов тети Даши оба сразу потеряв аппетит, уныло болтали ложками в тарелках.

— А, искатели древних кладов? Живы и здоровы?

Женька мрачно взглянул на него и отвернулся.

— Ну, не сердитесь, не сердитесь, — произнес

Иван Кузьмич, присаживаясь рядом со мной.— И вы, Дарья Григорьевна, их не ругайте. Ведь, по совести говоря, это я во всем виноват. Не мог, знаете ли придумать, чем занять наших рыцарей в дождливую погоду. Ну а тут и подвернулся мне твой, Сережа, Шерлок Холмс. Пляшущие человечки... Вот я и придумал эту дурацкую затею с кладом... Но, признаюсь, я никак не предполагал, что вы уйдете ночью в лес этот древний клад разыскивать.

— Да пусть бы шли,— досадливо вмешалась тетя Даша.— Только предупредить надо.

— Если бы вы записку нашли...— угрюмо пробормотал Женька.

— Позвольте, позвольте! — воскликнул Иван Кузьмич.— Не это ли послание вы имеете в виду? Только что нашел. Зацепилось, знаете ли, за ветку сирени.

Он порылся в кармане и положил на стол нашу записку.

— Она! — торжествующе выдохнул Женька.

Тетя Даша взяла листок и повертела его перед глазами. Не знаю, заступничество ли Ивана Кузьмича или вид нашей злополучной записки так подействовал на Дарью Григорьевну, только она улыбнулась и сказала, видно, совсем перестав сердиться:

— Ладно уж, никого казнить не буду.

У нас с Женькой в единый миг появился волчий аппетит. Мгновенно очистив свои тарелки, мы попросили добавки и, уписывая вторую порцию борща, наперебой, захлебываясь словами и давясь капустой, рассказывали Ивану Кузьмичу и тете Даше про нашу необычайную находку.

Пока мы ели второе, тетя Даша и Иван Кузьмич разглядывали бумаги и документы, которые Женька вывалил из майки на стол. На старого уче-

ного стоило посмотреть. Понятное дело: ведь он никак не ожидал, что в указанном им наугад месте мы что-нибудь обнаружим. И вдруг!.. Есть чему удивиться. Однако с каждой минутой лицо Ивана Кузьмича становилось все серьезнее. Старик пощипывал бородку, и густые брови нависли над глазами, словно два шалашика.

— М-да... — произнес он свое любимое выражение, откидываясь на спинку стула, и вдруг, хлопнув себя ладонями по коленям, воскликнул: — Поразительно! Невероятно! Да понимаете ли вы, какой бесценный клад нашли?

Кажется, он удивился еще больше, когда Женька, уверенно тряхнув головой, ответил:

— Конечно, понимаем.

— И что же вы собираетесь делать с этими бумагами?

— Да ясно, Иван Кузьмич, — произнес мой товарищ. — Эти бумаги, конечно, надо в музей сдать. Мы понимаем...

— Хорошо, что понимаете, — успокаиваясь, сказал Иван Кузьмич и снова откинулся на спинку стула.

— Мы все передадим, — продолжал Женька. — Только сперва попробуем сами... Попробуем сами прочитать... Так ведь можно?

— Разумеется, можно. Даже нужно. — Иван Кузьмич опять наклонился к нам и хитро прищурился. — Уж если сумели разобраться в шифре «старца Пафнүтия», то, уверен, сможете разобрать и эту загадку.

Он медленно поднялся со стула, взял свою палку и, шаркая ногами, двинулся к своей лестнице. Но, взявшись за перила, обернулся:

— В юности я увлекался коллекционированием марок. Так вот вам совет старого филателиста: если

вздумаете разлепить странички в партийном билете, подержите его над паром — лучше всего возле носика кипящего чайника.

И, сказав это, старый жилец стал подниматься по лестнице.

Когда наверху скрипнула дверь, тетя Даша, все это время сидевшая молча, вздохнула и подперла голову кулаком.

— А у них, поди, родные есть... — тихо произнесла она, глядя на лежащие перед нею бумаги.

«Тики-тик, тики-тик, тики-тик...» — тикали часы на стене. Они отсчитывали время, которое для одних летело быстро, для других тянулось медленно, а для иных остановилось навсегда.

Мне ужасно хотелось спать. Глаза закрывались сами собой. Только бы дотащиться до кровати... Но Женька, собрав все бумажки и документы, оставил на столе партийный билет, пробитый пулей.

— Попробуем, Серега? — спросил он.

И я сразу понял, что он хочет попытаться разлепить странички, крепко склеенные кровью.

Минут десять мы с нетерпением ждали, когда закипит чайник. Женька налил в него совсем немного воды, чтобы струя пара была сильнее. Наконец крышка на чайнике заплесала и зазвенела, как колокольчик. Из носика с шипением вырвалась горячая струйка. Не ощущая больше усталости, я, затаив дыхание, следил, как Вострецов поднес к этой струйке заветную книжечку. Осторожно, словно в руках у Женьки была тончайшая паутинка, он стал разводить странички в стороны. Они поддавались и наконец разлепились.

— Есть! — взволнованно прошептал Женька.

Мы оба разом наклонились над раскрывшимся партийным билетом. Сквозь бурые пятна кроеи про-

ступали буквы. И очень медленно Женька прочитал вслух:

— «Вересов... Павел Николаевич...»

Это было до того неожиданно, что мы с моим товарищем, как очумелые, уставились друг на друга. Женька опомнился первым.

— Серега...— прошептал он вдруг.— Серега! Значит, Афанасий Гаврилович ошибается... Вересов не предатель!.. Не он... Кто-то другой...— Засунув партийный билет в карман, он схватил меня за руку и потащил вон из дома на улицу, крича: — К Афанасию Гавриловичу!..

Мы мчались по улице во весь дух, перепрыгивая через канавки и рытвинки. Вот и знакомый забор. И калитка с нарисованной на железной пластинке овчаркой...

Нам долго не отпирали. Мы нетерпеливо барабанили кулаками в дверь. Женька даже стукнул ногой. Пальма захлебывалась лаем, рвалась с цепи, повизгивая от ярости. Из окон соседних домов стали выглядывать люди. Наконец сердитый женский голос из-за калитки спросил:

— Кого надо?

— Откройте! — закричал Женька.— Мы к Афанасию Гавриловичу!

Пальма залилась еще пуще. И так же визгливо, как Пальма, завопила за дверью старуха:

— Я вот сейчас собаку-то спущу!.. Опять за яблоками вздумали лазить!..

— Мы по делу! — пробовал объяснить Женька.

— Знаем мы эти дела! — кричала в ответ старуха, а Пальма еще громче лаяла и звенела цепью.

— Марья Филипповна,— терпеливо говорил Женька.— Это мы... Женя и Сережа. Помните, мы приходили? Еще чай пили с вареньем!.. Мы у Дарьи Григорьевны живем, у Веточкиной... Я ее племян-

ник... Ну помните? И мы совсем не за яблоками... Те, которые за яблоками, через забор шастают. А нам Афанасий Гаврилович нужен по очень важному делу.

Грозный лай был ему ответом. Однако я слышал за калиткой осторожное поскрипывание. Старуха, наверно, переступала с ноги на ногу, раздумывая. Потом вдруг звякнула щеколда, брякнула цепочка, и злой маленький глаз оглядел нас сквозь щелку.

— Нету...— проскрипел голос «сердечной женщины».— Уехал.

И тут, повернувшись, чтобы идти следом за Женькой, я заметил на другой стороне улицы сутулого человека в коричневой кепке. Я сразу же его узнал. Это был тот самый незнакомец, который так пристально смотрел на Афанасия Гавриловича несколько дней назад.

Едва он заметил, что я гляжу на него, как тотчас же быстро отвернулся и стал внимательно, слишком уж, по-моему, внимательно, разглядывать афишу, наклеенную на заборе.

— Знаешь что, Серега,— произнес Женька, встрепенувшись и не следя за моим взглядом,— это даже хорошо, что Афанасий Гаврилович уехал.

— Чего же тут хорошего? — удивился я.

— А то, что пока он ездит, мы все про партизан узнаем.

— У кого?

— Экий ты бестолковый! Помнишь, Митя говорил, что его дедушка во время войны раненого партизана прятал?

— Ну, помню.

— Так вот. Не один же Митин дед был с партизанами связан. Найдутся еще люди. Надо только поискать. А вернется Афанасий Гаврилович, мы к нему придем и обо всех наших розысках расскажем.

Когда мы пришли домой, тетя Даша гладила наши рубашки. Она вообще не могла ни минутки посидеть без дела. Мы рассказали ей, где мы были, и что Афанасий Гаврилович уехал из Зареченска.

— Должно быть, в командировку,— добавил я.

— Как же, «в командировку»,— насмешливо передразнила Женькина тетка.— Интересно, кто это его в командировки посылает? Какое учреждение?

— Какое-нибудь посылает,— произнес Женька.— Он сам нам говорил, что скоро уедет по делам.

— Да, дела у него найдутся,— проговорила тетя Даша.— Такие дела, что ой-ей-ей...— И она взмахнула утюгом, который сердито зашипел.

— Что это она, Жень? Про Афанасия Гавриловича?..— полюбопытствовал я, когда мы очутились в нашей комнатке.

— Не знаю...— Женька пожал плечами.— Я и сам, Серега, чего-то никак не пойму...

Вот когда я почувствовал смертельную усталость. Может быть, один вид кровати заставил меня вспомнить, что мы почти целые сутки не спали, и глаза мои опять стали закрываться сами собой.

— Давай, Жень, полежим немного...— предложил я, еле ворочая языком.

— Ложись, если хочешь,— отозвался мой неугомонный товарищ.

Это было последнее, что я услышал, потому что стоило мне скинуть сандалии и опустить голову на подушку, как я словно провалился в глубокую черную яму...

Меня разбудило солнце. И, проснувшись, жмурясь от его горячих, ослепительно ярких лучей,

я удивился, почему оно бьет мне в глаза, если я прилег поспать всего лишь на часок. Окончательно очухавшись ото сна, я поразился еще больше, увидев, что лежу под одеялом, в майке и трусах, хотя лег одетым,— я это помнил совершенно отчетливо. Повернув голову, я увидел Женьку, который сидел на своей кровати, скрестив ноги, и смотрел на меня с усмешкой.

— Привет исследователю!

Он соскочил с кровати, шлепая босыми ногами, подбежал к столику, на котором стояла гильза от снаряда — удивительный партизанский тайник — и лежали сложенные взъерошенной горкой документы. Схватив со стола какие-то листки, Женька торжествующе помахал ими в воздухе.

— Что это? — спросил я.

— Партизанские письма,— с гордостью объявил Женька.— Вернее, одно письмо,— поправился он;— и та записка, помнишь, которую первой нашли?

Он взобрался ко мне на кровать.

— Подвинься. Разлежся, как три толстяка. И слушай. Письмо в Томск. Я адрес не весь разобрал. Город-то еще можно понять, а улица, дом, фамилия — все начисто размыто.

Женька поудобнее устроился на кровати и начал читать:

— «Здравствуйте, дорогие мои мама, сестра Оксана и брат Анатолий. Пишу вам уже третье письмо, только не знаю, получили вы первых два. Понимаете сами — почта отсюда, из захваченной врагами земли, не налажена. Я те два письма долго хранил, пока, наконец, не нашелся человек, который пообещал их переслать. А переслал ли, нет ли, не знаю...»

Женька взглянул на меня и взволнованно проговорил:

— Ты понимаешь, Серега? Ведь самое главное — мы город знаем и имена. В Томске, наверно, не так уж много людей, у которых мама, брат Анатолий и сестра Оксана.

— Ладно тебе, — сердито перебил я, — ты дальше читай.

— Ага, слушай дальше: «Писал я вам в прошлом письме, как отступала наша часть от самой границы на Каунас, на Вильнюс, как попали мы с нашим командиром роты лейтенантом Вересовым в окружение...» Слышал, Серега?

— Да слышал, слышал! Дальше читай.

— «...Еще писал, как стали понемногу собирать наши товарищи, как с боем выходили к Западной Двине... Большая была у фашистов сила. И напали они внезапно. Но мы верили, что и у нас найдутся силы. Не к немцам же нам на поклон идти. Есть приказ — бойцам Красной Армии воевать. Значит, будем воевать, пока живы. Присоединялись к нам и такие же, как мы, бойцы, были и те, кому под гитлеровцами жить стало совсем невмочь и кто еще оружие может в руках держать. Писал я вам, родные мои, как шли мы ночами, пробираясь к нашим, как далеко, увязая в трясины, обходили деревни и проезжие дороги, потому что нас было еще мало, а оружие — винтовка да пистолет на всех...»

Женька взглянул на меня виновато и сказал:

— Тут, Серега, несколько строчек стерлось — никак не прочесть. Только вот конец есть. Вот: «...Я за вас, дорогие мои, не боюсь. Немец к вам в Сибирь ни за что не доберется. Мало каши ел. А вот вы, наверно, беспокоитесь обо мне, потому что не получаете никаких вестей. Знайте же, что сын ваш и брат, Григорий, жив и здоров, пока еще ни разу не ранен. Верю: скоро окончится война полной на-

шей победой, и тогда я вернусь к вам. А если не вернусь, то знайте что погиб за нашу Родину, за счастье ваше и за будущую прекрасную жизнь».

Прочитав эти строчки, Женька замолчал. Потом он переложил листки, которые были у него в руках, и сказал:

— Теперь слушай записку. Тот, кто все это спрятал в гильзу, наверно, ее в самый последний момент положил. Когда уже стало ясно, что в живых из партизан никто не останется.

Начало записки было мне уже знакомо. Женька прочитал его еще там, в Волчьем лого: «Товарищи! Нам недолго осталось жить. Мы решили, что все погибнем, но не сдадимся проклятому врагу. Нас окружили со всех сторон. Карателей много, а нас осталось пятеро... Очень мало патронов, и каждый из нас, оставшихся пока еще в живых, поклялся, что последнюю пулю оставит для себя. Товарищи, мы умираем, но нас фашисты не победили. И никогда им не поработить нашу Родину и наш народ...»

Голос у Женьки звенел, как натянутая струна; и почувствовал я, как к горлу моему подкатывает комок и словно во всем теле моем звенят и звенят, громко и грозно, натянутые крепко струны.

— «...Нас пока еще мало,— продолжал читать Женька.— Но таких, как мы, будет много, очень много. И враг останется на нашей земле не победителем, а мертвецом, смердящим трупом, который высохнет на солнце, и страшную память о нем смоят весенние дожди. Прощайте, товарищи, вы, живые! Отомстите за нас!..»

Женька умолк, и мы долго сидели вот так, молча, и я слушал, как нестерпимым грозным звуком звенят во мне певучие струны.

Кто жив, тот не забудет

Нам незачем было откладывать то, что мы задумали. И Женьке и мне хотелось поскорее разыскать людей, которые знали партизан из отряда Павла Вересова и, может быть, даже помогали им бить фашистов-оккупантов. Об одном из таких людей мы уже знали — это был Митин дедушка.

Мы не стали спрашивать у тети Даши, на какой улице и в каком доме живет Митя со своим дедушкой. В такое время Митю непременно можно было застать на речке. Торопливо позавтракав, мы помчались к песчаной косе.

День выдался солнечный и жаркий. Вся коса была усыпана ребятами. Кто уже плескался в воде, кто жарился на солнышке, развалился на песке. А Тарас, как обычно, примостился поодаль с удочкой и ведерком. Я сразу же увидел Настю, Игоря, Федю. Но Мити среди ребят не было.

Размахивая полотенцами, мы сбежали вниз, и тотчас же, заметив нас, на берег из воды, поднимая фонтаны брызг, ринулся Федя.

— А Митя к вам пошел! — на бегу кричал мальчуган. — И как это в-вы с ним разминулись... Дедушка велел вас к нему привести и все, что вы нашли, с собой захватить.

— Эх, Серега! — Женька с досадой взмахнул полотенцем. — Если бы мы хоть на десять минут задержались, он бы нас застал.

— А вы подождите! — посоветовал Игорь. — Он вас дома не застанет и сюда придет.

— Нет уж, лучше мы сами пойдем к нему на встречу, — возразил Вострецов и, кивнув мне, стал карабкаться наверх. — Мы его по дороге встретим.

Митю и правда мы встретили на полпути от реки

к нашему дому. Он так спешил, что раскраснелся и запыхался.

— Идемте скорее!..— отдышавшись, сказал он.— Дедушка так разволновался, когда узнал про эту гильзу!..

Мы забежали домой, чтобы захватить наши бумаги. Женька сложил все в большую коробку от печенья. Я взял еще фотоаппарат, чтобы сфотографировать Митиногу дедушку, и все втроем мы помчались к Мите.

Митя, оказалось, жил недалеко. Впрочем, в маленьком уютном Зареченске, не то, что у нас в Москве, все было близко. Небольшой деревянный домик прятался в разросшихся по всему палисаду кустам сирени. Митя пропустил нас в калитку, и мы поднялись на крыльцо по крепким чисто вымытым ступенькам.

Пройдя небольшие сени, Митя толкнул дверь и снова пропустил нас вперед. Прямо напротив входа, у окна, сидел в кресле старик с редкими волосами на голове, но зато с такой лохматой бородой, словно его седые волосы понемногу перебрались с макушки на подбородок.

— Дедушка,— произнес Митя,— я их привел. Это Женья, а это Сережа.

— Ну, давайте знакомиться,— сказал старик, поднимаясь с кресла, и тут же болезненно сморщившись, схватился сзади за спину.— Эх ее... К непогоде, должно быть.— Потом, увидев коробку от печенья, спросил: — Там?

Женька кивнул и протянул ему коробку.

Снова устроившись в кресле у окна и надев очки, Митин дедушка долго разглядывал партийные и комсомольские билеты, раскрывал красноармейские книжки, вглядывался в стершиеся строчки партизанских писем и потом, шевеля губами и ероша бороду,

читал те же самые письма, но уже переписанные Женькой. Мы стояли и глядели на него, не решаясь сесть. Наконец, бережно сложив все бумаги, старик обернулся к нам.

— Вы что же стоите? — воскликнул он. — А ты, Дмитрий, не можешь гостям стулья предложить? Садитесь, садитесь. Да рассказывайте, как и где нашли.

Вот тебе и раз! Мы сами ждали от Митиного дедушки рассказов о партизанах. Но делать было нечего, и Женька, запинаясь, принялся рассказывать. Правда, он умолчал о том, для чего нас понесло ночью в лес.

— Так-так, — проговорил он, когда Женька замолчал. — Значит, клад старинный ходили искать. — И, взглянув на наши сконфуженные физиономии, продолжал: — Да вы не смущайтесь. Про этот клад мне еще моя бабка рассказывала лет эдак шестьдесят назад. И я тоже мечтал сундук вырыть. Да кто же его знает, где разбойники свои сокровища прячут. А вот то, что этот клад на самом деле есть, так это факт.

Дедушка помолчал и осторожно взял с подоконника партийный билет Павла Вересова.

— Значит, говорите, удалось паром расклеить...

Наклонив голову, то отдаляя от глаз, то снова приближая к глазам очки, старик принялся разглядывать фотографическую карточку на билете. Фашистская пуля как раз прошла сквозь нее, оставив только небольшой кусочек — изображение части лба, правую бровь и глаз.

— Тот или не тот? — бормотал Митин дедушка. — Вроде бы тот... Лоб такой же высокий, чистый... Брови... — Он вдруг обернулся к нам и спросил: — Все принесли?

— Все, — откликнулся Женька.

— Что-то не видать здесь документа на имя Тихо-

на,— словно разговаривая с самим собой, произнес старик.

— Какого Тихона?

— Знать бы и мне какого,— сказал Митин дедушка.— Тот партизан, которого я в погребке у себя схоронил, Тихоном назвался. Только сдается мне, имя свое он выдумал. Самый это командир и был — Версов Павел Николаевич.

— А вы расскажите им, дедушка,— попросил Митя.

— Мы историю этого отряда хотим написать,— торопливо вставил Женька.— Как они воевали... Как погибли...

Старик внимательно слушал Вострецова, насупив седые брови. Солнце освещало его так хорошо, что я не вытерпел и, нацелив на него фотоаппарат, щелкнул затвором.

— Это что же? — осведомился старик.— И меня в историю? Так я же не партизанил, в лесах не скрывался, эшелонов фашистских под откос не пускал, листовок не расклеивал...

— Все равно,— сказал я.— Вы народным мстителям помогали. Значит, вы тоже подпольщик.— И я, изменив выдержку, снова сфотографировал его.

Старик засмеялся, помотав бородой:

— Ну, ладно. Раз для истории, тогда согласен.

Митин дедушка вдруг перестал смеяться и посмотрел на нас серьезно из-под насупленных бровей.

— Вот вы говорите — история...— Так начал свой рассказ Митин дедушка.— Правильно, конечно: история, события, герои... Обо всем этом теперь в книжках пишут, кино снимают... Ребятишки про те времена в своих учебниках целые страницы наизусть учат. Но для иных людей эта самая история есть их собственная трудная жизнь. А война... Кто жив, тот никогда ее не забудет...

Он задумался на минуту и продолжал медленно и негромко:

— И как это все произошло?.. Ведь были мы к войне готовы... Но вот, внезапно напали фашисты, как воры, в темноте... Поначалу-то мы не верили, что немец даже до Минска дойдет. Война-то еще далеко гремела, так что у большинства было мнение, что фашист сюда не доберется. А мобилизацию уже объявили. Мужчины стали в поход собираться. Некоторые добровольцами на войну двинули. А меня не берут. Нога у меня была повреждена. Инвалид третьей группы. Но в военкомат я все-таки пошел. Да врачи меня даже слушать не стали. Куда, мол, прешься. Ну и воротился я не солоно хлебавши.

Самолетов фашистских тоже первые дни мы не видели. Летали они стороной. Да и подумать: что немцам наш Зареченск? Городишко неказистый, стратегии никакой не имеет. Ни крупных заводов, ни военных частей. Веревоочная фабричка, лесопилка, маслобойка, две кустарные артели — в одной, между прочим, ваш покорный слуга работал... Однако уже на первой неделе мы узнали, каковы фашисты, какой лютый враг на нашу землю напал.

Старик снова задумался, ероша свои редкие волосы, видно, что-то припоминая.

— Ну да, — продолжал он, — в четверг это было. Стало быть, в базарный день. Базары у нас собирались по воскресеньям и по четвергам. Так вот, в четверг пошел я на базар — сала купить. Война войной, а есть-то надо.

Прихожу на рынок. Народу множество. Шум, гам, поросята визжат, гуси орут, куры кудахчут. А в том ряду, где салом торгуют, бабы меж собой расспорились, дойдет к нам немец или не дойдет. Ну, у большинства такое склонение, что не дойдет. А кое-кто говорит — пробьется. А та тетка, у которой я как

раз подходящий шматок высмотрел, возьми да и скажи: «Подумаешь, немец! Не человек, что ли? И при немцах проживем!..» — «Ах ты, — говорю я ей, — карга! Как у тебя язык не отсохнет? Ты ли, толстая, при немцах проживешь? Да он тебя с твоим салом живьем сожрет и корки не оставит!..»

И вот тут как раз немец сам за себя и подтвердил.

Сперва я не понял, что это вдали загудело: то ли гул, то ли свист... И вдруг эдак низенько над рынком промелькнули три самолета. Словно три черных креста кто-то через базар перекинул. Промелькнули и исчезли.

Люди стоят, в небо смотрят, а там уж и гула не слышать. Даже и рассмотреть не успели, какие такие это самолеты — немецкие ли, наши ли...

Однако недолго мы в сомнениях оставались. Вновь послышался гул. Только уже не такой ровный, как прежде, а с подвыванием. Это уже после мы ученые стали — разобрались, что к чему. Сперва немец примеривается, а после для стрельбы заходит на цель. А тогда еще мы ничего не знали. Встали опять, рты поразевали, в небо смотрим. И вдруг застрекотало в небе, ринулись сверху вниз черные кресты, хлестнуло пулями по рядам, по людям, по возам... Крик поднялся, столпотворение. Бросились все врассыпную. А у меня будто ноги к земле приросли. Не могу понять, что делается. Страху-то я тогда не чувствовал. Так налетели, что и испугаться не успеешь. А когда скрылись самолеты, гляжу, кто в пыли корчится, кто стонет, кто криком кричит.

Базар в один миг опустел. Так и не купил я сала. А когда домой вернулся, только там и сообразил, как близко от меня в те минуты моя смерть пролетела.

Михаил Федорович умолк и несколько минут сидел, опустив голову. Мы трое тоже не произносили ни звука.

— Да,— внезапно подняв голову, продолжал старик,— вот как все оно началось. Потом потянулись через наш городок беженцы. За беженцами вслед красноармейцы через город пошли...

Городок наш сдали без боя. Только электростанцию взорвали, отходя. Больше, пожалуй, и взрывать было нечего. Вокзал немцы сами примерно за неделю до того разбомбили.

Погрузился наш Зареченск во тьму. Ни души в ту пору на улицах не было. Даже собаки побоялись брехать... И два часа в городе стояла такая непривычная тишина. Словно насторожилось все. А потом показались мотоциклисты. И вслед за ними вошла в Зареченск первая немецкая колонна.

Новый клуб, что перед самой войною построили, фашист под комендатуру занял. По всему городу на домах, на воротах, на столбах листочки забелели. И стали солдаты народ из домов выгонять: «Шнель, шнель, рус, читайт приказ...»

Были те приказы напечатаны на двух языках: по-немецки и по-русски. Говорилось там, что в течение трех дней все жители обязаны зарегистрироваться в комендатуре и сдать любое имеющееся оружие, в том числе и охотничье со всем снаряжением. Под конец, как у них водится: «Заслушание — смертная казнь».

Солдат своих фашисты на постой по лучшим домам распределили. Ну а самые лучшие из лучших, самые чистые — для господ офицеров. И в моем доме тоже появился незванный гость — лейтенант, помощник коменданта... С денщиком. Рыжий такой денщик, на жеребца похож.

Начали враги в нашем городке хозяйничать. Наплись, конечно, такие мерзавцы, что сразу перед врагом плясать начали. Некоторые в полицию пошли, чтобы на работу в Германию их не угнали,

другие просто стали на людей доносить: кто при Советской власти отличался, на собраниях выступал, стенные газеты выпускал, агитатором был во время выборов. Вот немцы и придирались: скрыл свою верность Советской власти. По тем доносам проклятым многих арестовали.

Да, были всякие — и доносчики, и открытые предатели. Один такой особенно яро себя фашистам показывал. Хорьков Терентий. Ух и злой же был негодяй!.. Его отец — Стратон Хорьков — до революции торговлю в городе имел, бакалею. Он особенно в девятнадцатом году отличился, когда в Петрограде и в Москве голодали. Много он тогда добра наспекулировал. Ясное дело — Советская власть его сразу же за шиворот взяла, и уехал он невесть куда, в места далекие. А сын его остался. Затаил на всех злобу, а при немцах развернулся. По его доносам многих тогда похватали. Правда, недолго он лютовал. Настигла его, негодяя, партизанская кара. А случилось это как раз в тот день, к которому я и веду свой рассказ.

Много бед и зла натворили в нашем Зареченске фашисты. Молодых парней и девчат стали скопом отправлять на тяжкие работы в Германию. Кое-кто угодил и в концлагеря. А потом увидели мы, зареченцы, и первую фашистскую казнь. Не вора казнили, не бандита, а человека правильной чистоты. Главного врача нашей больницы — доктора Соловьева Николая Акимыча...

В больнице у нас Николай Акимыч работал, считайте, с двадцатого года, еще с гражданской. Замечательный был врач-хирург. Многим людям жизни спас. Все в городе его знали и считали за родного. Кроме, ясное дело, симулянтов: им Соловьев спуска не давал. Да и вообще нрава он был горячего. Видно, крепко с немцами повздорил. А дело-то, я думаю, так вышло. Стали в Зареченск прибывать первые ране-

ные немцы. Комендант майор Гардинг приказал очистить больницу: всех больных, стало быть, вон. Ну, Николай Акимыч, видать, с ним поговорил. Не знаю, конечно, чего он там высказал немцу, только больницу все равно очистили, больных всех повыгоняли, а доктора нашего под арест. И на другой же день по городу приказ вывесили: за неподчинение германским властям Соловьева Николая Акимовича приговорить к смертной казни через повешение. На расправу-то у фашистов суд скорый.

Состоялась казнь на базарной площади. Всех, кто мог ходить, согнали немцы туда, чтобы у народа был пример, как фашистам перечить. И вот как раз на другой день появились в городе первые партизанские листовки...

Утром из дому я вышел на колодец за водой, гляжу — к воротам листочек приклеен не то тестом, не то замазкой. Написано от руки. Да вот я вам сейчас похожую покажу. Гусак-лейтенант, что в моем доме жил — мы его за важную походку и птичью голову Гусаком прозвали, — через дня три такую же с забора сорвал.

Михаил Федорович поднялся с кресла и, держась за спину, медленно разминая ноги, двинулся к комоду. Выдвинув ящик, он порылся в нем и достал пожелтевший листок.

— Ну-ка читайте.

Написано было чернильным карандашом, четкими печатными буквами. Текст совсем не стерся и не выцвел. Все можно было легко прочесть. И Вострецов стал читать вслух, а я следил по строчкам.

— «Товарищи! — читал Женька. — Вы сами можете теперь убедиться, каков новый фашистский порядок. Грабеж, виселицы, каторга. Но фашистам недолго осталось лютовать на нашей земле. Придет час расплаты. Советский народ нельзя победить. За все

свои злодейства враг ответит жизнью. Смерть за смерть, кровь за кровь! Не богатства, за которыми пришли гитлеровцы, найдут они на нашей земле — найдут они здесь свою могилу. Смерть фашистским захватчикам! Смерть убийцам!..»

Не успел еще Женька дочитать листовку до конца, как раздался громкий стук в дверь. Тотчас же в дверную щель просунулась вихрастая голова Федя.

— Можно, дедушка Михаил Федорович?

— Входи, входи, — закивал старик.

Федина голова исчезла, за дверью послышалась какая-то возня, и в распахнувшуюся дверь стали входить ребята. Тут были и наши зареченские друзья, и совсем незнакомые ребята.

— Мы послушать пришли, — смущенно объяснил Федя.

— Ну, рассаживайтесь, — с улыбкой пригласил старик, — гостями будете.

Усевшись рядом со мной, толстый Тарас прошептал:

— Это Федя всех привел. Говорит: «Пойдемте тоже послушаем, как дедушка Михаил Федорович про партизан рассказывает». Ну мы и пришли.

— Так вот, — снова заговорил Митин дедушка. — Эдакие листочки стали появляться часто. Начали немцы доискиваться, кто их расклеивает, но никого найти не смогли. А через неделю, примерно, сошел с рельсов верстах в шести за станцией немецкий эшелон. Гитлеровцы станцию и пути в первую очередь починили после бомбежек, потому что дорога шла прямо на Минск. Вот один состав и ухнул. Взрывчатки у партизан, видать, не было, так они рельсы свинтили.

Тут шум по городу пошел. Из дома в дом вполго-

лоса весть: наши, мол, близко. А фашисты озверели. Стали хватать кого попало. Приказ вышел от коменданта — на улицах после девяти не показываться, больше одного человека не собираться. Они, видать, думали, что в городе подпольщики действуют. А партизаны-то в лесах скрывались, в непролазных болотах. И одного даже вскорости люди увидели. Мне об этом сосед рассказывал, Матвей Спиридонов. Сам-то он не видел партизана, а племянник его Родион, что на лесопилке работал, даже с тем партизаном вроде бы разговаривал.

Пильщики у нас сами в лес ходили, отбирали древесину, валили и везли на лесопилку. Ну, раньше, при Советской власти, это все машинами производилось. А тут машин нет. Приходилось таскать на лошадях да на себе. Больше на себе, потому что фашисты всех оставшихся кляч реквизировали. Вот однажды и пошли заготовщики в лес. Немцев с ними не было. Те после случая на железке ходить туда опасались. Но зато посылать туда стали только тех жителей, у кого в городе семьи. Эти семьи оставались вроде заложников. Был приказ: если кто сбежит, у того всю семью начисто под пулемет. А у Родиона, Матвеева племянника, дома и мать старуха, и жена, и сынишка пяти лет, и дочка — двух годков еще нету. Он у немцев считался самым надежным — не убежит. Его старшим над командой поставили, чтобы в лес на заготовки ходить.

Вот и на этот раз пошли в лес. Начали пилить. И вдруг к ним из чащобы вышел человек. Шинель на нем военная, фуражка со звездой... Мы с Матвеем утром у колодца повстречались. Он об этом мне и сказал. С языка сорвалось. Сказал и испугался. Смотрит, глазищи пучит. В те поры все друг друга бояться стали: чуть что — и донос. А где донос, там и виселица. Я ему говорю: «Ты, Матвей, меня не

один десяток лет знаешь. Разве ж я на доносчика похож?» Понял он, что я его мысли разгадал, да тут немец нас заметил: «Шнель, шнель!»

Пришлось нам разойтись. Но я думаю, что кое о чем тот незнакомец в шинели наших заготовщиков порасспросил. Ведь примерно через недели две ушел к партизанам в лес Афанасий Шкворнев. Он запросто мог им объяснить, сколько в городе немцев, кто из жителей в полицию записался. Он после мне как-то говорил, что это он привел партизан к подлецу Терентию Хорькову.

Звезда на фуражке

Я очень жалею сейчас, что не записал подробно и в точности все, что рассказывал нам Митин дедушка. Понадеялся на свою память. Правда, многое я запомнил слово в слово, кое-что после подсказал мне Женька...

Предателю Терентию Хорькову партизаны вынесли смертный приговор, и однажды ночью, пробравшись в город, привели его в исполнение.

Это произошло дней через двадцать, а может, через месяц после того, как заготовщики с лесопилки встретили в лесу незнакомого человека в шинели и фуражке с красной звездой. За этот месяц немало в городе произошло событий.

Уже на третий день после той встречи из конторы заготовительного пункта, куда крестьяне по приказу немцев везли зерно, мясо, молоко и овощи, пропала пишущая машинка. На столе, где она стояла, утром нашли листок бумаги, где крупно было написано: «Смерть фашистским захватчикам!» Вместе с машинкой исчезли кипа бумаги и копирка. Полиция, кото-

рый ночью дежурил у дверей заготконторы, немцы повесили.

Патрулей теперь на улицах по ночам стало больше. Но и партизанских листовок тоже прибавилось. И напечатаны они были на машинке. И вот что удивительно: стали в тех листовках сообщаться сводки с фронта...

— Помню,— рассказывал Митин дедушка,— в одной листовке говорилось о боях под Смоленском, как там наши немцев громят. Потом еще — бой под Ельней... Но мы всегда в листовках искали про Москву. Если Москву гитлеровцы не взяли, значит, наши не сдаются. И про столицу в каждой листовке было. Москва стояла крепко. До сих пор не пойму,— добавил Михаил Федорович,— откуда им все это было известно? Радио, что ли, раздобыли? Но где? Для радио питание надобно, а у них, как после узнали, даже не было фонарей. Вот загадка!

В эти дни свалилось под откос еще два фашистских эшелона. Каждую ночь немцы устраивали в городе облавы. Ходили по домам с полицией — искали подпольщиков. Терентий Хорьков тоже ходил. Ему ничего не стоило избить человека: женщину ли, малыша ли — все едино. Старика Лукьянова, у которого нашли во время облавы листовку, он застрелил на месте.

А старик-то и читать не умел. Листок, видать, сохранил на самокрутку: газет в городе не было, из чего крутить? Так он его, Хорьков-то, изрешетил всего пулями... Вот какой был зверь. Немало натерпелись от него люди. Но зато когда прихлопнули его партизаны, ровно какой праздник для всех стал...

— Так ему и надо! — не выдержав, воскликнул Федя.

И на этот раз никто на него не зашикал. Мне и

самому хотелось крикнуть: «Так ему и надо, предателю!..»

— Небось и умереть-то как следует не сумел, трус поганый,— с презрением сказал Женька.

— Да ведь преступники все трусы,— кивнув, согласился Михаил Федорович.— Хоть фашист, хоть ихний какой прихвостень, хоть бандит или хулиган. Смелы, когда нападают на слабого да беззащитного. А как приходит время за свои злодеяния ответ держать, тут они слизняки слизняками. Думаю, и Хорьков этот не лучше себя вел. Небось партизанам сапоги готов был лизать, когда пришли к нему. Да, смельчаки были люди эти, партизаны. Ведь незадолго до того в городок к нам особая команда прибыла. Эсэсовцы, каратели. Видно, комендант вызвал. В черных мундирах, фуражки тоже черные. На рукавах — череп с костями. Только не испугались партизаны, пришли злодея покарать.

Однажды ночью,— продолжал свой рассказ Михаил Федорович,— проснулся я от стрельбы. Ну, думаю, опять черные зверствуют... Только, слышу, необычная это стрельба. Обыкновенно, если кого на месте убивали, так дадут очередь — и все. А тут перестрелка. И научились мы в ту пору фашистские «шмайссеры» от наших ППП отличать.

Пока я вставал да в темноте штаны нашаривал, мой Гусак со своим денщиком уже на улицу выскочили. А стрельба все ближе... Кое-как натянул я штаны и на крыльцо. Ночь уже к рассвету близится. Видно поодаль, как мечутся по улице какие-то фигуры. Голоса, крики — то по-немецки, то по-русски,— это когда полицаи перекликаются. «Здесь он где-то,— слышу.— Далеко не убежит!.. Ищи по всем домам, ребята!..» Потом голоса удаляться стали. И тут через забор перекинулся кто-то. Упал на траву и застонал.

Меня будто ветром сдуло с крыльца. Подхватил я этого человека и — откуда только силы взялись! — поволок прочь от забора. Волоку по земле, а сам приговариваю: «Ты тихо, родной, тихо... Как бы немцы не услышали. А я тебя схороню...» Приволок его к погребу — и туда. Думаю, утречком принесу одеяло и подушку, а то продрогнет. Догадался сразу, что это партизанский боец и что, видать, его — никого другого — немцы ищут.

Спустя полчаса стрельба утихла. Гусак с денщиком вернулись. А я уж успел за это время под забором пошарить и с той и с другой стороны. И правильно, что пошарил: гость тот неожиданный фуражку обронил. Несу я ее домой, а пальцы на чем-то твердом лежат. Ахнул я — звезда пятиконечная... Не этого ли человека заготовщики наши в лесу видели?

Эх, ребятки, пожалел я тогда, что немецкого языка не знаю. Гусак с денщиком по-своему лопочут. Знал бы язык — понял бы я что к чему. Долго они трещали. Уже рассвело. А я опять к забору — нет ли следов. И сразу заметил кровь на траве. Потихоньку, с оглядкой я ту траву повырывал — и в нужник... И ведь как вовремя успел. Из нужника-то вышел, гляжу — у забора топчутся полицаи, а с ними черный с черепом на рукаве и переводчик.

Сердце у меня зашло. За того, в погребке, испугался. «Что нужно? — спрашиваю. — Господин лейтенант еще почивают». А сам прислушиваюсь, не слышать ли отсюда, как Гусак с денщиком ночное происшествие обсуждают. Переводчик что-то черному сказал. Кивнул черный, махнул рукой, и прошли полицаи дальше.

К вечеру узнал я, что фашисты весь город перерыли. Матвей у колодца мне повстречался и, оглядевшись, сказал, что ночью убили Хорькова. Домой пришли и убили. И записку оставили — приговор

партизанского суда. Он-то, Матвей, мне и сказал, что одного партизана немцы ранили, и это, должно, командир партизанский или комиссар.

— А он поправился? — волнуясь, спросил Женька.

— Через пять дней на ноги встал, — ответил, кивнув, Митин дедушка. — Каждую ночь, как только Гусак уснет, я к нему в погреб спускался. Еду кое-какую приносил. Что было. Для тепла пальтишко свое старое... Немцы три дня и три ночи по всем домам рыскали. Вот я теперь и думаю, что у партизан и верно предатель был — донес гитлеровцам, что тот человек в отряд не вернулся, где-то в городе скрывается. А иначе отчего бы они облавы устраивали? Как раз в те дни... да такие облавы, каких прежде никогда не бывало.

— А он вам никаких заданий не давал? — тихо спросил Женька.

— Как же, дал одно задание! — встреपенувшись, откликнулся старик. — На другой день, вернее будет, ночью. Как я к нему спустился, он и говорит: «Вы, товарищ, Матвея Спиридонова знаете?» «Как же не знать, — отвечаю. — Вместе росли». «Тогда, — говорит, — передайте ему, как встретите, вот это». И подает мне бумажку. А на бумажке одна только буква «П». — Митин дедушка снова раскрыл партийный билет командира отряда. — Его Павлом звали. Может, он, если только это он был, первую букву своего имени поставил. Весть, значит, что жив. А я тогда решил, что «П» — это вроде пароля, первая буква слова «партизан». Или, может, «подпольщик».

— И вы ту бумажку передали? — спросил я.

— А как же можно не передать? — Старик даже брови от удивления поднял. — Это, брат ты мой, такое дело!.. Так вот, я специально высмотрел из окна, когда Матвей мимо с ведром прошагал. Я тоже сразу

ведро в руки — и к колодцу. До сих пор не могу сказать, почему тот командир именно Матвея выбрал. Не иначе, как племянник Матвеев, Родион, все же был с партизанами связан.

— А где он, этот Родион? — спросил Женька.

— Погиб на фронте, — отозвался Митин дедушка. — Когда Красная Армия наш Зареченск освободила, с ней на запад много народу пошло — немца добивать. Некоторые назад после войны возвратились, а Родион погиб... И Матвей умер. В прошлом году. Последнее время все хворал, за грудь держался. — Митин дедушка подумал и сказал погодя: — А вы вот-ка что: с Егором Прохоровым побеседуйте. Он кое-что должен вам рассказать.

— Кто это Егор Прохоров? — спросил Женька.

— Да вместе с Родионом тогда в лес ходил на заготовки, — объяснил Михаил Федорович.

Я вдруг вспомнил, как в лесу, когда мы шли к Большому дубу, Митя обмолвился, что его дедушке известно о девушке-партизанке Клавде Муравьевой, дочке лесника.

— Михаил Федорович, — торопливо обратился я к старику. — Вот Митя говорил, будто вы знали Клавду Муравьеву... Партизанку...

— А кто же ее не знал! — удивленно воскликнул дед. — И ее отца, лесника Игната, тоже все знали. — Он вдруг прищурил глаза, словно хотел к чему-то внимательно присмотреться. — Постой, погоди! Клавда!.. Уж не тот ли самый предатель и ее фашистам выдал?

— Какой предатель? — разом воскликнули слушатели.

— Да тот самый! Тот, что о моем госте гитлеровцам сообщил! — Михаил Федорович крепко хлопнул себя ладонью по коленке. — Ох, голова! Да ведь так и есть!.. Каратели тогда все в лес ходили — тропы

искали, да, видно, никак найти не могли. А Клаву среди дня схватили, прямо на улице. Ее одну, никого больше. Но ведь на лбу-то у нее не было написано, что она партизанка. Мало ли девушек, похожих на нее, по улицам ходило! А взяли-то ее!.. Не иначе — донос получили, что будет она в городе в тот день!

Неожиданная мысль вдруг поразила меня. А что, если в отряде не было никакого предателя? И Клаву Муравьеву схватили не потому, что ее кто-то предал. Ведь в городе ее знали многие. Узнал какой-нибудь полицей и побежал сказал гитлеровцам... И может быть... Может быть, Клава Муравьева, не выдержав страшных фашистских пыток, в бреду, нечаянно открыла эсэсовцам тайну, где найти проходы в болотах, тропы к партизанскому лагерю. Она проговорилась, и все равно немцы ее казнили — на то они и фашисты. Но о проходах среди болот знали только она и командир — Вересов. Клава погибла, и Афанасий Гаврилович решил, что только Павел Вересов мог выдать врагу тайну. Вот откуда она, эта ошибка!..

Догодка эта стучала в моем мозгу тысячью звонких молоточков. Не решаясь высказать свою мысль вслух, я был целиком занят ею, пока Женька записывал на клочке бумаги адрес Егора Алексеевича Прохорова.

— Значит, Серега, нужно шагать к Прохорову, — оживленно произнес Женька, когда мы вместе со всеми ребятами очутились на улице.

— А вы еще в Печурово пойдите, — сказал Федя.

— В какое Печурово?

— Это деревня, за болотами, — принялись наперебой объяснять ребята.

— А вот рядом еще Марьино есть, — подсказала Настя. — И туда, верно, партизаны тоже наведывались.

— Знаете что, ребята! — вдруг предложил Митя. — Давайте их проводим. Они же дороги не знают. Соберемся как-нибудь вместе и пойдем.

— Значит, у нас теперь целый отряд будет, — обрадовался Женька. — Целый отряд следопытов!..

— А что! — подтвердил Митя. — Отряд и есть.

Всю дорогу до самого дома Женька строил разные планы. Уже совсем недалеко от дома, когда мы проходили мимо ряда высоких тополей, Женька вдруг подпрыгнул и ловко поймал в кулак слетевшую с дерева бабочку — с черными крыльями, по которым будто перевязь, шла голубая полоска.

— Катокала фраксини, — сказал я почти машинально. — Голубая ленточница... И зачем ты, Женька, ее поймал? Нам теперь будет не до бабочек.

Женька ничего не ответил. Только пристально взглянул на меня. А потом достал из кармана коробку и бережно засунул в щель голубую ленточницу.

Драгоценный подарок

— Долго же вас продержал Михаил Федорович, — сказала тетя Даша, когда мы пришли домой. — Наверно, про всю свою жизнь успел рассказать?

— Он только про войну рассказывал, — отозвался я. — Про партизана, которого прятал в погребе.

— Знаю, — кивнув, сказала тетя Даша. — Теперь то это уже всем известно.

Когда тетя Даша начала разливать по тарелкам суп, наверху хлопнула дверь, и ступеньки лестницы заскрипели под шаркающими шагами спускающегося к нам Ивана Кузьмича.

— Ну, историки,— весело проговорил он, усаживаясь за стол,— как успехи?

— Кое-что узнали,— сдержанно ответил Женька.

— Иногда и кое-что — это уже немало,— произнес Иван Кузьмич. Он отломил кусочек хлеба.— Ну, так о чем же вы узнали?

Я начал рассказывать. Иван Кузьмич внимательно слушал. Конечно, я рассказал все гораздо быстрее, чем Михаил Федорович.

— Да-а,— протянула тетя Даша.— Хороший он человек, старый Григорьев. И вот ведь — всю семью потерял. Два брата с фронта не вернулись... Сестра тоже померла...— Она помолчала и добавила, вздохнув: — Много хороших людей не возвратилось...

Неугомонный Женька готов был лететь к Егору Алексеевичу Прохорову тотчас же, после обеда. Но я так наелся, что не мог двинуться с места.

— Знаешь что, Жень,— сказал я,— давай лучше, как Митин дедушка говорил, список составим. Потом покажем сразу Афанасию Гавриловичу, когда он вернется, и узнаем, кого в том списке не хватает.

Усевшись за столиком в нашей комнатке, мы разложили перед собой все документы и бумаги. Я раскрыл наугад красноармейскую книжку, не слишком пострадавшую от времени и сырости. На первой ее страничке стояли фамилия, имя и отчество — Андрей Васильевич Степняк. Женька переписывал фамилии из партийных билетов.

«Громов Яков Петрович...— выводил он на бумаге.— Рузаев Платон Никифорович...» Я заглянул в документы коммунистов. Их карточки в партийных билетах можно было хорошо рассмотреть. Громов худощавый. Лицо тонкое, а глаза пристальные, смотрят внимательно. Курчавые волосы... Нос с горбин-

кой... Платон Никифорович Рузаев круглолицый. В глазах смешинка.

— Ты что задумался? — Женька ткнул меня в бок кончиком карандаша.

— Ничего, Жень, я так...

Я потеснил Женьку за столом и принялся читать список. «Вересов Павел Николаевич... Громов Яков Петрович... Рузаев... Степняк... Парфентьев... Головановский...» Это фамилия из орденой книжки. Головановский Прокофий Иванович, награжден орденом Трудового Красного Знамени. И фотографическая карточка есть. Уже пожилой человек, лет сорок пять — не меньше. Наверно, рабочий...

А вот фамилия из пропуска. Пропуск на фабрику. На обложке можно разобрать тисненые буквы: «Фабрика «Коммунар». А фамилия — внутри книжечки — Дмитриев. И имя с отчеством есть: Константин Александрович. И где она, такая фабрика «Коммунар»?..

— Слушай, Женька, — сказал я, прочитав список до конца. — А ведь ты не записал Афанасия Гавриловича!

— Ой, Серега, верно!

— И Клаву Муравьеву...

— Опять правда!

— А Федорчук-то! — воскликнул я. — Микола Федорчук, с которым Афанасий Гаврилович в разведку ходил!..

— Есть Федорчук!..

Женька торопливо принялся выписывать имена. Я смотрел, как он выводит строчки, и гадал: поделиться с ним своими мыслями о Клаве Муравьевой или нет.

— С Федорчуком пятнадцать, — подытожил Женька. — Все равно девяти человек не хватает. То

ли, Серега, у них документов не было, то ли не успели те документы в гильзу вложить...

И тут я решился.

— Послушай, Жень, что, если в отряде не было никакого предателя?

— Как это не было?

— А так. Может быть, под пыткой Клава не выдержала...

— Что-о?..— Глаза у Вострецова буквально вылезли из орбит.

— Ну не то, чтобы не выдержала... Просто в бреду выдала, где тропы в болотах...

— Ты, Серега, с ума, видно, сошел.— Женька произнес это как-то очень тихо, свистящим шепотом.— Может, у тебя, Серега, у самого бред?.. Сообщаешь, что говоришь?

— Да я же не говорю, что это так в точности было,— смутившись, поспешно стал отказываться я,— только предполагаю...

— Предположитель какой! — крикнул вдруг Женька.— Да у Клавы немцы отца замучили, дом спалили... Она их знаешь как ненавидела!..

— Так ведь не нарочно же она...— говорил я, жалея уже, что начал этот разговор.— В бреду, может быть...

— В бреду? А кто немцам сообщил, что в городе раненый партизан скрывается? А почему Клаву на улице схватили из всех прохожих одну? Ну, отвечай, почему?

— Может быть, фашисты и не знали про нее, а просто устроили облаву,— слабо открещивался я.

— Что-то у тебя все очень просто получается.

— Ну да... А Клаву схватили... Ведь Михаил Федорович сам говорил, что ее многие знали в лицо.

— Так и знали немцы, что Клава к партизанам ушла!

— А если не знали, то почему же ее схватили?

— Потому, что предатель, который в отряд к партизанам пробрался, сообщил заранее: придет, мол, в Зареченск разведчица-партизанка. Ясно?

Да, мне все теперь было ясно. Конечно, Женька прав.

И в этот миг вдруг за нашими спинами раздался громкий голос:

— И может быть, вы совершенно правы...

Мы оба разом обернулись. Возле двери стояла тетя Даша и рядом с ней какой-то человек лет тридцати или, может быть, поменьше, светловолосый, синеглазый и загорелый. Растерянно смотрели мы то на улыбающуюся тетю Дашу, то на этого неведомого нам человека.

— Давайте знакомиться. Левашов. Зовут меня Василий Степанович. Я работник областного музея.

Бывает так, что сгоряча сделаешь какую-нибудь глупость, а после — иногда через час, а порой через день — начинаешь жалеть о ней. И думаешь и мучаешься — хорошо было бы сделать все по-другому...

Вот об этом и думал я, проснувшись очень рано на следующий день и вспоминая обо всем, что произошло у нас с сотрудником областного музея Василием Левашовым.

Он увез с собой все: все партизанские бумаги и документы. Даже позеленевшую гильзу от снаряда и ту прихватил. От нашей замечательной находки остались у нас только переписанные Вострецовым письма да список пятнадцати человек, среди которых, кстати, не оказалось ни одного по имени Тихон.

Василий Степанович очень долго беседовал с нами. Он рассказал, что каждый партийный документ

строго учитывают — ведь комсомольским или партийным билетом запросто может воспользоваться враг. А те документы, что мы нашли, еще не сняты с учета. С тех пор — с сорок первого года...

— Я уверен, — сказал он, — специалисты прочитают больше, чем сумели прочесть вы. Хотя и вы, конечно, сделали немало.

Он очень нас расхваливал. Наверно, потому-то мы и развесили уши. А после и вовсе поразевали рты. Василий Степанович принялся рассказывать, как работают ученые, восстанавливая тексты различных документов.

— Например, ученые, занимающиеся творчеством Лермонтова, — рассказывал наш удивительный гость, — долго спорили о том, принадлежит ли перу великого поэта сказка «Ашик-Кериб». Почерк в рукописи не очень был похож на лермонтовский. И опять же эксперты доказали, что рукопись эта принадлежит лермонтовскому перу. Оказывается, специалисты эти и музыкой занимались. Да, да... Когда-то, давным-давно, единственный экземпляр нотной партитуры Чайковского — вариации на тему рококо — был выправлен немцем-скрипачом Фитценгагеном. Не понравилась этому немцу музыка Петра Ильича. Пришлось спустя много лет тщательно восстанавливать подлинный текст музыки Чайковского. А герои Брестской крепости!.. Когда наши войска освободили Брест, в развалинах крепости нашли разрозненные листки — записи защитников крепости. Тридцать один листок. Вот вроде ваших этих писем... Из них специалисты разгадали тридцать страничек. А это было не очень-то легко.

— Надо же! — покачал головой Женька.

Левашов улыбнулся.

— А если документы испортят? — спросил мой друг с большим сомнением.

— Да ты не беспокойся,— Василий Степанович улыбнулся.— В надежных руках будут ваши бумаги — ни одна не пропадет.

Потом он стал расспрашивать нас об Афанасии Гавриловиче. Тут уж мы с Женькой наперебой принялись рассказывать, как познакомились с ним в поезде, как ходили к нему в гости...

— Только он скромный очень,— посетовал я.— Ничего про партизан рассказывать не стал.

Дарья Григорьевна накрыла на стол и позвала нашего гостя отужинать вместе с нами. Но он сказал, что очень торопится и что не хочет задерживать шофера из музея, который с ним приехал, чтобы отвезти гильзу и все документы сразу же куда нужно.

— А вы не горюйте,— сказал он нам на прощание.— Я для вас фотокопии со всех документов сниму.

Обо всем этом я раздумывал, глядя в потолок, лежа на кровати и дожидаясь, когда проснется Женька. И вот он заворочался под одеялом.

— Не спишь, Серега?

— Не сплю. Думаю.

— О чем думаешь?

— О том думаю, что мы с тобой дураки. Надо было попросить этого сотрудника музея, чтобы он нам до приезда Афанаasia Гавриловича оставил документы.

— Это ты правильно говоришь,— произнес Женька, и в голосе его я различил насмешку.— Правильно говоришь, что дураки. Только не потому, что не попросили Левашова нам документы оставить, а потому что сами их не пересняли твоим аппаратом.

— Не пересняли?.. Сами?..

— Ну да. Висит твой аппарат на стенке. Только место занимает. Сфотографировал Афанаasia Гавриловича, сфотографировал Митиного дедушку — и

все. Надо было еще в Волчьем логое поснимать. И нужно было все документы переснять, до единого. Мы же все равно собирались их сдать для музея, а не себе оставить.

И снова Женька был прав, как всегда.

— Ну ладно,— произнес Вострецов.— Теперь уже нечего горевать. Давай-ка одеваться.

За столом, когда мы завтракали, у нас загорелся спор, найдут или не найдут родственников погибших партизан. Мы даже спросили на этот счет мнение тети Даши и Ивана Кузьмича — он завтракал вместе с нами. Старый жилец склонялся, что кое-кого найдут.

— А как вы думаете, Иван Кузьмич, портреты героев-партизан в музее вывешат?

— Это уж непременно.

— И Афанасия Гавриловича портрет тоже?

— Вот бы чей портрет я в музее не помещала,— вдруг вмешалась тетя Даша.— Если уж и помещать его портрет, так в милиции, в какое-нибудь «дело».

— Почему? — удивился я.

— И за что вы его так не любите, тетя Даша? — спросил Женька.

— А за что его любить, хапугу? — сердито отозвалась тетя Даша.

— Да какой же он хапуга? — воскликнул я в негодовании.— Он же герой! Партизан!..

— Был партизан, а теперь — самый настоящий жулик.— Ладно уж...— Тетя Даша махнула рукой.— Не люблю я, если говорить по чести, в чужие дела соваться. А вам расскажу. Уж очень вы от него в восторге. Не нравится мне это. Вы небось думаете, что он, Шкворнев-то, на самом деле по делам ездит? Да спекулировать он ездит. Ягоды, фрукты из своего сада продавать. Наберет полны корзины и везет туда, где клубника да яблоки подороже.

Я вспомнил, как удивился в поезде, увидев огромную пустую корзину Афанасия Гавриловича, перепачканную красным соком ягод. Пораженный, сидел я и отказывался верить своим ушам.

— Вот так штука, Серега...— Это было первое, что произнес Женька, когда мы очутились в нашей комнатке.

Внезапно в дверях раздался торопливый стук, и мы услышали Митин голос:

— Женя с Сережей дома? Здравствуйте, Дарья Григорьевна.

— Здравствуй, Митя,— послышалось в ответ.— Дома они, проходи. Как там дед-то себя чувствует? Не болеет?

— Ничего,— сказал Митя.— Спина только побаливает. Он говорит — это к непогоде.

Тетя Даша рассмеялась:

— Михаил Федорович у нас как барометр.

Женька распахнул перед Митей дверь, чуть не стукнув его по лбу. В руке у Мити я заметил свернутую в трубочку тетрадку.

— А я думал дома вас не застаю,— оживленно произнес Митя.— Ну что, были вчера у дяди Егора?

— Не успели,— отозвался Женька.

— А список составили? Мне дедушка велел: зайди и узнай, нет ли среди тех партизан Тихона.

— Нету Тихона,— с сожалением ответил Женька.— И документов, и бумаг, и гильзы — ничего у нас больше нет.

Митя вытаращил глаза.

— Как это нет?

— А так вот — нету. В музей уехали все наши бумаги.

И Вострецов принялся с грустью рассказывать о вчерашнем нашем голубоглазом госте — сотруднике областного музея Левашове.

— Ну ладно,— говорил огорченно Женька, заканчивая эту историю.— Мы все равно хотели бумаги в музей передать. Но Левашов этот обещал нам копии прислать. А ведь мы можем раньше уехать, чем он нам их пришлет. И как это я раньше не сообразил переснять с бумаг копии!.. И аппарат — вот он! — на стенке висит. И фотограф свой — вот он! — сидит, как воробей на заборе!..

Не знаю, почему вдруг я оказался похож на воробья, да еще на заборе. Но Женьке вообще иногда приходят в голову какие-то странные сравнения.

Подумав, Митя сказал:

— Зря ты, Женя, загоревал. Копии в музей снимут лучше, чем вы смогли бы своим «ломо». И вам непременно пришлют. Не сомневайтесь. А если и с опозданием вышлют, так Дарья Григорьевна или из нас кто-нибудь — мы перешлем, только адрес оставьте.

— Спасибо, если перешлете,— повеселев, сказал Женька.

— Подождите,— загадочно улыбаясь, произнес Митя.— Сейчас еще одно «спасибо» скажете. Да еще какое!

Он бережно развернул трубочку-тетрадку, раскрыл ее и вытащил пожелтевший листок бумаги.

— Вот. Берите. Дедушка вам велел передать.

Это была партизанская листовка! Та самая, которую так долго хранил у себя в комодке Михаил Федорович Григорьев.

Ненависть сильнее страха

Если говорить честно, то после того, как все наши документы и бумаги увез с собой Василий Степанович Левашов, у меня опустились руки. Для чего

было идти к Егору Алексеевичу Прохорову? Для чего шагать в Печурово или в Марьино? Я не верил, что Левашов сдержит свое обещание. Мало ли у него дел в музее!.. Ну, пообещал и забыл. Нужно ли ему возиться со всякими фотокопиями... Но зато все изменилось, когда Митя принес листовку — настоящую партизанскую листовку, подлинник, а не копию. Я снова воспрянул духом.

К Егору Алексеевичу Прохорову мы решили идти не медля, вместе с Митей. Тот сказал, что дядя Егор в прошлом году вышел на пенсию и мы можем заставить его дома.

— А спина-то у дедушки неспроста болела, — сказал Митя, когда мы вышли на улицу. Он кивнул, указывая вверх на небо. — Занепогодит к вечеру.

По небу, временами закрывая солнце, быстро мчались грозные облака. Громоздясь друг на друга, будто снежные горы, от края до края неба, чтобы общими силами обрушить на землю ливень.

Не доходя нескольких дворов до калитки дома, где жил Афанасий Гаврилович, я вдруг невольно замедлил шаг. Впереди шел человек. Я сразу же узнал знакомую коричневую кепку. Конечно, это был тот самый незнакомец, которого мне уже приходилось видеть. Пройдя мимо знакомой калитки, человек на мгновение приостановился и, быстро оглядевшись, сунул что-то в щель. Мне показалось, что это был конверт.

Странное и тревожное чувство вдруг охватило меня. Кто этот незнакомец? И что ему нужно от бывшего партизана?

— Эгей! — внезапно прозвучал позади нас звонкий возглас. — Эгей, следопыты!..

Мы обернулись все разом. К нам спешили Игорь и Федя. Я тотчас же позабыл о странном незнакомце.

— Куда собрались? — осведомился подбежавший Федя. — Уж не к д-дяде ли Егору?

— К нему, — кивнув, ответил Митя.

— И не с-совестно? Б-без нас... — Федя был явно обижен, и от обиды больше обычного заикался.

— Конечно, — тоже с обидой поддержал его Игорь.

— Неудобно, Федя, к незнакомому человеку являться с утра да еще целой толпой, — объяснил Женька.

— Это д-для вас он незнакомый, — кипятился Федя, — а для нас просто дядя Егор.

— А что, в самом деле, — примиряюще объявил я, — ну, придем мы трое, ну, придем пятеро. Не все ли равно?

— Конечно, он не прогонит, — подтвердил Митя.

Вот так и получилось, что на Советскую мы двинулись почти всем нашим отрядом следопытов.

По дороге Федя говорил не умолкая.

— Вот вы про товарища забыли, а я про вас не забыл. Ну ладно, отряд у нас есть. А штаб? Г-где мы с-собираться будем?

— У тети Даши нельзя, — произнес Женька. — Ивану Кузьмичу помешаем.

— И у нас тоже... не очень, — с огорчением заметил Митя. — Отец с матерью с работы усталые приходят.

— Вот то-то и оно! — обрадованно воскликнул Федя. — Н-ну н-ничего, — добавил он таинственно. — Я знаете какое место выбрал!..

— Какое? — разом откликнулись я, Женька и Митя.

— В-вот увидите!

— Да ты не тяни, говори.

— Не хотите идти сейчас, — упрямо говорил Федя, — пойдем после.

Неказистый одноэтажный домик, где жил Егор Алексеевич Прохоров, был таким же, как десятки других домов в Зареченске. За невысокой оградой в садике на куче песка возился малыш лет пяти.

— Эй, Петушок! — окликнул его Федя. — Дедушка дома?

Малыш посмотрел на всех нас внимательно и вдруг, сорвавшись с кучи, помчался к дому; он кричал во все горло пронзительным и звонким голосом:

— Дедушка! К тебе пионеры пришли! В галстуках!..

— Эгей! — отозвался из дома веселый бас. — Которые такие в галстуках? — И на пороге застекленной террасы показался рослый лысоватый человек в очках, с молотком в руке. — Заходите, заходите, — радушно пригласил он нас, поднимая очки на лоб.

Старательно пошаркав ногами по проволочной сетке у порога, мы гуськом вошли на террасу. Дядя Егор указал нам на скамейку возле небольшого столика.

— Рассаживайтесь и рассказывайте, какие ветры вас ко мне занесли. По носам вашим вижу, что дело важное.

Федя пощупал свой нос и засмеялся. А Митя стал объяснять, кто мы с Женькой такие. Услышав, что Вострецов — племянник тети Даши, Егор Алексеевич тряхнул лысеющей головой.

— Знаю Дарью Григорьевну. И мужа ее покойного знал. Отличный был человек, душевный и честный.

Он говорил решительно, громко, отрывисто. Я вспомнил про молоток, который был у него в руке, когда он вышел на крыльцо, и подумал, что дядя Егор, наверно, очень энергичный старик.

Пока я раздумывал над этим, Женька успел рассказать о нашей находке. Он упомянул о том, что мы уже были у Митиного дедушки и что как раз он-то и дал нам адрес дяди Егора. Потому что Прохоров был в лесу с заготовщиками в тот день, когда из лесной чащи вышел к ним партизан в военной шинели и в фуражке с красной звездой.

— Верно,— кивнув, подтвердил Егор Алексеевич.— Было такое. Мы тогда, как обычно, в лес пошли. Пятеро нас собралось. Спиридонов Родион... Потом еще Сергей Пономаренко. Ну я — третий. Четвертый — Петров Денис. Пятый... Кто же пятый был? А! Степанов Данила. Здоровущий мужик... На голову меня ростом выше.

В лес мы к полудню пришли. Четыре тележки с собой прикатили. Мы на них укладывали бревна и возили в город, на лесопилку. По четыре бревна на две тележки. Ну, я полагаю так, что Данила и один такой груз сдвинул бы. Только мы себя работой тогда не стали изнурять. Какая охота на немцев работать? За день только восемь бревен доставляли. Двое спереди тянут, двое сзади толкают, а пятый, лишний, стало быть, следит, как бы бревна от тряски не разъехались.

Ну вот, в тот день начали мы деревья валить. А партизаны, видно, давно уже к нам присматривались. Знали, что с нами фашистов нет. И вышел ихний командир к нам открыто. Это мы уж после решили меж собой, что он партизанский командир. А сразу-то все только рты поразевали. Как же иначе? В красноармейской шинели человек. Звезда на фуражке.

Вышел он к нам, на пенек присел, кисет вытащил, бумагу, самокрутку свернул. «На немцев,— говорит,— работаете». Стали мы ему объяснять, что гитлеровцы в лес посылают только семейных. Рабо-

таем, мол, под страхом — детей погубят. Он послушал, нахмурился. Кресалом огонь высек. Закурил. Ничего больше нам не сказал и стыдить не стал. А начал расспрашивать, сколько в городе немцев, как вооружены, нет ли склада боеприпасов. Еще спросил, кто из жителей в полицаи пошел служить. Все мы ему поведали: и сколько фашистов, и где комендатура. Про Хорькова — самого главного гада — тоже рассказали. Он все очень внимательно выслушал, а после стал спрашивать, не знаем ли мы верных Советской власти людей в городской больнице и на железной дороге. Стали и мы его в свою очередь расспрашивать: скоро ли конец фашистской неволе, скоро ли наша Красная Армия на помощь к нам придет? Выслушал он нас и говорит: «Придет Красная Армия. Не было такого случая, чтобы она наших людей из беды не выручила».

Назвать тому партизанскому командиру людей, верных Советской власти, было нетрудно, — говорил Егор Алексеевич. — Таких людей в городе было много. Гораздо больше, чем полицаев и прочих фашистских прислужников вроде Хорькова. Родион сразу же назвал свояка Арсения, его жена Родионовой жене родной сестрой доводилась. Работал он смазчиком на станции. Тоже не своей охотой пошел. Немцы пригрозили, что его самого и всю его семью в лагерь угонят, если работать на них не станет. Но мы-то знали, как он буксы у вагонов смазывает. Почему только те вагоны в пути не загорались — не ведаю. Ну а насчет верного человека в больнице, так надежнее доктора Лидии Викторовны Старицкой, пожалуй, было и не найти. Это мы все в один голос подтвердили.

Командир задумался, ладонью подбородок потер. Должно быть, запоминал имена. А потом спрашивает: «Ну а вы, товарищи, хотите Советской власти

помочь поскорее гитлеровцам шею свернуть?» Ясное дело, мы все сказали, что хотим. И были тогда получены нами, каждым, особые задания. Родиону — переговорить со свояком, выяснить, какие у того настроения; Степанову Даниле и Денису Петрову — составить примерный распорядок смены патрулей ночью и план их маршрутов; Сергей Пономаренко такое задание получил: разузнать, есть ли у гитлеровцев в городе взрывчатка, и если есть, то где они ее хранят. И у меня задание было: установить точно, в какой комнате в заготовительном пункте стоит пишущая машинка, и поговорить с докторшей Лидией Викторовной, сможет ли она раздобыть для партизан бинты, йод, вату и разные лекарства. А кроме того, было у нас всех одно общее задание: расклеить по городу партизанские листовки.

— И вы расклеили? — не вытерпев, воскликнул я.

— Ну а как же? — даже удивился дядя Егор. — Той же ночью. Этих листочков нам в тот раз командир дал целую пачку. Мы их разделили. Каждому досталось штук по десять. Я свои в сапог спрятал, под портянку. А за полночь выглянул на улицу, вижу: патрульных нет. Я шасть за ворота, и на соседний дом, на свой забор, на телефонный столб — всюду расклеил. Утром-то, правда, гитлеровцы их все посрывали, но много тех листовков люди успели прочесть.

— А не страшно было их дома держать, дядя Егор? — спросил Митя.

— Как же не страшно? — откликнулся Прохоров. — Ведь за один такой листок Хорьков старика Лукьянова на месте застрелил. За пачку листовок фрицы наверняка бы всю мою семью загубили. — Егор Алексеевич помолчал и произнес, взглянув на всех нас: — Страшно-то страшно, да только нена-

висть наша к врагам проклятым посильнее страха была.

— А вы после еще виделись с тем командиром в лесу? — спросил Женька.

— Да с перерывами, пожалуй, раза четыре, — отвечал дядя Егор. — Он сам к нам выходил, если мы ему были нужны. Кроме него мы других партизан не видали. Однажды он попросил нас достать медной проволоки побольше, немного серы и свинца.

— Д-для чего? — удивился Федя.

— А я разве знаю? — Егор Алексеевич развел руками. — Мы и не интересовались. Надо — значит надо. Ну, свинец-то достать было нетрудно. У нас в Зареченске до войны много рыболовов было. Грузила почти у каждого в доме. И у меня лежал в сарае припрятанный кусок в добрый кулак величиною. Сера Данила раздобыл. Он неподалеку от кладбища жил, а на кладбищенских памятниках сера часто выступает — руками можно собирать. С проволокой хуже было — где ее возьмешь? Спасибо Денису, надоумил. На электростанцию пошли. Там после взрыва много катушек с медной проволокой валялось. Мы эти катушки и собрали. Вывезти их, правда, трудновато оказалось. Да на что же ум не повадлив! Привязали снизу к тележке — так и вывезли за город. Вот до сих пор не знаю, для чего все это партизанам понадобилось.

У Егора Алексеевича глаза просто искрились от радости.словно все, о чем он рассказывал, сейчас переживал снова.

— После того случая, — продолжал дядя Егор, — во всех листовках стали появляться сообщения с фронта. Да только недолго мы носили те листовки. Каратели, что в город прибыли, запретили выпускать за городские заставы местных жителей без

особых надобностей. Всюду на выездах шлагбаумы поставили, будки для часовых. Нам, лесовщикам, тоже запретили в лес ходить. Встала лесопилка. Да только листовки все равно в городе появлялись. Реже, правда, но были.

Егор Алексеевич замолчал и о чем-то задумался.

— Можно спросить? — Женька, как на уроке в школе, поднял руку.

— Спрашивай.

— Вы тогда по заданию разговаривали с докторшей? С Лидией Викторовной...

— Ясно, разговаривал. Вроде как на прием пришел.

— И она согласилась помогать партизанам?

— Конечно. А то откуда же у тех появились медикаменты? У нее с партизанами связь крепко была налажена. Да вы бы сами у нее спросили.

— Она жива?..

Женька заорал так оглушительно, что у меня зазвенело в ушах, а Федя свалился со скамейки.

— Что кричишь? — с негодованием воскликнул он. — Ж-жива, к-конечно.

— Верно, — подтвердил Егор Алексеевич. — Ее все у нас в городе знают и уважают. Лидия Викторовна — человек заслуженный. И если уж вы всерьез взялись разыскивать партизанских помощников, — добавил Егор Алексеевич, — то обязательно к Арсению Токареву зайдите, Родионову свояку.

— И он тоже, значит, жив! — воскликнул Женька.

— А ты небось думаешь, — произнес Егор Алексеевич, — что если герой, так уж и погиб? Да их сколько угодно вокруг — героев. А Токарев Арсений до сих пор на железной дороге служит. И живет у вокзала, в новом доме.

Штаб следопытов

Когда мы очутились на улице, у Женьки с Федей разгорелся великий спор. Феде не терпелось поскорее повести нас к загадочному штабу следопытов, а Вострецов твердил, что надо без промедления бежать к Лидии Викторовне Старицкой. Я в этом споре участия не принимал, потому что сам еще не знал, что будет лучше.

— Д-да ты пойми, д-дурья голова,— доказывал Федя, заикаясь больше обыкновенного.— Н-надо же нам посмотреть, где б-будет наш штаб... А п-после к Лидии Викторовне п-пойдем. Я з-знаю, где она живет...

— Вот и пойдем к ней сначала,— возражал Женька.— А штаб никуда не денется.

И тут Митя преспокойно вмешался в их спор:

— И чего вы распорились? Лидия Викторовна сейчас на работе.

Женька взглянул на Митю ошеломленно и вдруг рассмеялся. Федя захохотал тоже.

— Ладно, Федор,— сказал Вострецов, хлопнув мальчика по плечу.— Твоя взяла. Веди нас к своему штабу следопытов.

Путь оказался неблизкий. Мы прошли через весь город, мимо рынка и стали подниматься вверх по узенькой, замощенной булыжником улочке. Я шел и думал, что вот по этим самым улочкам когда-то, давным-давно, в тревожный и страшный сорок первый год ночами тайком пробирались партизанские разведчики. Шли бесшумно, готовые в любое мгновение открыть огонь по врагу. За каждым углом подстерегала их смерть. В любую секунду мог появиться на улице патруль. В любой миг могли хлестнуть по ним фашистские пули...

Твердая, как пуля, капля стукнула меня по ма-

кушке. Тучи заволокли все небо. Они ползли оттуда, где кончалась булыжная улочка. Мы шли навстречу дождю.

Словно отрезанные, внезапно оборвались дома. Слева, за белой каменной оградой, топорщились кресты. Там было кладбище. Мы свернули от кладбища направо, к оврагу, за которым буйно росла черемуха.

— Эгей, Федор,— произнес вдруг Митя.— Так ты нас к старой электростанции ведешь.

Узенькая тропинка вилась среди кустов бузины и темных кривых стволов черемухи. По ней, видно, давно никто не ходил. Наконец впереди показались очертания развалин — неясные сквозь ветки кустов и деревьев. Затем тропинка круто свернула влево, и перед нами из расступившихся кустов выросло мрачное здание. Высокие проемы окон зияли темными провалами.

— Ну что? — спросил Федя громким шепотом.— Здорово? Сюда ни одна ж-живая душа не ходит.

И вдруг, словно в ответ на его слова, неподалеку затрещали кусты. Мы все замерли, вглядываясь в заросли на краю овражка. Но шум смолк так же внезапно, как и возник.

— Дерево, наверно, завалилось,— высказал предположение Митя.

— А может, птица,— возразил Федя.

Внутри здания был полумрак. Сквозь разбитые окна и дырявую крышу проникал рассеянный свет.

— Вот здесь и будет штаб,— торжествующе произнес Федя, очевидно, ожидая от нас похвалы.

— Ну, раз штаб,— сказал Женька,— значит, надо заседать. Объявляю первое совещание штаба отряда следопытов открытым.

Мы расселись кто где.

— Значит, так,— насупив брови, произнес Вострецов.— Давайте обсудим...

И вдруг совсем близко прозвучал тоненький голосок:

— Ребята, вы где?

Федя обрадованно закричал:

— Да ведь это Настя!

Действительно, это была она. Через минуту девочка стояла перед нами, и мы наперебой расспрашивали ее, каким образом она нас отыскала.

— А что же вас отыскивать? Мне Федя еще утром сказал, что нашел отличное место для штаба. Потом вы все прошли мимо нашего дома вверх по Красноармейской. Я сразу и догадалась, куда вы направляетесь.

— Смотри ты! — с уважением проговорил Митя.— И не испугалась одна пойти.

С приходом Насти все оживились, словно только ее здесь и не хватало. Женька бодрым голосом начал рассказывать о том, что мы уже успели сделать.

— Значит, так... У нас есть два рассказа очевидцев — Митиногу дедушки и Егора Алексеевича. Есть их портреты — Серега сфотографировал. Есть еще подлинная листовка... Нам еще нужно...

— К Лидии Викторовне сходить — р-раз,— не утерпев, перебил нашего командира Федя.— К Токареву — два... И его тоже нужно снять на карточку.

— Эх, пойти бы в Копалино! — произнес Митя.— Правда, в их школьном музее про наших партизан нет никаких материалов, но про Зареченск кое-что есть.

— Я думаю так,— решительно сказал Женька.— Нам нужно разделиться. Ну что это мы будем ходить всюду толпой? Нужно по-другому. Одна группа, например, идет в Копалино, другая — в Марьино, третья — в Печурово...

— П-правильно! — с восторгом закричал Федя.

— А потом,— продолжал Вострецов,— будем собираться здесь, в нашем штабе, и докладывать, кто о чем узнал.

На том и порешили. Решили распределиться так: Женька, наш командир, был избран самым главным начальством. Так сказать, ответственным за всю работу штаба. Митю и Игоря мы выбрали его помощниками. Остальные ребята были у них в подчинении.

Когда, покидая развалины старой электростанции, мы вышли к тропинке, я спросил у Насти:

— Так это ты пряталась вон там, в овраге? А мы-то думали медведь.

Девочка с недоумением взглянула на меня:

— Я не пряталась в овраге. Я и не была там вовсе. Я по тропинке пришла.

— Говорил я вам — это дерево обвалилось,— сказал Митя.— Там, в овраге, много гнилых стволов валяется.— Он посмотрел на небо и покачал головой.— Ну и тучи! После обеда, пожалуй, польет.

Насчет дождя Митя угадал правильно. Заморозило часа в три, как раз после обеда. Я был почти уверен, что из-за непогоды мы не пойдем к Лидии Викторовне, а Женька с Игорем и Митей не поедут на вокзал, чтобы повидать Арсения Токарева. Но напрасно я так думал. Видно, мало еще успел узнать наших новых с Женькой друзей — зареченских ребят.

Первым явился Митя. За ним спустя каких-нибудь пять минут примчался Федя. Следом за ним вместе пришли Настя с Игорем. Девочка пришла в резиновых сапожках, в непромокаемом плаще с капюшоном.

— Куда же вы собрались в эдакую непогоду? — с непритворным ужасом произнесла тетя Даша, уви-

дев, как мы торопливо одеваемся. — Живой нитки на вас не будет.

— Ничего, тетя Даша! — весело отозвался Женька. — Следопытам дождь не помеха!

Тогда Дарья Григорьевна молча вышла в сени и принесла оттуда два непромокаемых плаща — один для Женьки, другой для меня. Наряжаясь в эти немыслимые одежды, мы с моим товарищем просто покатывались от хохота. Не могли сдержаться от смеха и наши друзья.

Дождь моросил не очень быстро. А может быть, нам просто так показалось, потому что на нас были надеты плащи.

— Уговоримся так, — сказал Женька, и глаза его возбужденно заблестели. — Мы с Серегой и Настей отправимся на Ленинскую, к Лидии Викторовне. А Митя с Игорем и Федей поедут на вокзал... А вон и автобус идет.

Пассажиров в автобусе было немного. Устроившись возле окошек, все трое стали махать нам руками, словно прощаясь навеки. Особенно старался Федя. Автобус зафыркал, как взнузданная лошадь, и неторопливо покатыл вниз по улице. А мы зашагали на Ленинскую.

Широкая Ленинская улица почти вся была застроена одними каменными зданиями. В одном из них — Настя хорошо знала, в каком именно, — жила Лидия Викторовна Старицкая.

Лидия Викторовна была дома. Она сама отворила нам дверь. И хотя нужно было вперед пропустить девочку, Женька, увидев маленькую худощавую женщину, сказал:

— Извините, вы Лидия Викторовна?

— Да, — несколько удивленно отозвалась женщина.

Если бы я случайно встретил на улице эту, ничем

не примечательную женщину с усталым лицом и согнутой, словно под непосильной тяжестью, спиной, я бы никогда не подумал, что она когда-то, рискуя жизнью, помогала героям-партизанам.

— Да вы проходите, проходите,— пригласила Лидия Викторовна, пропуская нас в прихожую.

— Здравствуйте, тетя Лида,— застенчиво поздоровалась с ней Настя.

— Да ты уж не дочка ли Серафимы Прокофьевны Селезневой?— с любопытством осведомилась Лидия Викторовна.

Настя покраснев, кивнула.

— То-то я вижу, вылитая мама!.. А вас я тоже знаю,— сказала она, обращаясь к нам.— Вы живете у Дарьи Григорьевны Веточкиной? И я даже знаю, по какому делу вы пришли.— И увидев наши недоумевающие взгляды, объяснила: — Ведь это вы нашли в Волчьем лого гильзу с партизанскими письмами и документами. Проходите же в комнату.

Когда мы вошли в небольшую очень опрятную комнату — одну из двух в двухкомнатной квартире, Женька начал объяснять, для чего мы пришли.

— Так вот оно что...— проговорила Лидия Викторовна.— Вы хотите узнать, каким образом я сумела переправлять лекарства партизанам. Ну, что же, ладно, я вам все это с удовольствием объясню. Только сначала давайте я чайник поставлю. И печенье к чаю у меня есть — сама вчера напекла.

Пока она ходила на кухню, я смог как следует оглядеться. Небольшой стол расположился в комнате, придвинутый одним краем к стене. Несколько стульев со спинками и тремя продольными полосками расположилось вокруг стола, будто бы в ожидании, когда мы на них сядем. По стенам были развешаны репродукции с картин. Горка с посудой занимала часть комнаты...

Вернулась Лидия Викторовна.

— Ну вот, чайник поставлен. Скоро придет с работы сын мой — Вадим, и мы вместе сядем за стол. А пока... С чего же начать, дорогие мои гости?

— А вы расскажите с самого начала, — восторженно воскликнул Женя.

— Сначала? Ну что ж, ладно.

И Лидия Викторовна начала рассказывать:

— Когда в город вошли немцы, я работала в больнице. Уже на второй день гитлеровцы приказали очистить больницу. Все отделения — и терапевтическое, и хирургическое, и даже детское. А у нас лежали очень тяжело больные. Но комендант слышать ничего не хотел, никаких возражений. «Здесь должны отдыхать и лечиться доблестные воины великой Германии, — заявил он. — А до этого сброд — ваших больных — мне нет никакого дела». Глядела я, ребята, в ту минуту на этого поджарого рыжего немца в начищенных сапогах, в отутюженном мундире и думала: «А ведь и у тебя, наверно, в твоей Германии, есть дети. Есть близкие, родные. Так кто же вырвал из твоей груди все человеческое — уважение к людям, жалость к больным детям? Неужели Гитлер со своей бандой?»

Очевидно, многие мои товарищи — врачи — думали так же. А наш главный врач, Николай Акимович, человек прямой, резкий, тот не мог удержаться. «Для меня, — говорит, — как раз ваши солдаты — это сброд, банда убийц, грабителей, мародеров». Переводчик так и застыл: не знает — переводить или нет. Но переводить не пришлось. Комендант отлично понимал русский язык. Он подошел к нашему старому, всеми уважаемому доктору, размахнулся и ударил его по лицу. Два солдата схватили Николая Акимовича, поволокли... А через день

на рыночной площади нашего главного врача казнили.

Но еще накануне казни солдаты вышвырнули из палат всех наших больных. В буквальном смысле вышвырнули. Не выгнали, не попросили уйти. Просто выкидывали пинками всех — женщин, стариков, ребятишек — горячечных, в бреду, с высокой температурой, калек...

Лидия Викторовна закрыла лицо ладонями, опустила голову, словно и сейчас еще перед ее глазами стояла та страшная картина.

— А потом,— продолжала она, опустив руки и так крепко сцепив пальцы, что они хрустнули,— потом стали к нам привозить раненых гитлеровских солдат. Это были легко раненные. Тяжелых отправляли дальше, в тыл, в большие госпитали. А наша больница была чем-то вроде дома отдыха для этих негодяев. Фронт близко. Подлечится такой мерзавец после легкого ранения — и назад, в строй.

— И вы их лечили? — не вытерпев, с негодованием воскликнул я.

— Сначала не очень чтобы лечили,— отозвалась Лидия Викторовна.— Хотя у меня на руках был мой сын, мой Вадим, Димка. Ему тогда и пяти не исполнилось. Был он такой худенький, болезненный. Больно было смотреть... Только ради него и жила в те страшные дни. А потом пришел ко мне Егор Алексеевич Прохоров. И я сразу стала за свое место в больнице держаться. Теперь уже нужно было работать не только ради сына. Ради многих-многих сыновей надо было лечить проклятых фашистов, перевязывать их поганые раны, добиться у немцев доверия, получить доступ к медикаментам...

«Нужна ваша помощь»

В прихожей хлопнула дверь. Лицо Лидии Викторовны озарилось ласковым светом.

— Это Вадим.

Мелкими быстрыми шажками, сухонькая, маленькая, она побежала встречать сына. Он вошел в комнату, сухощавый, чем-то неуловимо похожий на мать. Пока Вадим Дмитриевич здоровался с нами, весело пожимая всем руки, Лидия Викторовна хлопотливо накрывала на стол. Настя бросилась ей помогать. Они вдвоем расставляли чашки, блюдца, розетки для варенья... Лидия Викторовна достала из буфета вазу с домашним печеньем.

Вадим был веселый и добрый. Мы сразу же как-то незаметно для себя перелезли с дивана на стулья за столом.

Лидия Викторовна чай почти совсем не пила. Она влюбленными глазами смотрела на Вадима Дмитриевича, который рассказывал веселую историю про то, что стряслось у них на работе. Но я слушал ее вполуха и смеялся из вежливости. Мне хотелось услышать продолжение истории о героической помощи партизанам.

Я искоса посматривал на Женьку и видел, чувствовал, что его тоже крайне интересуется все, связанное с партизанами. Наконец Вадим Дмитриевич спохватился:

— Да что же это я? Вы, мне думается, пришли про партизан послушать, а я вас всякими пустяками занимаю. Продолжайте, мама.

— Ну вот, можно и продолжать. На чем же мы остановились?

— Вы рассказывали, как сначала было плохо работать в больнице, — напомнил Женька. — А потом, когда пришел Егор Алексеевич Прохоров...

Лидия Викторовна ненадолго задумалась, потом ласково взглянула на Вадима, тут же посерьезнела и снова повела свой рассказ:

— Это случилось приблизительно дней через пять или через неделю после казни нашего Николая Акимовича. Как раз за день до того комендант разрешил нескольким нашим врачам принимать местных больных. Видимо, гитлеровцы испугались, что в городке могут начаться эпидемии. Ну, конечно, принимали врачи наших больных не в больнице, а в бывшей конюшне неподалеку. Конюшня была переделана под амбулаторию для местных жителей. И принимать больных комендант разрешил в те часы, когда заканчивались наши дела в госпитале.

Болезни в ту пору начали свирепствовать вовсю. Особенно тяжело переносили их дети. В те немногие часы, которые были выделены нам для осмотров, мы не успевали принимать всех больных. И вот как-то раз на прием ко мне пришел Егор Алексеевич Прохоров. «Что у вас?» — спрашиваю. А он глядит на меня как-то странно. Потом говорит: «Кашель». Стала я выслушивать его легкие. Он ко мне спиной стоит. А в легких все чисто. Ни малейшего хрипа. Попросила повернуться, начала прослушивать сердце. Тут-то он мне и сказал, шепотом, едва слышно: «Лидия Викторовна, вы не думайте, что я симулянт. Я здоров, совершенно здоров. Но пришел к вам по делу. Вы, — говорит, — я знаю — советский человек. Так вот... Есть люди, которым нужна ваша помощь...» Стетоскоп у меня в руках, чувствую, потяжелел. Говорю: «Дышите. Не дышите...» — и сама себя не слышу. И ударов его сердца не слышу тоже. Зато голос его, шепчущий, едва различимый, словно гром, бьется в ушах: «Согласны вы, Лидия Викторовна, помочь партизанам?» Я только кивнула чуть-чуть.

Уж не помню, какой я диагноз поставила. Не помню, какое лечение назначила. Пациент-то мой здоров был. Кажется, я сказала, что у него катар. А в дверь уже стучат — очередь волнуется: скоро ли? Я быстро написала на рецептурном бланке: «Сообщите, что надо делать. В лес уйти не могу — сын болен». Сунула ему рецепт и вместе с ним к двери. Говорю: «Принимайте по три раза в день...» Пока говорила, он записку прочитал, кивнул: «Ждите».

С трудом дождалась я следующего вечера. Но Егор Алексеевич в тот вечер так и не пришел. Не было его и на другой день. Он появился на третий вечер. Опять я стала его прослушивать. И он передал мне записку. Шепнул: «Сожгите». Я прочла: «Нужны медикаменты. Можете ли достать? Сообщите». И подпись — «П».

— Это, наверно, сам командир писал! — не удержался я.

— Почему ты думаешь, что командир? — спросил Вадим.

— А нам Митин дедушка рассказывал, как он раненого партизана прятал в погребе. Тот тоже записку написал и подписался «П».

— Может быть, и эта записка была от командира, — произнесла Лидия Викторовна, — но для меня с ее получением наступили самые трудные дни. Я сказала Егору Алексеевичу, что медикаменты достану, чего бы мне это ни стоило. Попросила только узнать, какие медикаменты нужны и много ли. Через день он принес список. Нужны были и йод, и бинты, и вата, и желудочные таблетки... Одним словом, была нужна целая походная аптечка. И вот стала я завоевывать доверие у гитлеровцев, чтобы получить доступ к лекарствам.

Нелегко это было. Как приходилось сдерживать себя! Будто бы отвратительную микстуру пьешь. Противно, но знаешь, что пить нужно — в этом спасение. По клочку ваты, по бинтику, по таблетке я собирала для партизан посылку. И наконец наступил день, когда ее можно было бы отправить в лес. Но как? Всюду патрульные заставы... Егор Алексеевич, узнав, что посылка готова, снова сказал: «Ждите». И наконец я дождалась.

Как-то вечером на прием ко мне пришла девушка. Девочка почти. В платке, в стареньком платьице. Я не сразу узнала Клаву Муравьеву, дочку казненного гитлеровцами лесника. Она очень изменилась. Но меньше всего я могла ожидать, что Клава Муравьева — посыльная от партизан.

— Так, значит, Клава Муравьева к вам пришла! — воскликнул Вострецов.

— Ко мне, — кивнув, подтвердила Лидия Викторовна. — Она приходила три раза. А я за это время примерным поведением да хорошей работой настолько завоевала расположение у начальника госпиталя, так он мною был доволен, что удалось мне сделать многое.

Однажды я пришла к нему и попросила осмотреть моего сына. И чего только я ему не плела! Чем не пыталась улестить. Говорила, что при Советской власти врачей готовили наспех, ничего-то, мол, они не умеют, ничего не знают. И ведь клюнул он на приманку — пришел, осмотрел Димку. Ясное дело, поставил диагноз — крупозное воспаление легких. А у Димки тогда еще экзема началась — недоедал он. Уж как я благодарила этого надутого индюка! Сейчас вспоминать и смешно и стыдно. Но зато немец разрешил мне брать для сына лекарства в госпитальной аптеке. Партизанам моя хитрость, конечно, пригодилась.

— А Клава? — снова спросил Женька. — Когда ее схватили, она тоже к вам шла?

— Да, ко мне, — прозвучало в ответ. — Если бы от меня, то не было бы сейчас на свете ни меня, ни Димки... Ее долго пытали. Дознавались, к кому она шла, зачем, с кем у нее в городе связь... Ничего она не сказала. Так и погибла молча. Оружия при ней не нашли. Никаких документов... Но откуда фашисты могли дознаться, что Клава в партизанском отряде? Откуда им было известно, что она именно в этот день придет в город?.. Помню, тогда еще слух прошел, что Клаву предали. Но кто мог ее гитлеровцам выдать?..

— А вам Клава ничего не говорила? — спросил Женька. — Может быть, партизаны кого-нибудь подозревали?

Лидия Викторовна покачала головой:

— Нет, Клава об этом ничего не говорила. Я думаю, что если в отряде и был предатель, так партизаны его принимали за настоящего бойца, доверяли ему и ни в чем подозревать не могли. А с Клавой мы вообще почти не разговаривали во время ее визитов. Правда, однажды... Это произошло во время последнего ее посещения, за неделю до того, как ее схватили... За окнами, на улице, раздалась песня. Идиотская песня, одна из тех, что обычно пели гитлеровцы, шагая куда-нибудь строем. Клава услышала голоса фашистов — высокие, крикливые, и я увидела, какой ненавистью загорелись ее глаза. Губы дернулись от гнева...

Только такой безмозглый человек, как я, мог подумать хоть на секунду, что Клава Муравьева, партизанка, дочь погибшего героя, не устоит под пытками, откроет гитлеровцам тайну лесных и болотных троп!..

Вечером, уже в темноте, под все усиливающимся

дождем, мы с Женькой возвратились домой. За столом мирно сидели, тихо о чем-то беседуя, тетя Даша и Иван Кузьмич. Перед ними красовалась большущая тарелка с румяными оладьями, стояла вазочка с вареньем. У меня сразу же рот наполнился сладкой слюною.

— А вот и наши дорогие детушки,— хлопотливо привскакивая, всплеснув руками, обрадованно воскликнула Дарья Григорьевна.— Сейчас я ужин подогрею... Чайник тоже на плиту поставлю.

День, переполненный событиями

Нет, кажется, ничего на свете противнее, чем затяжной, унылый, надоедливый до крайности дождь. То ли дело гроза. Уж налетит, так налетит — с молниями, с громовыми раскатами, с таким ливнем, что стоит лишь на мгновение выскочить из дома на улицу, и нет уже на тебе сухой ниточки. Но наперед знаешь, что промелькнет гроза, промчится, отгремит, отсверкает молниями, и вновь еще чище, еще просторнее засияет над миром синее небо, веселое солнце!..

Хорошо еще, что есть у нас верные друзья — зареченские ребята. На другой день они всей ватагой наведались к нам. Тетя Даша долго распаковывала их, снимая с мальчишек плащи и вешая их возле печки просушить.

— Только не шумите,— предупредила всех Дарья Григорьевна, кивком указывая на потолок, где у себя в каморке работал Иван Кузьмич.

Митя понимающе ответил таким же кивком и, сняв в сенях башмаки, что, впрочем, сделали и остальные, сопровождаемый Игорем, Федей и нами, прошел в нашу комнатку.

Там мы поделились с ребятами своим рассказом о том, что узнали от Лидии Викторовны; затем стали слушать, что узнал у Арсения Токарева Митя.

— Партизаны Токареву такой же наказ дали: завоевать у гитлеровцев доверие. А делать то, что прикажут ему партизаны. Ну, он и стал завоевывать. Он говорит: вовремя такой приказ мне дали, а то бы несдобровать. Дня через три на станции проверка была. Приехал какой-то гестаовец с командой немцев-техников и стал проверять, как смазчики, сцепщики, ремонтники работают. А Токарев тогда первый раз буксы хорошо смазал. Тот гестаовец первым делом в буксы полез. Проверили. Все в порядке. Похвалили Токарева. А двоих железнодорожников забрали. В машину — и увезли. Какие-то неполадки были найдены...

Я заметил, что маленькому Феде не сидится на месте. Он то и дело порывался вскочить с места и вставить словечко. И всякий раз Игорю приходилось одергивать его.

— А задание-то ему какое было? — в нетерпении спросил Женька.

— Задание, значит, такое... Расписание поездов партизанам переправить — раз; сообщать, что везут, — два.

— А как же он сообщал?

Тут уж Феде удалось вставить словечко:

— С обходчиком одним...

— Точно, — кивнул Митя, — с обходчиком. Немцы сами путь проверяли. Человек пять ходили в обход. Ну а с ними всегда шли ремонтники. Человека два-три. Если путь поврежден, гитлеровцы заставляли чинить тут же. Вот один обходчик такой...

— С-семен Гудков! — снова выкрикнул Федя.

— Точно, Гудков, — подтвердил Митя. — Он и вызвался.

— И он что же, передавал прямо на глазах у фашистов? — изумился я.

— Сдурел ты, Серега! — Женька даже руками всплеснул. — Ляпнешь иногда, не подумав.

— Нет, Сережа, — спокойно объяснил Митя. — Он от Токарева записки получал. Малюсенькие. В шарик ее скатаешь, она меньше ногтя. Нам сам Токарев показывал. Ее запросто проглотить можно, если что... Вот Гудков скатает такую записочку, спрячет за щеку и идет. А в условленном месте — у них такое было на двенадцатом километре, напротив расщепленной молнией сосны, — в этом месте наклоняется Гудков, ну, будто бы гайки на рельсах рассмотреть, а сам проткнет в земле пальцем дырочку и записку туда сунет.

— Вот здорово!

— Он почти целых три недели так записки носил, — продолжал рассказывать Митя. — Пять фашистских поездов тогда с рельсов сошло.

На лестнице послышался скрип под шагами спускающегося человека. Мы поняли, что это Иван Кузьмич отправляется на свой очередной моцион. В сенях он, видно, столкнулся с тетей Дашей. Пслышались голоса.

— А Иван Кузьмич опять на прогулку пошел, — сообщил я, словно это и так не было всем ясно.

— Надо бы сбегать к Егору Алексеевичу, — раздумчиво произнес Женька. — Узнать у него, живы ли Денис Петров и Сергей Пономаренко.

— Б-бежим! — первым срываясь с места, вскричал юркий Федя.

И ведь не зря мы прыгали через лужи и мчались под дождем из одного конца Зареченска в другой. Оказалось, что и Денис Петров, и Сергей Пономаренко живы. Они воевали, вернулись домой с орденами, с медалями, а потом уехали — Пономаренко

к единственной оставшейся у него в живых сестре в Киев, а Петров — в Архангельск: его туда звал однополчанин, который еще до войны работал там на лесоперерабатывающем заводе.

— Адреса Пономаренко я не знаю,— с сожалением сказал дядя Егор.— Да он и сам в то время не ведал, отыщет ли свою сестру. Шутка ли, всю оккупацию при гитлеровцах в Киеве жила!.. А вот насчет Дениса...— Егор Алексеевич полез в шкаф и достал небольшой деревянный ящичек, перетянутый бечевкой. В ящичке оказались пачки писем.— Все от друзей,— объяснил Прохоров.— И вот это как раз от Дениса, из Архангельска.— Дядя Егор протянул нам конверт.

Переписав адрес Петрова, мы ушли от Егора Алексеевича воодушевленные.

— Вот это удача так удача,— возбужденно говорил Женька, когда мы возвращались домой.— Сегодня же напишем в Архангельск.

— А в Киев как же? — напомнил я, откидывая на спину капюшон, чтобы лучше было слышно.

Но тут на помощь пришел шустрый Федя.

— Д-да ведь в к-каждом городе есть адресное бюро!

— Верно! — вскричал Женька, хлопнув Федю по спине так, что тот закашлялся.— В Киев тоже напишем. Имя и фамилию знаем. Где раньше человек жил, тоже знаем...

Молчавший все это время Игорь нерешительно произнес:

— К бабке Анне бы сходить...

— К кому, к кому?

И тут наперебой заговорили все, бесцеремонно перебив Игоря:

— Точно, к бабке Анне!.. Она партизан видела...

— Только, — резонно проговорил Митя, — сначала нужно пообедать, а после уже идти.

Нужно ли говорить, что мне в те минуты было совсем не до обеда. Но Митя настаивал. Да и Женька тоже с ним согласился. Я вздохнул и кивнул, соглашаясь.

Но какой же может быть обед, когда нас ждет еще одна удивительная встреча! Сидя за столом, я в нетерпении поглядывал на часы, висевшие в простенке, совершенно позабыв, что в тарелке у меня остывает суп. Однако все случилось совершенно иначе, и к бабке Анне нам с Женькой идти не пришлось.

После обеда Женька ушел в нашу комнатку, чтобы заняться коллекциями, а я сидел за столом в зале, с нетерпением поглядывая на часы, дожидаясь, когда же появятся ребята. Я прислушивался к каждому шороху на улице, к каждому стуку в сенях... И первым услышал, как стукнула входная дверь. Я бросился на этот стук и увидел входящего Игоря. Очки его запотели, и он ровно ничего перед собой не видел.

— Где ребята? — забросал я его вопросами. — Почему не пришли?.. К бабке Анне когда пойдем?

Я рванулся было к вешалке, но Игорь жестом остановил меня.

— погоди одеваться. Не пойдем мы ни к кому. — Он снял с переносицы очки и стал их старательно протирать.

На шум из нашей комнатки выскочил Женька. Только взглянув на Игоря, он тут же все понял.

— Пройдем к нам, Игорек.

Когда мы очутились у нас в комнатушке, Игорь принялся рассказывать. Видно, он не привык говорить подолгу. Поэтому я не стану передавать его рассказ слово в слово. Лучше я расскажу не так, как

все это передавал нам Игорь, а так, как поняли мы с Женькой. А поняли мы вот что.

Была суббота, и родители Игоря были дома. Когда мальчик стал одеваться, чтобы идти к бабке Анне, отец поинтересовался, куда это он собрался в такую скверную погоду. Игорь объяснил, что с двумя приезжими москвичами хочет пойти к бабушке Анне. И сказал, для чего это нам нужно. Тогда отец попросил его раздеться, усадил на диван и рассказал о том, что даже Игорь, его родной сын, еще не знал.

Во время войны дом, где жила старая Анна Захаровна, которую и тогда уже все в Зареченске звали бабкой Анной, сгорел от фашистской бомбы. Соседи едва успели вытащить старуху из-под горящей кровли. Потеряла она память с того дня. Соседи помогли ей переселиться в покосившуюся старую баньку за огородом. Она будто бы с родного пепелища ехать в неведомое категорически отказывалась. Соседи носили ей туда кто краюху хлеба, кто миску щей или каши. Много ли старухе надо?

Так жила бабка Анна и ждала смерти. А смерть все не приходила. И вот однажды проснулась бабка среди ночи в своей баньке оттого, что слегка стукнула дверь. Другой бы человек этого стука и не заметил. Но старуха здорово слышала. Да и к темноте привыкла. Она сразу различила у двери какую-то неясную фигуру. Бабка стала потихоньку шептать молитву и креститься. Тут дверь снова приоткрылась, и кто-то еще вошел в баню, задев железом об угол печи.

Затем послышался шепот. Говорили тихо, но бабка все различила: про патрулей, про какого-то Игната, что он молодец, не обманул, и теперь, мол, все ребята с оружием. Вот когда разобрала бабка про оружие и тут же решила, что это не иначе как разбойники.

Когда странные гости ушли, старуха до утра не могла сомкнуть глаз. А утром пришел от соседей мальчишка, десятилетний Ленька Лаптев, принес бабке лепешек и каши. Ему-то она и поведала о том, что ночью ее посетили «лихоимцы», с ног до головы обвешанные ружьями и саблями, как шептались, как главного ихнего атамана Игната поминали.

Ленька мигом сообразил, о каких «лихоимцах» шла речь. И лесника дядю Игната он тоже знал неплохо. Со всех ног кинулся домой и обо всем, что услышал от бабки Анны, рассказал матери.

Заторопилась Ленькина мать. Бросилась к старой бане. Объяснила она бабке, что не разбойники это были, а партизаны из леса. Ночью, видать, скрылись они в бане на огородах от фашистов-солдат. И нужно бабке Анне об том ночном разговоре молчать, а не то беда с хорошими людьми может приключиться.

И молчала бабка Анна. Два года молчала. Разговаривалась только, когда в Зареченск советские солдаты пришли.

— А Ленька,— смущенно сказал нам Игорь,— это мой отец. Леонид Дмитриевич Лаптев... Это наша фамилия Лаптевы.

То, что рассказал нам Игорь, было очень важно. Значит, лесник Игнат Муравьев, отец Клавы, помогал партизанам доставать оружие. Наверно, он знал, у кого в городе есть охотничьи ружья. Несмотря на суровый приказ, мало кто в Зареченске отнес в комендатуру охотничье снаряжение.

Не успела за Игорем закрыться дверь, как в сенях раздался ужасающий грохот, звон, стук, распахнулась дверь, и перед нами появился Федя. С него текло, как из водосточной трубы.

— Господи...— простонала тетя Даша, хватаясь за сердце.

— Здравствуйте,— сконфузившись, пробормотал

Федя, совершенно забыв, что сегодня уже виделся с Дарьей Григорьевной. — Я сейчас ноги вытру... Б-бежал очень... П-про Женю и Сережу в газете написал... Вот...

И мальчуган протянул опешившей тете Даше смятый мокрый номер областной газеты «Ленинская коммуна».

Мы все искали заметку про нас, когда сверху спустился Иван Кузьмич.

— Ну-ка, ну-ка,— произнес он, подходя к нам.— И мне не терпится взглянуть.

Заметка, в которой действительно было про нас, оказалась на редкость коротенькой.

— «Недавно,— читал Иван Кузьмич,— жители небольшого тихого городка нашей области — Зареченска — были взволнованы необычайным происшествием. В лесу близ города пионеры Евгений Вострецов и Сергей Кулагин во время прогулки обнаружили сильно поврежденную временем и непогодой гильзу от снаряда артиллерийского орудия калибра 76 мм. То, что края гильзы были сплющены, а внутри нее что-то шуршало, сразу же заинтересовало любознательных ребят...»

— Здорово...— вздохнул Федя, глядя на нас с восхищением.

В заметке-то в общем все было правильно. И как нашли и что нашли. И фамилии наши повторялись два раза. И было сказано, что мы передали нашу находку в областной краеведческий музей. Но Иван Кузьмич сказал, что все-таки заметка не очень правдивая. Тут даже тетя Даша удивилась:

— Почему же, Иван Кузьмич?

— А как же! — воскликнул старый жилец и, наклонившись, прочитал подпись под заметкой: — «Роман Кош». А то как же!.. Этот гражданин Кош о многом умолчал. Он, например, не поведал читате-

лям о том, что любознательные следопыты Е. Вострецов и С. Кулагин не просто гуляли в лесу, а разыскивали разбойничий клад.

Иван Кузьмич, хитро улыбнувшись, взглянул на нас. Однако нам было не до шуток: наши с Женькой фамилии отпечатаны черным по белому в настоящей газете. Я был очень горд, хотя и не знал, что скоро заметка Романа Коша сослужит нам хорошую службу.

— Хотя вы теперь и герои,— сказала нам тетя Даша,— хоть про вас и в газетах пишут, а воды нет, и ее надо принести.

Пришлось нам натягивать свои дождевики и надевать сапоги да мчаться с ведрами за водой на колонку. Мы еще не успели добежать до нее, как кто-то звонким голосом окликнул нас.

— Эй, следопыты!

Это была Настя. Легкая, тоненькая, она летела к нам, едва касаясь мокрой травы маленькими сапожками.

— А про вас в газете написано! — еще издали крикнула она.

— А мы знаем,— ответил я.

— Ой, а я-то бежала, я-то летела!.. Даже газету принесла.

Федя, который побежал к колонке вместе с нами, стоял, гордо поглядывая на девочку. Вот тут-то мы и узнали, как может помочь людям крошечная заметка в газете. Нет, Настю не удивило то, что о нас напечатано в «Ленинской коммуне». В то самое время, когда, возвратившись от дяди Егора, мы слушали рассказ Игоря о бабке Анне, к Настиной маме зашла тетя Лиза...

Но лучше я расскажу обо всем по порядку.

Тетя Лиза была не родная Настина тетка, а жена маминого брата, который, как и Арсений Токарев,

работал на железной дороге. Тетка Лиза как раз подросла к обеду. И за столом речь зашла о заметке в газете. Потом сам собой разговор перешел на воспоминания. Тетка Лиза всю оккупацию прожила тут при гитлеровцах, много насмотрелась и натерпелась за два года.

Настя слушала тетку между делом — убирала со стола посуду, убегала на кухню, возвращалась снова. И вдруг замерла на месте. Тетка Лиза сказала, что однажды ночью поздней осенью видела в городе партизана...

В ту пору Настиной тетке было всего пятнадцать лет. Жила она с бабушкой, с больной, чахнувшей с каждым днем матерью и с малолетним братишкой на самой окраине Зареченска в ветхом домишке. Из окна были видны поставленный гитлеровцами шлагбаум на дороге, будка, возле которой расхаживали двое часовых в железных касках, с автоматами.

По ночам в городе стреляли часто. К этой стрельбе зареченцы даже как-то привыкли. И в ту ночь тоже постреливали. Далеко где-то: может, на другом краю городка, может, на холмах. Но Лиза проснулась тогда не от выстрелов — братишка закричал. Бабушка заворочалась на печке, разбуженная этим криком. Мать застонала, попросила пить.

Соскочила Лизавета с лавки, побежала в сени, зачерпнула ковшиком воды из ведра, принесла матери. Все в темноте, потому что гитлеровцы огни в домах по ночам зажигать не разрешали; чуть где засветится — стреляли прямо по окнам. И вдруг разлился по комнате свет — зеленоватый, мерцающий... Лиза чуть ковшик из рук не выронила. Глянула в окошко — две ракеты в небе повисли: зеленая и белая.

Если бы не те ракеты, если бы Лиза в окошко не посмотрела, может быть, так и не заметила бы она

партизана. А тут увидела. Напротив, у соседского дома. Стоит человек, в тени схоронился. Шапка на нем, ушанка, автомат на груди — на изготовку... Лица Лиза не разглядела. О людях, что прячутся в лесу, в недоступных для фашистов болотах за Волчьим логом, все в городе знали. Кто же хоть раз не прочитал украдкой партизанскую листовку? Сразу разобралась девочка, что это за человек прячется в тени. Сердце у нее зашло. Ведь рядом застава, часовые. Заметят — конец...

А человек тот постоял немного, дождался, пока гитлеровцы отвернутся, и перебежал к соседнему дому, опять в тени схоронился и замер. Потом за угол свернул. Не стало его Лизе видно. А часовых у шлагбаума она видела хорошо. Только тот партизан, видно, не раз мимо охраны проскальзывал. Вот мелькнул совсем рядом с фашистами и исчез, словно растворился в ночной темноте.

У девочки отлегло от сердца...

Всю ночь ей тогда снилось страшное. Чудилось, будто гремит железо, чавкает грязь под тяжелыми сапогами, раздаются отрывистые слова команды на чужом, лающем языке... А утром стало известно в Зареченске, что той ночью в лесу, в Волчьем логое, фашисты-каратели уничтожили партизанский отряд.

Настя умолкла, а мы стояли и ждали, не скажет ли она чего-нибудь еще. Но она, вдруг спохватившись, всплеснула руками.

— Ой, что же я! Меня мама за хлебом послала, а я стою. Вот безголовая!

И она упорхнула, даже забыв проститься с нами. Подхватив ведра, мы двинулись к дому.

— Женька, — высказал я предположение. — А ведь тот партизан в ушанке, наверно, был Афанасий Гаврилович.

— Почему это?

— Потому! Ясно — он. Помнишь, он сам говорил, что той ночью в разведке был.

— Верно, Серега! — вспомнив, воскликнул Женька.

Неожиданное открытие

С утра на следующий день мы засели с Женькой за письма. Не так-то легко, оказалось, их писать. В Киев еще куда ни шло: только просьба сообщить адрес Сергея Пономаренко, проживавшего раньше в Зареченске. А вот над письмом в Архангельск, Денису Фомичу Петрову, нам пришлось изрядно помучиться. Ведь нужно было все описать подробно. Мы провозились с этим письмом добрых три часа. У меня даже голова разболелась от дикого напряжения. А неугомонный Женька объявил, что еще нужно написать Левашову.

— Жень, — взмолился я, — давай лучше завтра...

Вострецов сделал страшные глаза. В это мгновение за стеной послышался какой-то шум, голос тети Даши, запахнулась дверь, и в комнатушку влетел запыхавшийся Федя. Он долго не мог вымолвить ни словечка и только раскрывал судорожно рот, как рыба, вытащенная из воды. За его спиной виднелись Митя, Игорь и Тарас.

— Вот... п-привел! — выдохнул Федя. — Игорь, п-показывай!..

Митя посторонился, пропуская вперед радиотехника, и я увидел у него под мышкой объемистый сверток в черной потертой клеенке. Развернув ее, Игорь поставил на стол фанерный ящик. Я заглянул в него с недоумением.

— Что это? Бутылка какая-то...

Все тоже склонились, заглядывая в ящик. Женька тоже ничего не мог понять. Бутылка была обмотана желтой проволокой. Рядом с нею я заметил закрепленный на проволочках сероватый камешек с искрящимся изломом. Два конца проволоки торчали из ящика наружу.

— Это...— Митя нарочно медлил, чтобы посильнее нас удивить.— Это партизанский радиоприемник!

Я ровно ничего не понимал. Какой приемник, если в ящике какая-то бутылка!..

— Рассказывай, Игорь.

— Лучше ты расскажи,— отозвался изобретатель.

— Да ведь не я же догадался, а ты,— возразил ему Митя и обернулся к нам.— Ребята, помните, дядя Егор говорил, что партизанский командир просил принести ему свинца, серы и проволоку?

— Ну, помним,— кивнув, сказал Женька.

— Так вот. Игорь догадался, для чего это партизанам понадобилось. Приемник! Они сделали радиоприемник. И слушали сводки Советского информационного бюро!..

— А откуда же у партизан электричество было? — с недоверием спросил Женька.

— Для этого приемника электричества не нужно,— пояснил Игорь.— Это детекторный приемник. Мы в радиокружке в школе еще два года назад такие делали. Ну, не такие, конечно, не вылитые. Это я нарочно ящик взял, вместо изолятора — бутылку... Что попроще. Что у партизан под рукой могло бы найтись.

На блестящую мысль о том, для чего могли понадобиться партизанам сера, свинец и проволока, Игорь натолкнулся, вспомнив, как они в школьном кружке сделали первый свой приемник. Руководи-

тель кружка Виталий Максимович прямо при ребятах на газовой горелке в обыкновенной ложке расплавил серу и свинец, которые превратились в твердый комок. Этот комок руководитель кружка разбил молотком. Получились два зеленоватого цвета кусочка с блестящими кристалликами в изломе. Это и был детектор, который превращает сигналы высокой частоты в более низкие сигналы.

Не знаю, верно ли я его понял. В общем бутылка, обмотанная проволокой,— это катушка. От нее идут два конца — две проволочки: одна к антенне, другая к заземлению.

Нужны еще наушники. Самые простые. Игорь их вытащил из кармана и присоединил к каким-то проводкам, торчащим из ящика. Потом он увидел в углу на столике приемник «Рекорд». Он живо отсоединил от него антенну и скрутил с одной проволочкой. И заземление устроил — от батареи центрального отопления. Затем он надел наушники и, заглядывая в ящик, стал что-то там внутри вертеть...

— Есть! — произнес он наконец. — Вот, слушайте...

Нам всем очень хотелось послушать. Но каждому пришлось ждать своей очереди. Первым слушал Вострецов.

— Играет... — сказал он. — Музыка...

— Д-дай я послушаю!.. — запрыгал в нетерпении Федя.

Наконец наушники попали и ко мне. Надев их, я услышал едва различимую, как комариный писк, мелодию. Мне очень хотелось послушать еще, но наушники уже срывал с моей головы Тарас. Пришлось уступить.

— Так вот, без тока, и работает? — все еще не веря, спросил Женька.

— Почему же без тока? — возразил Игорь. —

Ток есть. В катушке. Только очень слабый. Потому и ловить на такой приемник можно одни ближние станции. Очень мощные. Это зависит от длины антенны.

— А наушники? — воскликнул я. — Откуда же у партизан наушники были?

Игорь пожал плечами. Митя сказал:

— А мы, думаешь, знаем?

— Наверно, были, — задумчиво произнес Женька. — Ведь никто из заготовщиков не получал задание раздобыть наушники...

«Мертвая голова»

Когда я проснулся на следующее утро, то прежде всего увидел, как по окну снова текут унылые серые струйки дождя. У меня сразу же тоскливо заныло сердце. Чуть повернув голову, я увидел Женьку. Сидя за столом в трусиках и майке, он над чем-то старательно трудился, вытянув от усердия губы. Прежде всего мне показалось, что Женька что-то пишет. Но, приподнявшись на подушке, я увидел в пальцах моего товарища пинцет.

— Женька! — с возмущением воскликнул я. — Зачем ты вытащил наши коллекции? При чем тут бабочки, если мы занимаемся историей партизанского отряда?

— Одно другому не мешает, — преспокойно отозвался Вострецов. — Ты разве забыл, что у нас задание на лето? И кстати, о партизанах. Вставай поскорее. Нужно писать письмо Левашову.

Однако в этот день мы успели не только написать и отослать письмо Василию Степановичу. Женька заставил меня переписать все, что было в письме, в

общую тетрадь, за которой мы специально сбегали в универмаг. Потом вместе с Женькой побежали на рынок, захватив с собой кассету с фото пленкой. Там в фотографии принимали пленку в проявку и даже могли напечатать с негативов карточки.

Когда мы возвращались с Вострецовым домой, я заметил, что хотя льет дождь и что по небу все еще мчатся лохматые сизые тучи, однако на лужах уже начинают вздуваться веселые пузырьки — предвестники того, что дождь будет долго идти.

— Завтра, наверно, пойдем в Печурово, — произнес Женька. — Надо, Серега, собираться.

Весь вечер мы готовились к дальнему путешествию — запасались провизией на целый день, укладывали рюкзаки, присаживались ненадолго, чтобы прикинуть, не забыли ли чего-нибудь. Однако выяснилось, что спешка и все эти сборы наши были напрасными.

Зря мы ждали утром наших друзей, готовые в любой миг надеть рюкзаки. Напрасно предупреждали тетю Дашу, что отправляемся в дальний поход за сведениями о партизанах и, может быть, вернемся очень поздно. Все это было ни к чему. То есть ребят, наших товарищей следопытов, мы, конечно, дождались. Митя и Игорь пришли, чтобы позвать нас на речку, и крайне удивились, застав нас в куртках, походных ботинках да еще с рюкзаками, которые мы тотчас же надели, едва за окнами слышались их голоса.

— Куда это вы? — удивленно спросил Митя.

— Как это куда? — отозвался Женька, притворившись еще более удивленным. — Решено же было сразу после дождя идти в Печурово, в Марьино или хотя бы в Копалино...

Митя и Игорь переглянулись и начали хохотать.

— Да вы что? — перестав смеяться и утирая

тыльной стороной ладони глаза, еле проговорил Митя. — Вы же утонете по дороге.

Я ничего не понимал. Да и Женька тоже, по-моему, опешил. И тогда мальчишки объяснили нам, что после продолжительных дождей проселки, ведущие в Печурово, Копалино и Марьино да и в некоторые другие деревни, так размывает, что по ним нельзя ни проехать, ни пройти. Разве что на вездеходе.

— Машины туда дальними дорогами ездят, — объяснял Митя. — Через шоссе. Со всех сторон болота. Вязь такая, что потопнете с головой...

Конечно, смеяться тут было не над чем. Мы же не знали ничего этого. Придется, значит, опять запастись терпением.

— Ничего, — успокоил нас молчавший до сих пор Игорь. — Дня через три дороги подсохнут, тогда и пойдем.

Мы приободрились. Что же, ждать каких-нибудь три дня — это пустяки. За эти дни вынужденного безделья мы несколько раз бегали к дому Афанасия Гавриловича и стучали в ворота. Но всякий раз, послушав, как громогласно гавкает и гремит цепью лютая овчарка Пальма, уходили ни с чем. В кармане у меня лежала завернутая в бумагу фотокарточка самого Афанасия Гавриловича. Это был тот самый портрет, который я отснял в поезде.

Среди всех этих дел и забот мы с Женькой находили время, чтобы привести в порядок наши коллекции. И как-то раз, вечером, когда мы, порядком утомленные, откинувшись на спинки стульев, сидели за столом, Женька, вертя в пальцах пинцет, задумчиво произнес:

— А ты помнишь, Серега, как Иван Николаевич, когда мы еще делали доклад в Доме пионеров, называл нас наследниками революционных событий?

Я кивнул.

— Так ведь если бы он теперь узнал, что мы изучаем историю партизанского отряда, он бы опять назвал нас наследниками их боевой славы.

— Непременно назвал!

— И вот я думаю, что мы с тобою, Сережка, все ребята у нас в стране, и правда, наследуем и прошлую и теперешнюю славу наших дедов, отцов и старших братьев...

Мы долго молчали, переживая слова моего лучшего друга Женьки Вострецова.

И как раз в эти дни произошло то, о чем так давно и тщетно мечтал Женька. Когда однажды поздним вечером мы возвращались с электростанции, когда уже вошли во двор и я очень тихо, чтобы не разбудить Ивана Кузьмича, потому что мы знали, что тетя Даша не спит, дожидаясь нас, закрыл калитку, Женька вдруг сорвал с моей головы кепку и метнулся к огороду.

Я увидел, растерявшись, что он гонится за какой-то огромной, величиною с воробья, бабочкой, мелькнувшей в лунном свете.

Вострецов несколько раз уморительно подпрыгнул, размахивая кепкой. Но бабочке, видимо, совсем не хотелось сидеть на булавке.

— Ладно, Жень, пойдем,— недовольно окликнул я его.— Мало ли у нас в коллекции совок?

В это мгновение Женька подпрыгнул еще раз и упал, исчезнув среди цветущих кустов картофеля. Тотчас же до меня донесся странный писк.

— Жень, ты чего? — с тревогой спросил я.

Писк повторился снова. И сейчас же голос Женьки:

— Серега...

Голос звучал так сдавленно, словно там, среди огородных грядок, кто-то схватил моего друга за

горло. Я бросился к нему и увидел, что он ничком лежит среди поломанных стеблей картофеля и прижимает к земле кепку, шаря под ней рукой.

— Серега...— хрипло повторил он, увидев меня.— Кажется, поймал... Это она — «мертвая голова»!..

Да, это в самом деле был бражник «мертвая голова», по-научному «*acherontia atropos*». Дома мне удалось разглядеть его как следует.

Огромный, больше моей ладони в размахе крыльев, он лежал в пол-литровой банке, которую дала нам тетя Даша, на ватке с эфиром. На его желтой с черными полосками спинке бледным контуром было намечено пятнышко, очень похожее очертаниями на человеческий череп.

Глядя на это пятнышко, я вдруг, не знаю почему, вспомнил странного незнакомца, которого несколько раз видел на улице недалеко от дома Афанасия Гавриловича,— того человека в коричневой кепке, с глубоко запавшими глазами. «Мертвая голова»!.. Это его лицо — с выступающими скулами, обтянутыми кожей, с глазами, словно высматривающими из темных пустых бойниц,— напоминало череп, мертвый человеческий череп...

Уходят товарищи в путь...

И вот наконец настал день, которого мы с таким нетерпением ждали. Митя сказал, что дороги уже подсохли и можно отправляться куда угодно. Собрались мы очень быстро. Ведь к походу все у нас было готово. Мы разделились на группы. Я попал в одну компанию с Митей и маленьким Федей. Наша груп-

па должна была идти в Марьино. В Копалино вызвался пойти один Игорь — у него там жил дядя, и его все ребята в деревне хорошо знали. Женька с Тарасом и Настей должны были идти в Печурово. Эта деревня была совсем неподалеку от Зареченска, и Настя смогла бы запросто до нее добраться.

Уговорились, что вечером, когда вернемся из нашего похода, сразу же все соберемся в штабе. Мы даже назначили время для встречи — девять часов.

Итак, все было готово, и накануне похода мы с Вострецовым пораньше легли спать, чтобы проснуться тоже как можно раньше. И разве мог я предположить, что мне — одному из всех — никуда идти не придется?

Утром я и правда проснулся очень рано. Женька еще спал, сладко посапывая. Первый солнечный луч золотил листву за окном. Но странно, я не ощутил обычной радости. Наоборот, во рту я почувствовал неприятную сухость. Было больно глотать. Я решил, что это, должно быть, от соленых огурцов, которыми я вчера объелся за ужином, и, спрыгнув с кровати, побежал в сени, где стояли ведра с водой, напиться.

Когда я вернулся, Женька уже сидел на кровати и потягивался. Мы быстро оделись и схватили свои рюкзаки. Но тетя Даша все-таки заставила нас сесть за стол и позавтракать. И вот во время завтрака я почувствовал, что горло у меня болит все сильнее. Каждый глоток чаю заставлял меня морщиться. И тетя Даша заметила эти гримасы.

— Ты что это, Сереженька? — с тревогой спросила она. — Уж не заболел ли? А щеки! Да ты просто горишь весь. — Дарья Григорьевна приложила ладонь к моему пылающему лбу. — Ну-ка поставь градусник.

Спорить с тетей Дашей было бесполезно. Она заставила меня сунуть термометр под мышку. Я держал его, ерзая на стуле, виновато поглядывая на Женьку. Десять минут тянулись как десять часов. Если бы я знал, что ртуть поднимется до тридцати восьми, я бы как-нибудь изловчился и уронил бы градусник на пол. Но Дарья Григорьевна, видно, решила, что я уже без пяти минут покойник. Она объявила, что ни в какие походы я не пойду, и тотчас же стала меня раздевать, чтобы уложить в постель.

— Придется, Серега, нам идти без тебя,— произнес Женька.

— Ладно, Жень, иди,— вздохнув, согласился я и отвернулся.

Я лежал, глядя в потолок, туда, где возле висящей на проводе лампы вились маленькие мухи — все по кругу, неумолимо... И, словно мухи, по кругу вились в голове моей мысли. Ребята, наверно, сейчас из города вышли, простились на развилке, среди мелколесья... И от горьких мыслей сами собой в голове у меня вдруг начали складываться строчки:

...Уходят товарищи в путь...
Без меня уходят товарищи вдаль...
Как им жаль меня, как им жаль...

Никогда прежде я не сочинял стихов. Может быть, потому, что никогда раньше не бывало мне так грустно.

Солнцем степь залита,
Никого вокруг — пустота.
Никого вокруг, никого...
Меня бросили одного...

Конечно, никто не бросал меня одного. Несколько раз в комнату заходила тетя Даша. Она, оказыва-

ется, вызвала из поликлиники врача. Зашел проводить меня и Иван Кузьмич.

— Ну, следопыт, что же это ты? Впрочем, не горюй, что с ребятами не пошел. Нужно вылежаться, а потом все и пройдет.

Потом пришел доктор — молодая женщина в белом халате, с чемоданчиком. Она долго выслушивала и выстукивала меня, заставляла высовывать язык и говорить «а-а-а», сказала, что несколько дней нужно полежать. Прописала полоскание и ушла.

После обеда я тайком от тети Даши сам измерил себе температуру. Градусник показал тридцать шесть и восемь. Мрачно уставился я на ртутный столбик. Эх, показал бы он такую температуру утром!.. И горло совсем не болело... Если бы я знал дорогу в Печурово или в Марьино, честное слово, я выскочил бы в окно и отправился туда самостоятельно. Вот удивились бы ребята! Вот глаза-то повытаращивали!.. Я тотчас же представил себе, как шагаю по дороге, как позади раздается сигнал обгоняющего меня автомобиля. Это грузовик... Нет, лучше пусть будет легковая... И вот я уже мчусь в чудесной легкой автомашине по ослепительному и гладкому асфальту...

Кажется, я заснул, размечтавшись. И когда очнулся, за окнами уже темнело. В зале за стеной слышались приглушенные голоса — разговаривали тетя Даша и Иван Кузьмич. Женька, наверно, еще не вернулся. Не вернулся?.. Меня вдруг словно пружиной подбросило на кровати. Да ведь еще вчера уговорились, когда будем возвращаться, идти прямо в штаб — на электростанцию. В девять... А темнеет как раз к девяти...

Замечательная мысль внезапно озарила меня. Что, если потихоньку выбраться в окно и пойти на

развалины? Подкрасться незаметно и... Что будет дальше, я еще не решил.

Приоткрыв дверь, в комнату заглянула тетя Даша. Я мгновенно зажмурил глаза и притворился спящим. Только сердце мое стучало часто и громко. Дверь, чуть скрипнув, затворилась. И пока я лежал с закрытыми глазами, план побега окончательно укрепился в моей голове.

Главное было — все сделать совершенно бесшумно: одеться, отворить окно, выскочить на улицу. Каждую секунду замирая и прислушиваясь, я стал одеваться. И как это всегда бывает, если стараешься не шуметь, что-нибудь непременно вырвется из рук и загремит самым невероятным образом.

Наконец кое-как одевшись, я стал выбираться из окна. Бесшумно распахнул раму и, оттолкнувшись от подоконника, спрыгнул на мягкую, точно ковер, землю.

Я шагал и радовался тому, что так удачно выбрался из нашей комнатухи. Теперь оставалось выполнить вторую часть задуманного мною плана: незаметно подкрасться к ребятам и как следует их напугать.

Слева забелела кладбищенская стена. Из-за нее, словно привидения, раскинувшие руки, выглядывали кресты. Я поспешил свернуть направо, и вскоре стена и кресты скрылись за кустами бузины. Теперь нужно было умерить прыть и ступать, как можно осторожнее. Я остановился и прислушался. Вокруг все было тихо.

Кажется, никогда в жизни я не ступал по земле так бесшумно. Ни один сучок не треснул у меня под ногою, ни одну ветку я не задел плечом. Наконец на фоне звездного неба выступили среди ветвей очертания развалин.

Встреча во тьме

Я ступал так осторожно, что даже сам не слышал собственных шагов. Но — странное дело — не возникали в тиши и голоса ребят. Только ветер... Только шелест листвы и поскрипывание веток... А между тем я уже вплотную подошел к кирпичной стене и был уже совсем рядом с входом в электростанцию. Может быть, ребята еще не пришли? Может быть, я опередил их? Ну что же, тем лучше. Я спрячусь где-нибудь в уголке и подожду. Наверняка они появятся с минуты на минуту... Ящерицей проскользнул я в темную дыру входа и притаился в темноте.

Прошло, должно быть, минут пять. Я стоял не шевелясь. И вдруг смутный страх начал закрадываться в сердце. А что, если ребята передумали и не придут? Что, если мне всю ночь придется проторчать здесь, среди мрачных развалин? Так подумал я и в тот же миг совсем близко услышал голос:

— Эй, кто здесь?..

Этот грубый басовитый возглас показался мне чем-то знаком. Я вздрогнул, решив, что вопрос относится прямо ко мне. Как вдруг — тоже совсем рядом — раздался другой голос: высокий, чуть хрипловатый.

— Сюда, сюда... Я давно вашу милость поджидаю.

— Кто такой? — опять спросил грубый голос.

— А вы меня не пытайтесь вспомнить, гражданин Сивый! — прозвучало в ответ, и тот, кто говорил это, захихикал. — Я... хи-хи-хи... на вашем пути не попадался. Я вас знаю, потому что... хи-хи... вы человек всегда были заметный... А я...

— Что ты там бормочешь? — перебил бас. — Какой я тебе Сивый?

— Да ведь вас так господин майор Гардинг на-

зывали... хи-хи... Сивый... Я это помню... Что же... хи-хи-хи... отказываться?

— Ты, друг, видать, не в своем уме...

Я уже понял, что разговаривают за стеной, совсем недалеко от меня. Я не знал, кто такой этот Сивый, чей голос показался мне почему-то знакомым. Не знал я, кто был тот, другой, хихикающий визгливо и неприятно. Я собрался уже потихоньку выбраться из развалин, как вдруг новая фраза словно бы пригвоздила меня к месту.

— Как же, как же, господин Сивый... В своем уме... хи-хи. Можете сами убедиться... Помню, как сейчас... На этом самом месте... Вы при полном своем партизанском обличье передали коменданту господину майору Гардингу карту-обозначение, как в болотах пройти. К партизанам, значит... Так вы тогда и сказали майору, гражданин Сивый: «Задание ваше выполнил. Здесь все тропы в болотах указаны...» Господин майор... хи-хи... хорошо говорил по-русски... Помню я еще имя командира отряда — Павел... Вересов как будто по фамилии... Вы, господин Сивый, тогда еще обещали майору... хи-хи... собственноручно того командира прикончить...

Будто гром грянул над моей головой. Там, за стеной, на краю овражка, всего в каких-нибудь десяти шагах от меня, стоял тот, кто выдал фашистам отряд Павла Вересова!.. Он был здесь, рядом!.. В первое мгновение я даже не поверил своим ушам. Уж не снится ли мне все это!..

— Так ты, видать, большой пост занимал при майоре Гардинге.

— Я-то... Да что вы. Обыкновенный полицейский.

— Странно... Очень странно. Полицейский... В этом городе. И приехал сейчас! Не побоялся!..

— А чего мне бояться? Меня тут никто и не помнит... Я... хи-хи... недолго здесь пробыл... При-

ехал сестру навестить как раз накануне войны. У меня выбора не было... Или... хи-хи... в полицию, или в Германию на работы. А сестру мою вы, господин Сивый, как здешний старожил, должны были бы знать. Липатова Аграфена.

— Ну как же, как же! Феня Липатова... Так она же померла!

— В точности говорить изволите. Отдала душу... Да я-то в тюрьме этого не знал. А как освободился, написал сюда письмо. Ответа нет. И вот приехал. А она, пожалуйста, приказала долго жить...

— Так ты, значит, из тех самых мест...

— Из тех самых, откуда ж еще... Хи-хи... Из тех самых, где Макар телят не гонял. Вот теперь срок свой отбыл... Хи-хи...

Словно от какого-то внезапного толчка сковывавшее меня оцепенение вдруг рассеялось. Бежать!.. Мчаться подальше от этого страшного места, где в кромешной тьме сошлись бывший фашистский шпик и бывший полицейский, — вот что было моим первым порывом. Ведь стоит мне только сделать одно неловкое движение, как те двое кинутся сюда, обыщут все закоулки... Я уже поднял ногу, чтобы, опустив ее, начать потихоньку пробираться к выходу, как вдруг сердце мое — тук-тук! — стукнуло тревожно и беспокойно. «А Женька? — спросило оно. — Как бы на твоём месте поступил Вострецов? Разве он или Митя стали бы трусливо удирать, зная, что только они могут открыть имя предателя? Тук-тук-тук!.. Нет, ни Женька, ни Митя, ни молчаливый Игорь, ни маленький выдумщик Федя, ни толстый Тарас, ни застенчивая Настя — никто из твоих товарищей-следопытов не подумал бы в эти минуты об опасности. С каким презрением отвернулись бы они от тебя, если бы узнали, что ты трусливо удрал, когда надо было непременно увидеть предателя, чтобы потом,

узнав его в лицо, указать на него всем, всем людям и крикнуть громко: «Вот он!..»

Так выстукивало мое сердце. И, опустив ногу, я снова прижался к холодным кирпичам. «Да, да,— ответил я своему сердцу.— Я знаю. Я не боюсь. Я пойду за ними. Я найду место, где скрывается предатель».

Шаг за шагом я стал пробираться к провалу, светившемуся звездами. Едва голоса умолкали, я замирал в самой неожиданной, нелепой позе.

— Так ты что же, грозить мне приехал? — зловеще проговорил бас.

— Зачем грозить, господин Сивый? Я... хи-хи... свою линию имею...

— Какая же такая твоя линия?

— Очень даже простая. Я, значит, хи-хи... сохраняю тайну, а вы... хи-хи-хи... Сами понимаете, какой мы народ... Откуда у нас будет на жизнь, если... хи-хи... добрые люди не помогут...

— Сколько? — коротко и деловито спросил Сивый.

Наступила пауза. Я замер, подняв ногу и для устойчивости зацепившись рукой за стенку. Так я и ждал, когда хихикающий голос назовет цену. Цену за то, чтобы сохранить тайну негодяя, предателя, фашистского шпиона и убийцы. Но я ничего не услышал. Очевидно, бывший полицейай показал Сивому сумму на пальцах.

— Рехнулся, что ли! — гаркнул бас.— Да у меня и денег-то таких нет!

— Я, господин Сивый, торговаться не привык... — произнес полицейай.— Не хотите — не надо... Я в другое место пойду. Там мне, может, денег и не дадут, а спасибо скажут. За разоблачение бывшего агента немецкой разведки... Между прочим, здесь, в развалинах, днем, а иногда и по вечерам ребятишки со-

бираются. Следопытами себя называют. Мне, господин Сивый, сами понимаете, не очень-то удобно с моими документами в гостиницы соваться. Так я временно тут поселился. Иной раз лежу, а подо мной макушки... Занятно бывает послушать... Про партизан говорят. Я понял так... хи-хи... что те ребятишки какие-то бумаги в лесу нашли... И стали разыскивать людей, которые здесь, при гитлеровцах, в оккупации жили. Между прочим, частенько... хи-хи... про вас поминают... Не по имени, конечно... А так говорят: хорошо бы, мол, узнать, какой негодяй... хи-хи... извиняюсь, отряд фашистам выдал...

Пока бывший полицейский разглагольствовал, я успел переползти к краю оврага и притаился там в кустах бузины.

— Ну так как же, господин Сивый?..— веселился бывший полицейай.— Может, хи-хи... ребятишкам сказать? А по мне лучше полный расчет — и ту-ту!..

— Ладно,— произнес наконец Сивый.— Будь по-твоему. Пойдем ко мне. Там и получишь все сполна.

— Как будет угодно. Как угодно,— заюлил полицейай.— К вам так к вам...

И вдруг что-то произошло. Приготовившись выскочить из овражка, чтобы неприметно пойти следом за ними, я увидел, как один — тот, что был повыше ростом,— взмахнул рукой. Другой как-то странно засипел, и тотчас же исчезли оба. Раздался громкий треск веток. Я подумал, что Сивый и полицейай спустились в овраг и для чего-то бросились по нему бегом. Сердце мое застучало. Это оно, мое сердце, частыми и звонкими ударами вытолкало меня из овражка, и я кинулся туда, где трещали ветки.

Внезапно впереди замелькали огни. Раздался повелительный окрик: «Стой!» Грянул выстрел, еще один... В тот же миг я споткнулся обо что-то мягкое

и упал, невольно вытянув вперед руки. Правая моя ладонь скользнула в какой-то луже, густой и липкой. Рядом с моим ухом раздалось тихое бульканье, словно кто-то полоскал горло. И я догадался, что упал, споткнувшись о тело человека, и что лужица, в которую попала моя рука,— это кровь... В ужасе вскочил я и кинулся прочь, не разбирая дороги. Но чьи-то очень сильные руки вдруг схватили меня, в лицо мне ударил яркий сноп света. И, почти теряя сознание, я услышал изумленный возглас:

— А это кто?

Другой голос, очень-очень знакомый, с удивлением произнес:

— Кулагин!

— Там... Там... Предатель... Сивый!..— кричал я, вырываясь и стуча зубами.— Поймите его!.. Поймите!.. Он уйдет!..

Голос мой прерывался. Я замолк, тяжело дыша. Стучало в ушах, знобило.

Кто-то наклонился надо мной. Я даже лица не разобрал.

— Успокойся, Сергей,— звучал над моим ухом взволнованный голос.— Все в порядке. Никуда он не уйдет.

Дальше все было как в тумане. Я слышал перекликающиеся голоса, фыркание автомобильного мотора. При свете сильных фонарей я видел, что какие-то люди поднимают с земли тело человека. Его пронесли совсем близко от меня. Луч фонаря скользнул по его запрокинутому лицу, и я сразу узнал эти скулы, обтянутые кожей, темные впадины глазниц. Это был незнакомец, которого я несколько раз видел на улице,— «Мертвая голова»...

С трудом соображал я, что происходит вокруг. Подошел кто-то в военной форме, протянул какой-то предмет...

— Вот, товарищ капитан. Нашли в кустах. Видно, этим и убил. Профессиональный удар. Без ошибки...

В руках у военного нож. Я пригляделся внимательней. Неужели тот самый?! Мурашки пробежали по спине. Нож с широким лезвием и с деревянной рукояткой, в которую вделаны блеснувшие в луче фонарика буквы «G» и «R»...

Правда отыщет дорогу

В этот ранний час берег реки был пустынным. Солнце только что поднялось из-за бугра и застряло в кустах, запутавшись среди густых веток. Песок еще не нагрелся, и мы с Женькой сидели, поеживаясь от холода и глядя, как, фыркая, бултыхается в воде Левашов, недавно приехавший сюда.

Почти две недели прошло с той страшной ночи. Меня полуживого привезли домой незнакомые люди. Три дня я провалялся в постели — меня била нервная лихорадка. Но все в конце концов проходит. Первым, кого я узнал, когда предметы стали принимать обычные очертания, был Женька. Он сидел возле моей кровати на стуле.

С каким нетерпением Вострецов ждал моего выздоровления! Да разве только он? Несколько раз о моем здоровье справлялся Левашов. Он сам сказал тете Даше и Женьке, что я могу дать следствию очень ценные данные по делу бывшего сотрудника гитлеровской разведки во время войны Афанасия Шкворнева — Сивого. Надо ли еще говорить о Женькином нетерпении?

Уже всем в городе было известно, что Шкворнев

признался в своих преступлениях во время войны. Это он пробрался по заданию фашистской разведки в партизанский отряд Павла Вересова. Это он тайно перерисовал с карты, хранящейся у командира, план проходов в болотах к неприступному для посторонних месту, где скрывались партизаны. Это он лично передал этот план коменданту города Рихарду Гардингу, чьи инициалы медными буквами «G» и «R» были вдавлены в рукоятку ножа. Гардинг сам подарил этот нож предателю в знак особого расположения. Это Сивый уведомил карателей, что командир отряда не вернулся в лагерь после того, как был приведен в исполнение приговор бандиту Хорькову. Это он заранее предупредил гитлеровцев, что в город с поручением командира отряда отправится Клава Муравьева — дочка казненного фашистами лесника. Правда, к счастью для Лидии Викторовны, Сивому не удалось узнать, как тот ни старался, к кому и для чего ходит Клава. Зато он узнал, кто сообщает партизанам об эшелонах, которые ждут отправления на станции. По его доносу был схвачен и казнен железнодорожник Семен Гудков. Удалось предателю узнать и несколько имен патриотов, передавших партизанам спрятанные от фашистов охотничьи ружья, пули, порох, гильзы.

Обо всем этом Вострецов рассказал мне торопливым шепотом, с опаской поглядывая на дверь. Там в любую секунду могла появиться тетя Даша. А доктор, навещавший меня каждый день утром и вечером, строго предупредил ее, что мне нельзя волноваться.

А я и в самом деле разволновался, слушая Женьку. Да и как же можно было все это слушать без волнения? Могло ли мне или Женьке прийти в голову, что мы едем в поезде рядом с агентом гитлеровской разведки? Да я бы подавился клубникой, если

бы подозревал, что ее протянула мне рука предателя...

Потом, когда мне уже разрешили вставать с постели, ребята специально собрались в штабе, чтобы послушать мой рассказ. Я повторил им весь разговор Сивого с бывшим полицаем, показал место, где они стояли и где потом лежал тот полицейский, смертельно раненный Шкворневым. А несколько дней спустя мне пришлось повторить свой рассказ в светлом кабинете, где меня очень внимательно слушали серьезные люди. Постепенно волнение мое улеглось.

В этом кабинете, с окнами, до половины сверху задернутыми легкими, собранными в гармошку занавесками, сидело за столом несколько человек. Были тут и военные. Среди них даже один полковник с тремя рядами разноцветных орденских ленточек и чекистским значком на груди. Этот полковник — мне сразу стало ясно — был тут самый главный. Он-то и попросил меня припомнить в точности, если я сумею, весь разговор, который происходил между Афанасием Шкворневым — Сивым — и Леонидом Ляховицким — так звали убитого Шкворневым бывшего полицая.

«Вспомнить, если сумею!..» Да я никогда в жизни не забуду ни словечка из того разговора!.. И все-таки рассказывать полковнику и тем людям было куда труднее, чем Женьке и ребятам. Я очень боялся что-нибудь пропустить. И когда я встречался взглядом с полковником, сидевшим у окна, тот ободряюще кивал мне и улыбался, словно хотел сказать: «Смелее, Сергей!»

«Смелее! Смелее!» — повторял я сам себе. Голос мой перестал дрожать, он набрал силу. Мне обязательно надо рассказать все-все, что я знаю. Пусть и люди узнают о тех, кто героически сражался с врагом и о тех, кто встал на путь измены.

— Вы молодцы, ребята! — сказал мне в заключение полковник и крепко, от души пожал руку.

— Спасибо! — ответил я.

Я был рад и горд. Ведь документы, найденные нами в Волчьем логое, были нужны работникам Комитета государственной безопасности. Мы, конечно, не подозревали, что наша находка поможет ту же стянуть вокруг предателя железное кольцо улики.

Долго я не спал в ту ночь. Разные думы бродили в моей голове. Вспоминал, думал о своих друзьях, о походе в Печурово, Марьино и Копалино. Немало довелось там узнать нашим следопытам. Многие крестьяне в далеком сорок первом помогали партизанам из отряда Вересова — кто хлебом, кто одеждой. Были такие, кто видел самого командира.

Оказалось, что в деревнях, куда пришли наши следопыты, тоже читали в газете заметку Романа Коша. Наши с Женькой фамилии были там известны. Поэтому ребят встретили как старых знакомых. Им охотно указывали, куда и к кому пойти, кого и о чем расспросить. Сам секретарь парторганизации колхоза, которого Женька, Настя и Тарас застали в правлении, посадил всех троих в свой «газик» и повез в поле. Там в это время работали на уборке Тимофей и Герасим Стеблевы — два брата, которых секретарь назвал самыми главными партизанскими помощниками.

Совсем еще мальчишками были во время войны Герасим и Тимофей. Было им меньше лет, чем сейчас нам с Женькой. Но зато можно было им позавидовать. Сам командир отряда Павел Вересов послал их с заданием — пробраться мимо фашистских постов в большое партизанское соединение Степана Кожуха, разведать, есть ли к району действий этого соединения скрытые пути, и узнать у самого Кожуха

ха, примет ли он группу Вересова хотя бы взводом в свой отряд. И ребята дошли. Выполнили приказ. Видели Кожуха. Запомнили, какими тропами можно обойти гитлеровские заставы.

Только слишком поздно пришли назад братья. Уничтожили каратели в Волчьем лого отряд героев-партизан...

Может быть, все это было уже известно жителям — не знаю. Только слушали Женькин рассказ очень внимательно. А Вострецов разошелся — не удержать! Он рассказал о том, что в Марьине Митя и Федор тоже не потратили времени зря. Они встретились с человеком, раздобывшим для партизан радионаушники. Еще в школе увлекался Глеб Красков радиоприемниками. Вот он и подсказал, как можно детекторный приемник сделать собственными руками.

Мы позвали Василия Степановича в гости. И в тот самый вечер за столом наш гость Левашов стал рассказывать нам, что среди бесформенных комков бумаги, привезенных им из Зареченска с партийными и комсомольскими билетами, с красноармейскими книжками, с письмами партизан, среди отсыревших бумажек, в которых, как нам казалось, уже и разобрать-то ничего нельзя, что все пропало, работники Комитета госбезопасности обнаружили записную книжку, страницы которой были заполнены рукой командира отряда Павла Вересова, как это установили эксперты-графологи.

Это была самодельная книжечка, вырезанная из обыкновенной ученической тетрадки в косую линейку. Долго пришлось потрудиться над ней многим людям. Вероятно, для самого себя и только одному ему понятными значками, буквами, цифрами отмечал командир, кого и когда посылал на задания, как эти задания выполнялись. Этот шифр был куда по-

труднее, чем письмо старца Пафнутия. И все же разгадали его.

И вот что вскрылось тогда, очевидно, неясное еще самому Павлу Вересову. После прихода в отряд Афанасия Шкворнева партизан одна за другой стали преследовать неудачи. Арест Клавы Муравьевой, казнь Семена Гудкова, облавы на охотников, передавших оружие партизанам, засады гитлеровцев как раз в те ночи и в тех местах, где партизаны готовили диверсии. И это случалось всякий раз, если о предстоящем деле знал Шкворнев.

Однажды партизанам удалось с огромным трудом раздобыть немного взрывчатки. Это Микола Федорчук разузнал, что фашисты заминировали участок между болотом, где прятались партизаны Вересова, и городом. Рискуя жизнью, Андрей Степняк и Платон Рузаев ночью сняли несколько мин и, выплавив из них взрывчатку, изготовили свою мину, чтобы пустить под откос эшелон с боеприпасами, следующий к осажденному Смоленску. Взорвать мину должны были Парфентьев, Федорчук и Шкворнев.

Диверсанты залегли у насыпи, дожидаясь поезда. Потом Шкворнев сказал Федорчуку и Парфентьеву, что сам подложит заряд и подожжет шнур. Они, мол, люди молодые, а он не боится рискнуть. Двое партизан отползли в кусты. Вскоре послышался далекий гудок паровоза. А спустя еще несколько минут появился из темноты Шкворнев. Он сказал, что можно отходить: поезд приближается, и сейчас грянет взрыв.

Взрыв действительно грянул. Но позади состава. Разворотило рельсы, которые на другой же день рабочие починили. Очевидно, Вересов заподозрил, что Шкворнев не случайно поставил к заряду шнур чуть длиннее, чем это было надо. Сивый и сам понял, что

командир кое о чем догадывается, и решил кончать опасную игру.

Он уже не раз ходил в разведку. Его посылали, потому что ему были известны все проходные дворы в Зареченске. Сведения, которые он приносил из разведки, — о численности гарнизона, о пулеметных точках, о вооружении гитлеровцев — при перепроверке оказывались достоверными. Вероятно, фашисты сами снабжали своего агента этими данными. В ночь, когда был уничтожен отряд, Шкворнев ушел в разведку самовольно. Он сказал Миколу Федорчуку, что послан командиром, и взял его с собой.

У комендатуры Сивый совершил первое в ту ночь злодейское убийство — ударом ножа смертельно ранил Федорчука. Двумя ракетами были предупреждены часовые у шлагбаума. Беспрепятственно они пропустили Шкворнева в лес. Да, это его видела ночью из окна Настина тетка — Елизавета Никитична, тетка Лиза...

Спустя час по следу Шкворнева прошел в глубь болот первый отряд карателей. Одновременно через деревни Печурово и Марьино две другие карательные группы двинулись по тропам в болотах, чтобы отрезать партизанам путь к отступлению в Марьинский лес, откуда шла дорога к отряду Кожуха. На рассвете Сивый совершил второе в ту ночь преступление: предательским выстрелом в упор убил командира отряда Павла Вересова...

Вероятно, он считался у фашистов ценным агентом, этот убийца и бандит Сивый. Когда группа Вересова была уничтожена карателями в Волчьем логое, гитлеровцы велели Шкворневу пробраться в отряд Степана Кожуха. И он пробрался. Сумел и здесь заслужить доверие партизан. Надо было показать им, что он не трус. Сивый попросился на задание и в перестрелке был тяжело ранен.

Его переправили на Большую землю, лечили в госпитале. Ведь никому не было известно, что он преступник, фашистский холуй. А он не спешил возвращаться к партизанам. Знал, что рано или поздно они могут его разоблачить. Ведь и Павел Вересов, очевидно, уже что-то заподозрил. Поэтому-то Сивый и поспешил с ним собственноручно расправиться. Немцы тоже крепко держали его в руках. Если бы он перестал сообщать им сведения о партизанах, они бы сами его Кожуху выдали. И Шкворнев воспользовался ранением. Заметая следы, он уехал в Новосибирск, отыскал там брата, который работал в больнице. Раздобыл фальшивую справку об инвалидности. А после войны вернулся в Зареченск, где его дом всю войну сторожила вовсе не помешанная старуха Марья Филипповна. Тут Шкворневу нечего было бояться разоблачения: ведь в живых не осталось ни одного свидетеля. Так он, по крайней мере, думал. Он же не знал, что полицай Ляховицкий существует на свете.

— Ну вот, пожалуй, и все,— произнес Василий Степанович, заканчивая свой рассказ о том, как в группу Павла Вересова пробрался предатель.

— А записка? — спросил Женька.— Кто написал записку? Ту, самую последнюю?

— Комиссар отряда коммунист Громов. Это его почерк.

— Я знаю! — воскликнул я.— Он писал, а товарищи отбивались от гитлеровцев... А потом он успел зарыть в землю гильзу со всеми бумагами. И погиб...

— Да, наверно, так оно и было. Герои погибли. А Шкворнев остался жить. Но правда, она всегда отыщет верную дорогу, как ее ни прячь.

До свидания, Зареченск!

И вот Левашов умолк, и я, словно очнувшись, огляделся по сторонам. Все так же, подперев щеку кулаком, рядом со мной сидел Женька. Напротив Дарья Григорьевна. А у края стола, склонившись над чашкой остывшего чая, примостился Иван Кузьмич.

— Я слышал, вы хотите устроить у себя в школе музей партизанской славы,— произнес Левашов, помолчав.— Так не думайте, будто я забыл о своем обещании. Фотокопии с документов привезу вам на днях.

И вот тут-то я узнал впервые о Женькином решении.

— Нет, Василий Степанович,— проговорил он, выпрямившись на стуле.— Пусть лучше музей партизанской славы будет здесь, в Зареченске. Ведь они... Ведь партизаны... Павел Вересов, Яков Громов, Платон Рузаев... Все они сражались с фашистами и погибли геройской смертью в здешних местах. Так пускай и музей будет здесь...

— Женька! — воскликнул я.— А как же мы? Разве мы уедем с пустыми руками?

— Все это оставим здесь ребятам...— Женька засмеялся.— Да мы и не уедем с пустыми руками. У нас есть наши коллекции.— Он подмигнул мне.— Ванесса уртикае...

Но мне было не до смеха. Всегда во всем я соглашался с моим лучшим другом Женькой Вострецовым, а тут ни за что не мог с ним согласиться. И неожиданно ко мне явилась помощь. Она подоспела с того края стола, где сидел, упершись в чашку бородкой, Иван Кузьмич.

— А я думаю, что ты, Женья, на этот раз не прав. Чем больше будет у нас таких вот музеев, тем лучше. Чем больше людей — в городах ли, в селах, в клубах,

в красных уголках, да и в школах в первую очередь — узнают, какие герои в нашей стране, за что они дрались, за что отдавали жизни, тем будет полезнее. — И как это часто бывало, Иван Кузьмич повернулся к тете Даше. — Вы со мной согласны, Дарья Григорьевна?

— Совершенно согласна, Иван Кузьмич, — энергично потрянув головой, отозвалась тетя Даша.

— Как же так два музея?.. — растерянно пробормотал Женька. Видно, эта простая мысль ни разу не пришла ему в голову.

— Да очень просто два! — рассмеялся Левашов. — Абсолютно правильно вы, Иван Кузьмич, заметили. Два музея лучше, чем один. А если таких музеев будет три, пять, десять, то и совсем хорошо! И фотокопии я вышлю вам в двух экземплярах.

Василий Степанович поднялся и начал прощаться. Ему пора было уходить.

Ох и стыдил же я Женьку в этот вечер! Да и как же ему, в самом деле, было не стыдно решать одному за нас двоих? Разве мы не вместе расшифровывали таинственную бумагу Ивана Кузьмича, ломали головы над загадочными значками? Разве Женька один собирал по всему Зареченску бечевки, чтобы набрать из них клубок больше ста метров?..

Я корил моего друга, а он молчал. Потом вдруг наклонил голову и посмотрел на меня чуть лукаво. Когда он вот так смотрел, я знал уже, что Женька чувствует себя виноватым, и переставал на него сердиться.

— Ладно, Серега... Я, конечно, не прав. Упрямитесь не стану...

И я тоже не стал упрямитесь и делать вид, что дуюсь на Вострецова. Я терпеть не мог, когда мы с ним ссорились. И, рассмеявшись, мы побежали, пока еще не зашло солнце, к развалинам электростанции,

где — я не сомневался в этом — могли застать ребят и рассказать им все, что услышали сегодня от Василия Степановича.

Потом мы не встречали его целую неделю. И он не подавал о себе никаких вестей. А между тем немолимо приближался день нашего отъезда из Зареченска. Мы уже начали укладывать наш огромный чемоданище. И хотя всю леску, поплавки, грузила, крючки, фонарик мы оставляли в подарок нашим новым друзьям, вещей у нас не убавилось, а даже прибавилось. Мы увозили из Зареченска честно поделенные пополам экспонаты будущего нашего музея, среди которых были и помятый автоматный диск, и ржавый штык от немецкой винтовки...

Увозили мы с собой и партизанский радиоприемник, сделанный Игорем, и настоящую, только разряженную гранату-лимонку — подарок копалинских пионеров. Не забыли мы и коллекцию бабочек — целых шестнадцать картонок, пестревших семелами, зубчатками, серпокрылками... Были тут и бархатисто-черный «адмирал», и желтый махаон, и бурый «воловий глаз»... Но посреди всей разноцветной пестроты самое почетное место, конечно, занимал громадный бражник «мертвая голова».

Чтобы уложить все это добро, нужен был не один чемодан, а два таких, как наш. Все свободное время мы с Женькой только и делали, что прикидывали, как получше упаковать вещи. Помог нам Митя. Он притащил из дома большой фанерный ящик — специально для наших коллекций. В этот-то ящик мы и уложили все, что не умещалось в чемодане. И за этим занятием, разумеется, требующим ловкости и смекалки, застал нас Левашов.

Левашов сдержал свое слово. Два комплекта четко отпечатанных фотографических копий документов и писем партизан лежали перед нами на столике.

Но это было еще не все. Рядом с пачкой фотографий Василий Степанович положил листок бумаги, на котором что-то было напечатано.

— А это вам подарок из музея,— сказал он.

Это была листовка! Еще одна партизанская листовка! Настоящая!.. Одна из тех, что расклеивали по городу Егор Алексеевич Прохоров и его товарищи — заготовщики с лесопилки. На той стороне, где не было текста, остались по краям пятнышки от кусочков теста...

Женька волновался. Листок бумаги дрожал у него в руке, когда он прерывающимся голосом стал читать:

— «Товарищи! Уже три месяца идет война. За это время Гитлер хотел дойти до Урала, захватить Москву, Ленинград, Донбасс, Баку... У волка — волчий аппетит. Но только подавился Гитлер куском, который оказался ему не по зубам. Стоит, как и прежде стояла, как будет стоять вовеки наша Москва. Не прорваться фашистам к Ленинграду. Не видать им ни нашей нефти, ни нашего угля. Бьет врага на всех фронтах Красная Армия. Теряет Гитлер свои танки, свои самолеты, свои пушки, своих солдат. Придет время — вырвет Красная Армия у волка все его зубы! Не падайте духом, товарищи! Победа будет за нами!..» — Победа будет за нами!.. — повторил Женька. Вдруг он поглядел на Левашова ошеломленно. — А почему же одна листовка?

— А тебе надо десять? — засмеялся Василий Степанович. — Скажи спасибо, что одну дали. Еле упротисил.

— Так ведь у нас будет два музея... Один у нас в школе, в Москве, другой здесь, в Зареченске...

— А вы разыграйте листовки,— посоветовал Левашов. — У вас же их две — одна от руки написана, а другая теперь вот эта. А с оставшейся сделайте фо-

тоснимок. Вот и будет в каждом музее один подлинник, одна копия.

Прощаясь с нами, Василий Степанович сказал, что его ждет машина, он торопится и лишней секунды у него нет. За окнами уже нетерпеливо сигнализала «Волга»...

Когда мы приехали в Зареченск, нас встречала одна тетя Даша, а провожать на станцию пришла целая толпа — все ребята и даже Иван Кузьмич. Вот ведь прошло чуть больше месяца, а подружились мы так, что и расставаться не хочется.

Скоро прибудет поезд. Билеты у нас уже в кармане. Телеграммы нашим мамам посланы. Чемодан и Митин ящик наготове: ведь поезд стоит на станции в Зареченске всего три минуты...

Да, прошло больше месяца, а мы с ребятами за это время, оказывается, не успели наговориться. И говорим и говорим... Но крепыш Федя, как всегда, переговаривает всех и звонче всех кричит:

— Вы напишите, к-как только приедете!

Написать? А куда? Мы ведь забыли обменяться адресами. Вот так штука! Скорее записать! Успеть бы до прихода поезда!.. Он уже свистит где-то за лесом.

— Ты мне пиши,— сказал я Насте, торопливо нацарапывая на клочке бумаги ее адрес и протягивая бумажку, где был написан мой.— Обязательно, ладно?

— Ладно,— грустно говорит Настя.

Может быть, ей тоскливо оттого, что я уезжаю. Все-таки мы так крепко успели подружиться!..

— Напишу,— говорит она.— Жене и тебе... Вместе...

Свисток паровоза раздается где-то совсем недалеко. Тетя Даша засуетилась. Схватила чемодан. Но за

ручку одновременно с ней взяли Митя, Игорь и Тарас. Схватились и рассмеялись.

— Давайте лучше мы, Дарья Григорьевна.

Втроем они легко поднимают наш тяжелый чемоданчик. А мы с Женькой и Федей ящик.

Из-за перелеска внезапно выныривает электровоз, зеленый, с ярко-красной полосой впереди. Он резко тормозит у перрона. Последние поцелуи тети Даши, последние рукопожатия ребят. Мы карабкаемся в вагон.

Поезд вот-вот тронется. Мы стоим в тамбуре и глядим на ребят — последний раз глядим из-под локтя проводника, который уже приготовил желтый флажок. И вдруг к нам бросается Игорь.

— Возьмите! Чуть не забыл!..

Что это у него в руке? Карманный радиоприемник!..

— Зачем, Игорь? — отказывается Женька. — Не нужно!..

— Нужно!.. — сердито кричит радиотехник. — Я специально для вас нес. Берите. Я еще сделаю.

Толчок... Поезд трогается. Тетя Даша машет нам рукой. Машут руками ребята. Машет шляпой Иван Кузьмич. И мы тоже машем руками в ответ, машем изо всех сил, так, что начинают болеть кисти рук. Мы кричим: «До свиданья, ребята! До свиданья, тетя Даша! До свиданья, Иван Кузьмич! До свиданья, славный Зареченск!» А поезд все ускоряет ход... И вот уже и ребята, и тетя Даша, и Иван Кузьмич, и станция — все исчезает вдаль.

А за окошком уже мелькают перелески, холмы, узенькие речушки, голубые озерки... Здесь когда-то прошла самая жестокая, самая страшная из всех войн, какие только были на земле...

— Женька, — говорю я. — А как ты думаешь, Женька, будет еще война?

— Не знаю,— отвечает он.— Может быть, будет. Но только, Серега, если она будет, после нее уж ни одного фашиста на всем свете не останется.

Все быстрее мчится поезд, все громче и чаще перестук колес. И снова слышатся мне в этом грохоте смелые слова, которые так любит повторять Женька: «Идущий вперед — достигнет цели!.. Идущий вперед — достигнет цели!..» Куда ты несешь нас, поезд? В какую даль? В какую жизнь? Может быть, ты мчишь нас домой? А может быть, к новым неизвестным приключениям?..

СОДЕРЖАНИЕ

Дом на улице Овражной

Идущий вперед — достигнет цели	4
Дневник	11
Бабушка Ксения	29
Нелегкое дело	38
Неужели нашли?	46
Динарий Юлия Цезаря	53
Битва на Овражной	60
Неужели дружбе конец?	69
Сопrotивление материалов	73
Удивительная встреча	78
Лешкины фотокарточки	90
Примирение	97
Альбом	108
Проездом в городе	115
Знамя над баррикадой	125
Фотография на стене	131
Наследники	140
Письмо	143
Бой под Волочаевкой	151

Сокровище Волчьего лога

Мы едем в Зареченск	162
Веселый попутчик	168
Иван Кузьмич	172
Дом за высоким забором	176
Новые знакомые	182
Волчий лог	187
Тайна Ивана Кузьмича	194
Удивительная разгадка	202
Как трудно иногда молчать... . . .	203
Находка	221
Сквозь пятна крови	227

Кто жив, тот не забудет	240
Звезда на фуражке	251
Драгоценный подарок	258
Ненависть сильнее страха	267
Штаб следопытов	276
«Нужна ваша помощь»	285
День, переполненный событиями . .	290
Неожиданное открытие	301
«Мертвая голова»	304
Уходят товарищи в путь...	308
Встреча во тьме	313
Правда отыщет дорогу	320
До свидания, Зареченск!	328

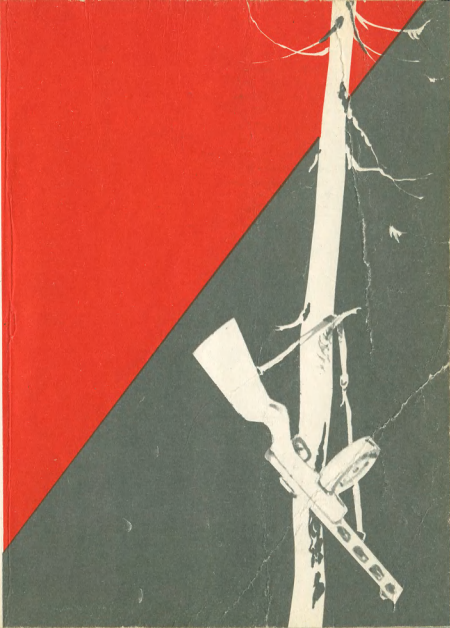
ИБ № 1392

Александр Александрович Соколовский

НЕУТОМИМЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Для детей среднего и старшего возраста

Заведующая редакцией Л. Сурова. Редактор В. Степанов. Художник Н. Михайлов. Художественный редактор Э. Розен. Технический редактор Л. Маракасова. Корректор Е. Протасова. Сдано в набор 27.09.79. Подписано к печати 24.01.80. Л 76406. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 14,07. Тираж 100 000. Зак. 4340. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

45 коп.